



Вера Александровна АРТИСЕВИЧ (1907–1999)

— бессменный директор (с 1931 г.) Научной библиотеки Саратовского государственного университета. Ее называли при жизни «библиотечной легендой». К ней особенно хорошо подходят ее же собственные слова о типе личности библиотекаря: это «люди одержимые. Библиотека особенно не любит равнодушных. Им это противопоказано. Совершенно». По мысли В.А. Артисевич, *библиотекари должны быть люди не только образованные, обладающие профессиональными знаниями, эрудированные, воспитанные, но и привлекательные, красивые, вежливые и внимательные к запросам читателей, умеющие скромно, но со вкусом одеваться.* Среди качеств, которыми обязан обладать библиотекарь, Артисевич называла *стремление к самосовершенствованию, собранность, чувство долга, ответственность, приветливость, порядочность, такт.* Библиотекарь *не должен бояться черной работы. Не должны выбирать профессию библиотекаря* те, подчеркивала она, кто преследует только личные интересы, люди замкнутые, грубые, злые, ленивые, безответственные, медлительные, неуравновешенные и бездуховные.

Директор библиотеки, по словам самой Артисевич, должен иметь организаторский талант, сметливость, быструю реакцию, ему надо уметь работать с людьми, заботиться о повышении их квалификации, их духовном росте.

Такой была она и сама. По словам другого выдающегося библиотекаря — Маргариты Ивановны Рудомино, Артисевич умела работать с людьми, расположить к себе слушателя, добиться их доверия. Она хорошо говорила, убежденно и аргументированно. Была строга и к себе, и к подчиненным. Для нее характерна, что называется, «моментальная исполнительность». Масштабная личность с талантом организатора, с широким кругозором, эрудированная,

воспитанная, доброжелательная, любящая книгу, с незаурядным умом, умеющая общаться с людьми, вникать в работу подчиненных. Ей на посту директора довелось быть и педагогом, и исследователем (в сборнике «Библиотечная легенда» опубликована ее статья «К вопросу об итогах развития советского библиотековедения»), и переводчиком, и машинисткой, и дипломатом, и архитектором, и строителем, и хозяйственником, и даже слесарем. «Я счастлива, — говорила она, — что стала библиотекарем».

В.А. Артисевич родилась в Одессе, окончила политехникум в Благовещенске-на-Амуре. Первая ее должность — заведующая библиотекой Амурского Дома работников просвещения, затем — работа в Краевой библиотеке Хабаровска. С 1929 г. — она уже в Саратове — заведующая общим отделом Фундаментальной библиотеки Саратовского университета. В 1931 г. Артисевич была назначена и до конца своих дней оставалась директором этой библиотеки. Во время Великой Отечественной войны ей даже пришлось исполнять обязанности ректора университета. Библиотека обслуживала тогда два университета: свой и эвакуированный Ленинградский, оказывала справочно-библиографическую помощь преподавателям Московской консерватории, актерам МХАТа им. Горького (а работали тогда при свечах и керосиновых лампах!).

В 1949—1957 гг. *по проекту* Артисевич в разрушенном войной Саратове было построено новое здание Научной библиотеки СГУ. Она же спроектировала и депозитарий. Строительство шло в тяжелых послевоенных условиях. Коллектив библиотеки вместе с рабочими рыл котлован, таскал кирпичи... Требовалось ежедневно «выбивать» деньги, технику, стройматериалы.

Долгий плодотворный трудовой путь В.А. Артисевич был оценен и у нас в стране, и за рубежом. Она имела множество званий и наград, отечественных и иностранных, среди которых Орден Трудового Красного Знамени, звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» и почетный член Международной академии информатизации, Золотая медаль Яна Амоса Коменского (Чехословакия) и Почетный диплом Международного биографического института США. Артисевич — почетный гражданин г. Саратова. Она включена в международный справочник «Who is who in the World» 1994 — 1996 гг. В.А. Артисевич — участник 29-й, 30-й и 31-й сессий ИФЛА.

Ю.Н. Столяров в своей статье «Первопроходец советского библиотековедения» назвал Веру Александровну *уникумом в профес-*

сии, заслуживающим занесения в книгу рекордов Гиннеса как старейший библиотечный работник и старейший директор библиотеки. 20 апреля 1999 г. Зональной научной библиотеке Саратовского университета было присвоено имя В.А. Артисевич.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библиотечная легенда: К юбилею директора Зональной научной библиотеки Саратовского университета Веры Александровны Артисевич. – Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 1996. – 256 с.
2. Библиотека вуза: вчера, сегодня, завтра: Сборник статей, посвященный памяти В.А. Артисевич. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 80 с.



Ашшурбанипал (Ассурбанипал) (668—635 гг. до н. э.)

— последний крупный ассирийский царь, создатель одной из наиболее достопримечательных библиотек древности. Через 20 лет после его смерти Ассирия была разгромлена и навсегда перестала существовать. Сын грозного царя Асархаддона (Асаргаддона), вначале не готовился на царский престол, царем должен был стать его младший сводный брат. Ашшурбанипал был отдан на воспитание жрецам, которые с малых лет обучали его искусству клинописи и чтения ассиро-вавилонских и шумерских текстов. Он изучал науки своего времени, решал задачи с умножением и делением... Однако в 668 г. до н.э. Ашшурбанипал все-таки вззошел на престол Ассирии. Это был первый и последний её грамотный царь. Знакомство с военно-историческими сочинениями, хрониками царей, литературой Ассирии, Вавилонии и Шумера расширило его кругозор, привило любовь к знаниям, а воспитание под руководством жрецов изошрило его ум, взрастило коварство и злопамятность. В своей жизни и государственной политике он руководствовался правилом, которое позднее у римлян стало известно как «разделяй и властвуй».

Столицей Ассирии была Ниневия, расположенная на берегу р. Тигра. Там же, естественно, располагался и дворец царя. По повелению Ашшурбанипала писцы снимали копии с глиняных «книг»,



*Ашшурбанипал на троне.
Древнеассирийское изображение*

ная (известная ныне) библиотека была основана ещё раньше — царем Тиглатпаласаром I (1114—1076 гг. до н.э.).

Некоторые «книги» состояли из нескольких «*листов*» — табличек одинакового размера. На каждом листе стоял его номер, было написано *название* книги, которым служили начальные слова первой таблички. «Книги» в библиотеке собирались по отраслям знаний. А чтобы найти нужную книгу, обращались к «*каталогам*», где указывалось название книги, число строк на табличке, наконец, комната и полка, на которой она хранилась. Таблички одной книги находились в отдельном деревянном ящике. Кроме того, уже тогда догадались на каждую книгу ставить *библиотечный штамп* «Дворец Ашшурбанипала, царя вселенной, царя Ассирии».



В Ниневийской библиотеке собирали и хранили самые различные документы: законы, купчие, донесения, контракты, приказы, жалобы, карты, планы земельных участков с указанием их площадей, справочные таблицы по математике (умножение, деление, возведение в степень, извлечение квадратного корня...), хроники, отчеты о постройке зданий и каналов, сообщения астрономов, книги по химии (например, как соорудить плавильную печь и из-

готовить эмаль различных цветов). Среди них были таблички и с записью музыки. Глиняные *письма* хранились (и пересылались) в глиняных же «конвертах», перед чтением конверт приходилось разбивать. С писем Ашшурбанипал снимали копии, на них писали имя гонца, которому было доверено доставить донесение. Хранились в библиотеке и печати-штампы, одним нажимом которых воспроизводили целую «страницу» — 1 сторону глиняной таблички — для изготовления большого количества копий с какого-нибудь циркуляра или указа. Применялись также штампы не только для «печатания» книг, но и для получения оттисков на глазурованных облицовочных кирпичах, цилиндры-печати со сложными рисунками. С особой тщательностью Ашшурбанипал собирал в библиотеке медицинские книги, особенно с записью заклинаний от болезней, а также с описанием лекарственных трав, некоторые из них применяют и сейчас. Много хранилось шумеро-ассирийских словарей, сборников грамматических правил, примеров и упражнений. Всего в библиотеке хранилось примерно 700 сочинений, из них 200 приходится на литературные произведения. Различные мифы, легенды, предания древних шумеров (в частности, мифы о потопе, о космических пришельцах), вавилонян и ассирийцев стали известны благодаря библиотеке Ашшурбанипала. Именно в ней сохранилось самое древнее литературное произведение мира,



Дворец ассирийских царей в Ниневии



*Глиняная плитка с мифом
о потопе*

Значение «глиняных книг» для истории культуры, науки огромно, его нельзя переоценить. Это понимал и сам Ашшурбанипал, который писал: « Я велел начертать на плитах славные письмена, произведения книжного искусства, которых не изучал ни один из моих предшественников, я собрал письмена во дворце моем, я разделил их на разделы, и я, царь людей, любимец богов, я умею даже читать их». Кроме того, библиотека царского дворца была, вероятно, *публичной* (для правящей администрации). Вот слова Ашшурбанипала: «Это клинописное письмо, проявление бога Набу, бога высшей миссии. Я его написал на табличках, я пронумеровал их, я привел в порядок их, я поместил их в своем дворце для *наставления моих подданных*».

шумерский эпос о Гильгамеше (ок. 2400 г. до н.э.), потом переведенный на ассирийско-вавилонский язык. Записан он был в стихах на 12 глиняных табличках. Эпос «О все выдавшем» оказал огромное влияние на всю мировую литературу. Исследователи нашли аналогии с ним не только в древнегреческих и древнеримских сказаниях, но и в скандинавских сагах, индийском эпосе, мифологии Будды и Магомета.

Значение «глиняных книг» для истории культуры, науки огромно, его

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глухов А.Г. Судьбы древних библиотек. — М.: Изд-во «Либерея», 1992. — С. 12 — 18.
2. Липин Л., Белов А. Глиняные книги / Науч. ред и предисл. В. Струве. — Л.: Детгиз, 1956.
3. Детская энциклопедия в 10 тт.: Из истории человеческого общества, т.7. — М.: Изд. АПН РСФСР, 1961. — С. 31 — 34.
4. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом: Учебник. — М.: Книга, 1982. — С. 9 — 11.



Хорхе Луис БОРХЕС (1899–1986)

— один из крупнейших писателей в мировой литературе, великолепный рассказчик, аргентинец по национальности, некоторое время служил *библиотекарем*. В шесть лет он объявил отцу (прозаику и драматургу-любителю), что будет писателем. Написал свой первый рассказ в семь лет (по мотивам «Дон Кихота»), а в девять — перевел сказку О. Уайльда «Счастливый принц» и опубликовал в июньском номере столичной газеты «Пайс» за 1910 г. Перевод, конечно, приписали отцу. Далее — учеба в лицее, а затем в Женевском колледже, знакомство с французской и русской литературой, немецкой и индийской философией. Он пишет сонеты на английском и французском, учит немецкий... До 1921 г. Борхес публикуется только в Европе, за первые 10 лет литературного труда в сорока периодических изданиях появится примерно 250 его публикаций и шесть книг. А далее — переезды из страны в страну и многочисленные литературные труды.

В 1937 г. Борхес, уже широко известный писатель, получил по рекомендации место мелкого служащего в муниципальной библиотеке на окраине Буэнос-Айреса (от трамвайной остановки до библиотеки он шел еще десять кварталов). Как вспоминает сам Борхес в автобиографии, в библиотеке было человек 60, а выполняли они работу, с которой справились бы и 15. Его занятием была классификация и каталогизация библиотечных фондов. Но книг было так мало, что их можно было найти и без какой-либо системы. На второй день работы его отвел в сторону коллега и стал убеждать не работать так рьяно, а то «вы нас сделаете безработными». Ради правдоподобия они договорились, что Борхес будет обрабатывать около 100 книг в день (в первый он сделал классификацию 400 книг). Свою работу он выполнял в первый же час, а в оставшееся время уходил в подвальное книгохранилище читать или писать. Никто в библиотеке не догадывался, кто он такой, и

однажды его повысили аж до Третьего Заместителя. Впрочем, как-то один сослуживец заметил в энциклопедии имя некоего Хорхе Луиса Борхеса — его очень удивил факт совпадения имен и дат рождения писателя и их сотрудника... Жалованье в библиотеке было скудное, время от времени их награждали двухфунтовой пачкой мате. Несмотря на это, уже начавший терять зрение, он проработал там целых 9 лет. Его знаменитые рассказы «Лотерея в Вавилоне», «Смерть и буссоль» и «В кругу развалин» целиком или частично были написаны в рабочие часы, а в «Вавилонской библиотеке» он даже воссоздал устройство своей муниципальной библиотеки, передав точно количество книг и полок.

В 1946 г., после прихода к власти другого президента, Борхеса вызвали в мэрию и уведомили, что его переводят из библиотеки на должность инспектора по торговле птицей и кроликами на городских рынках. Борхес вынужден был подать прошение об отставке.

В 1955 г., после падения режима Х.Д. Перона, ему предложили пост *директора Национальной библиотеки Аргентины*. Там он проработал до 1973 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борхес Х.Л. Автобиографические заметки. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3: История ночи: Произведения 1970—1979 годов / Пер. с исп. и англ. Сост., предисл. и примеч. Б. Дубина. — СПб.: Амфора, 2001. — С.317.
2. Кабачек О.Л. «Повелитель бесконечности»: Хорхе Луис Борхес — поэт и философ библиотеки // Библиотековедение. — 2003. — № 5. — С. 70 — 77.



Карл Максимович (Эрнест) БЭР (1792—1876)

— крупнейший биолог, натуралист первой половины XIX в., основоположник эмбриологии (его классический труд — «История развития животных») — тоже *библиотекарь*.

Академик К.М. Бэр — предшественник Дарвина в утверждении идеи эволюции, он открыл законы онтогенеза, хорду у позвоночных, яйцо у млекопитающих (1826 г.), а также дал объяснение образованию высоких правых берегов у рек и даже оставил рецепт засолки каспийской сельди. Естествоиспытатель, географ, ботаник, зоолог, антрополог, этнограф — это все о нем. К. Бэр — участник многочисленных научных экспедиций. И — участник-доброволец Отечественной войны 1812 г. (в качестве врача). Бэр установил, что в процессе эмбрионального развития сначала проявляются самые общие признаки (типа, к которому относится данное животное). Затем последовательно появляются признаки класса, отряда, семейства, рода, вида и, наконец, индивидуальные признаки особи. Признав эволюцию, Бэр распространил свои взгляды и на классификацию наук.

К.М. Бэр родился в Прибалтике, окончил медицинский факультет Дерптского университета. Докторскую диссертацию защитил на тему «Об эндемических болезнях в Эстляндии» (оригинал — на латинском языке).

В библиотеке Академии наук он работал с 1835 по 1862 г., заведовал иностранным отделом. Придя в библиотеку, он сразу же предложил план упорядочения фонда, выступил с идеей создать систематический каталог. «Хорошее состояние библиотек, — говорил Бэр, — является необходимым условием развития научных знаний в России». На вопрос, какое образование нужно для заведования университетской библиотекой, он отвечал — образование по общей истории литературы. В тогдашней Германии библиотеками по традиции руководили классические филологи, что К. Бэр считал неправильным. Это было оправдано в XVI в., говорил он, когда основной фонд составляли издания древних классиков, в Средние же века библиотечным делом обычно руководили монахи, т.к библиотеки сосредоточены были, как правило, при монастырях.

Бэр рассматривал библиотеки как более важное средство культуры, чем университеты. Он поставил себе целью разработать такую книжную классификацию, которая соответствовала бы научной систематике знаний, т.е. классификацию самих объектов, изучаемых науками. В 1841 г. он представил на суд критики оригинальную библиотечно-библиографическую классификацию — лучшую на тот момент в России. В классификации Бэра отсутствуют рубрики ненаучного характера, которые имелись в предшествовавших системах. Система имеет 21 раздел и более мелкие под-

разделения. На первое место он поставил *Библиографию и общую историю литературы*. В подразделении — **А.** Библиотековедение и библиотеки. — **В.** Каталоги рукописей. — **С.** Каталоги печатных книг и история книгопечатания. — **Д.** История литературы и биографии ученых:... **d.** Жизнеописания отдельных лиц, похвальные слова (отзывы), памфлеты, письма и сборники разного содержания. — **Е.** История школ и университетов. — **Ф.** История и труды ученых обществ. — **Г.** Периодические издания разного содержания. — **Н.** Литературно-критические журналы.

Таким образом, здесь на одном из первых мест размещалась филология и античная литература. Это было принято и до него — в классификациях Бантыш-Каменского и Демидова.

Последний — 21-й основной раздел — Собрание всех каталогов академической библиотеки (искусство, словесность, богословие и философия).

Бэр ввел группировку наук, не применявшуюся ранее (например, последовательность естественных наук).

К. Бэр отрицал революции и был приверженцем эволюционного развития. Он был противником крепостного права, не одобрял официальную церковность, но и не был материалистом. Резкой критике с его стороны подверглось разделение некоторыми учеными человеческих рас на низшие и высшие.

В честь К.М. Бэра, в юбилей его 50-летия научной деятельности, была выбита бронзовая медаль. Академия наук учредила премию им. К. Бэра.

В 1986 г. Библиотеку Академии наук постиг грандиозный, самый большой в мировой истории библиотечного дела пожар. В огне пострадала коллекция книг, любовно собранная К.М. Бэром. Библиотека считает долгом чести восстановить фонд Бэра и постепенно делает это.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 2. — М.: Изд-во Всесоюзной Книжной Палаты, 1955. — С. 150 — 159.
2. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России: Уч.-метод. пос. — М.: Изд-во «Либерея», 2000. — С. 62.
3. БСЭ. — Т. 6. — 2-е изд. / Гл. ред. С.И. Вавилов. — М., 1951. — С. 446 — 447.



Александр Христофорович ВОСТОКОВ (1781—1864)

В хрестоматии «Публичная библиотека глазами современников» о нем можно прочитать: «Филолог-славист, поэт, палеограф, археограф, сотрудник Библиотеки с 1815 по 1844 г., *хранитель Депо манускриптов*».

А.Х. Востоков поступил в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга помощником к хранителю рукописей А.И. Ермолаеву, которого Н.М. Карамзин называл «любителем и знатоком наших древностей». Этого места Востоков добивался четыре года. После смерти Ермолаева в 1828 г. его назначают хранителем Депо манускриптов.

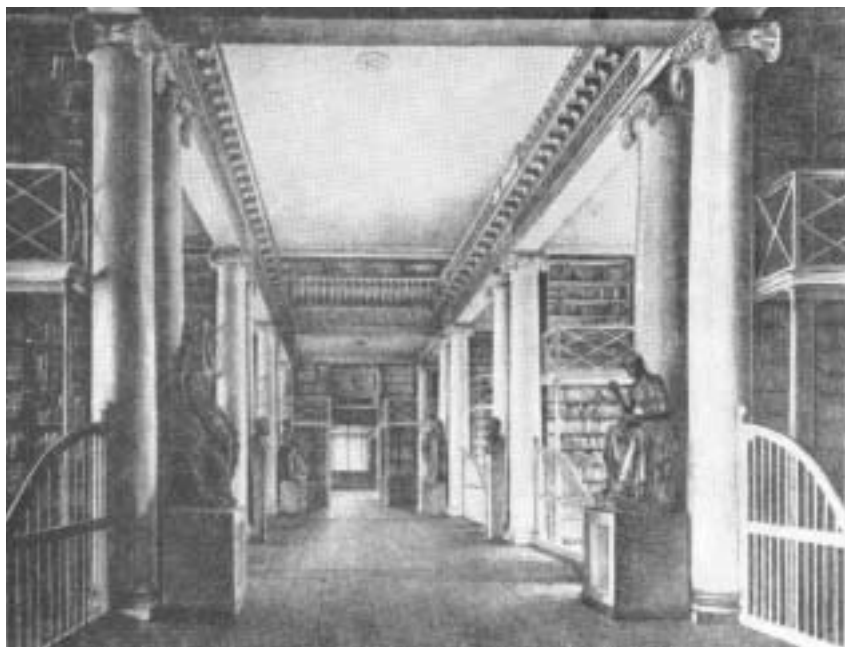
Внебрачный сын барона Х.И. Остен-Сакена, он воспитывался в бедной семье, а с семилетнего возраста отец отправил его в Петербург под фамилией Остенек (внебрачным детям давали усеченные фамилии). Там его устроили в сухопутный шляхетский кадетский корпус, где он полюбил чтение и иностранные языки. Из-за сильного заикания мальчика перевели в Академию художеств, где он и подружился с будущим первым русским палеографом А.И. Ермолаевым.

В 1801 г. юноши с друзьями вступили в «Общество любителей изящного», которое вскоре переименовали в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Молодые люди писали стихи, обсуждали волновавшие их проблемы литературного мастерства, теории стихосложения и эстетики. В Обществе А. Остенек считался самым авторитетным поэтом. Но его влекла и теория стиха: позже он напишет первую книгу о русском стихосложении, высоко оцененную А.С. Пушкиным.

В 1803 г. он стал помощником библиотекаря в библиотеке Академии художеств, но, считая, что принужден заниматься пустяками, работой там тяготился; затем служил переводчиком в Комис-

сии по составлению законов, в Геральдии, но его влекло к науке. Свои стихи, по совету А.Н. Оленина, он стал подписывать *Востоков* – калькой с немецкого. Тогда же молодой человек стал изучать славянские языки и памятники древнеславянской письменности и достиг такого совершенства, что создал труд «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам». Он доказал исконную близость славянских языков, открыл существование носовых гласных в старославянском языке. Светила филологии говорили о нем: «Востоков – творец славянской филологии». Все свободное время он занимался этимологией русского языка, написал обширный труд «Этимологическое словорасписание», выясняя «постепенное происхождение и переходение слов из одного языка в другой».

Служба в Публичной библиотеке, в Депо манускриптов, а также старшим библиотекарем Румянцевского музея давала Востокову возможность лучше узнать рукописные памятники. Эта работа находилась в русле его научных интересов. «В Публичной библио-



Депо манускриптов

теке привел он в известность и в порядок богатое собрание рукописей, бывшее до поступления в директоры ее А.Н. Оленина в величайшем расстройстве, и нашел в числе их сокровища, о которых и не догадывались» — это слова из его некролога, подписанного Н.И. Гречем. По предложению графа Н.П. Румянцева, А.Х. Востоков начал описание и составил каталог славянских рукописей; работа длилась целых десять лет. «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» содержало палеографическое, археологическое и литературное описание 473 памятников (вышло после смерти графа Румянцева, в 1842 г.). Востоков указывал заголовки, формат, количество листов, характер материала, дату (при определении времени написания рукописи он придавал большое значение почерку, форме букв), материал, миниатюры, подробно раскрывал содержание рукописи. Труд высоко оценили ученые. Филолог и этнограф И.И. Срезневский подчеркнул: «Не написана напрасно ни одна строка». Рижский епископ Филарет Зеум так отозвался на публикацию каталога: «...кому дорога Русь святая, кому дорого все отечественное, тот не может не сказать Вам от души — спаси бог. Замечания Ваши вводят и в таинства языка и в быт древний. Какое богатство сведений для историка и особенно церковного историка!».

В течение 1827 — 1831 гг. Востоков работал над учебником русского языка. В основу изучения грамматики он положил живой разговорный язык. Он написал «Сокращенную русскую грамматику для употребления в низших учебных заведениях» — она выдержала 16 изданий — и «Русскую грамматику по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенной». Полный вариант получил Демидовскую премию.

Как и все сотрудники, Востоков круглосуточно дежурил, обслуживал читателей, участвовал в экспертизе рукописей, советовал Оленину, какие книги нужно приобрести. Для оценки и страхования рукописей он разделил их на 4 разряда. Весь фонд Депо манускриптов был оценен им в миллион рублей. А.Х. Востоков по распоряжению директора Императорской библиотеки сделал описание «редких и любопытных манускриптов как на русском, так и на других известных» ему языках. Систематичность, скрупулезность в работе — вот качества А.Х. Востокова и как ученого, и как библиографа. Он лично проверил все описания, сделанные на карточках еще до него, прежде чем переписал их в каталог, а это огромная работа. Востоков внес несколько важных предложений по системе

каталога рукописных книг, например, применял метод отсылок. Он написал и проект управления музеем. Часто он выступал в роли художника-копииста: перекопировал рукописи по просьбам ученых. Умел читать стершиеся записи в рукописях, расшифровывал непонятные слова, определял дату написания рукописи - был знатоком палеографии (именно Востоков восстановил запись о времени происхождения Добролюва евангелия — 1164 г.). В то же время он был против исправления ошибок писцов, утверждая, что ученые «должны уметь читать старинные рукописи без наших поправок».

За хорошее обслуживание читателей Востокова избрали почетным профессором Тюбингенского университета (1825 г.); в отечественной прессе, тогда мало писавшей о библиотекарях, иногда появлялись лестные отзывы о работе «известного ученого-археолога Востокова».

Он исследовал памятники древнерусской письменности и как палеограф-археограф (будучи членом и главным редактором Археологической экспедиции) и как лингвист. Важнейшим из его трудов было первое научное издание (в 1843 г.) Остромирова евангелия 1056 г., пожалованного императором Александром I Публичной библиотеке. «Востоков... — писал Н.П. Карелкин, — дал всем ученым возможность заниматься изучением старославянского языка... это издание сделалось настольною книгою у всякого филолога». В издании для удобства сличения славянского перевода с подлинником был припечатан внизу страницы греческий текст, а в конце книги приложен словоуказатель «Грамматические правила славянского языка, извлеченные из Остромирова евангелия». За этот труд замечательный ученый был награжден Демидовской премией.

Востоков редактировал и участвовал в составлении «Словаря церковнославянского и русского языка» — в нем более 114 тысяч слов. Составил «Словарь церковнославянского языка» (1858 — 1861 гг.), в котором почти 22 тысячи слов; редактировал «Опыт областного великорусского словаря», «Дополнение» к нему.

Публиковался в журнале «Библиографические листы», который издавал П.И. Кеппен.

А.Х. Востоков был доктором Пражского университета, действительным и почетным членом многих зарубежных научных обществ, университетов и академий.

Несмотря на огромные заслуги, действительный статский советник А.Х. Востоков после почти 29 лет службы был уволен

и из Публичной библиотеки, и из Румянцевского музея. Причиной послужило то, что Востоков самовольно выдавал некоторым ученым книги на дом, допускал в хранилище рукописей, позволяя читателям там заниматься одним. Директор библиотеки А.Н. Оленин, узнав об этом, вынужден был издать в 1842 г. специальное распоряжение по этому поводу. Нового директора, Д.П. Бутурлина, принявшего дела после смерти Оленина в 1843 г., поразила безответственность, царящая в библиотеке. Как пишет О.Д. Голубева, исследовавшая этот вопрос в архиве, Бутурлин в ряде распоряжений «приказал при выдаче рукописей каждую страницу перенумеровать, тщательно осматривать рукописи при выдаче и при приеме, заниматься с рукописями только в хранилище, убрать из хранилища личные книги, бумаги». Ревизия выявила недостачу в Депо манускриптов и в Румянцевском музее. Востоков восполнил потерю своими 5 старопечатными русскими и 407 иностранными книгами. Впоследствии пропавшие книги, в основном, были возвращены теми, у кого они были. В Министерстве понимали, «что утрата произошла не по злему умыслу Востокова, а по его доверчивости и из-за ранее введенного порядка, когда граф Румянцев легко отдавал знакомым ученым для работы свои книги и рукописи».

Заметим только, что граф Румянцев раздавал *свои* рукописи, а здесь к *библиотечным* относились как к своим. Библиотекари, будучи сами честными и чистыми людьми, самобытными и увлеченными наукой, не предполагали в других иного и вели себя беспечно. Да и библиотечная профессия тогда только еще формировалась.

До последних дней своей трудовой жизни А.Х. Востоков был скромным, простым и добрым человеком. Его девизом могли бы быть строки из его же стихотворения: «*Терпением стяжай науку, которой ты себя обрек*».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубева О.Д. Хранители мудрости. — М.: Изд-во «Кн. Палата», 1988. — С. 215 — 233.
2. Грин Ц.И., Третьяк А.М. Публичная библиотека глазами современников (1795 — 1917): Хрестоматия. — СПб., 1998. — С. 141 — 149.
3. Русский язык: Энциклопедия. — М., 1979. — С. 47 — 48.

Г



Иоганн Вольфганг ГЁТЕ (1749—1832)

— величайший поэт, гуманист, ученый и мыслитель, в 1797 г. стал комиссаром «Верховного управления самостоятельными учреждениями по искусствам и наукам» при дворе герцога Веймарского. В его подчинении

был Веймарский театр, *веймарская библиотека*. Большое внимание Гете уделял библиотеке: *комплектовал* ее, ездил на книжные ярмарки и аукционы, выбирая нужные для библиотеки издания. Подарил полное собрание своих сочинений и другие книги. Очень занятой, но обязательный человек, он объездил библиотеки соседних городов, чтобы ознакомиться с их устройством, с их фондами. С 1809 г. он стал создавать в библиотеке Музей книги (по сути дела — *отдел редкостей*). Педантичный и точный, Гёте наладил строгий *учет* фондов, завел *инвентарную книгу* новых поступлений, провел ревизию, ввел новые *правила* пользования библиотекой. По его распоряжению были разработаны карточные *каталоги*: алфавитный, рукописей и инкунабул, восточных книг и рукописей, биографий и портретов, гравюр. Под руководством ученого фонд библиотеки формировался исключительно научного, энциклопедического характера. Каждый библиотекарь вел строгий *учет* своей работы, проверял *сохранность* возвращаемых книг. За плату можно было сделать *копии* (с части книги, статьи). По предложению Гёте ввели *заочный абонемент* (как мы бы сейчас сказали, «межбиблиотечный» — для известных ученых) с Йенской университетской библиотекой. Кроме того, совместно с библиотекой г. Йена проводились общие *выставки* книг. Гёте внимательно относился к подбору *библиотечных кадров*, новые библиотекари проходили специальное *обучение*. Была у него идея составить *сводный каталог* на фонд

Веймарской библиотеки и 3 библиотек в Йене (университетской и двух частных — немецких ученых — Будера и Бюттнера).

Гёте вникал в каждую мелочь: он хотел сделать Веймарскую библиотеку такой же образцовой, как Геттингенская. Там работали известные тогда библиотекари Геснер и Хейне, о которых он говорил, мол, Геттингену очень повезло, что у них есть такие специалисты. В Веймарской библиотеке было 4 служителя, делались научные *справки*, выполнялись научные работы для Веймара. Библиотека участвовала в подготовке к юбилею реформации 1817 г. (Особенно активны были сам Гёте, его сын Август и его шурин К.А. Вульпиус.)

Веймарский библиотечный фонд при Гёте увеличился в 2 раза и достиг 122 тысяч томов. В то время у библиотеки еще не было читального зала — Гёте распорядился выдавать *книги на дом*. Великий поэт сам мог написать письмо-*напоминание* с просьбой вернуть долго не возвращаемые книги.

35 лет возглавлял И.В. Гёте «Верховное управление», уделяя много времени своим подведомственным учреждениям. Позже он стал официальным попечителем и Йенской университетской библиотеки (куда он приглашал лучшие умы Германии: философа Ф. Шеллинга, историка Л. Окена, поэта Ф. Шиллера). А ведь он и писал в то время, работал над второй частью «Фауста». Однако Гёте была свойственна необыкновенная трудоспособность, умение планировать и организовывать и свою и чужую работу. Он был символом культуры, творческой мощи человека, живой легендой и — библиотекарем! Он опередил современников, писала Л.Б. Хавкина, в понимании библиотечного дела: основной задачей библиотеки «величайший из немцев» считал *пользование* книгами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хавкина Л.Б. Гёте как библиотекарь // Советская библиография. — 1936. — № 2. — С. 93 — 110.
2. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом: Учебник. — М.: Книга, 1982.— С. 62 — 63.



Мелвил ДЬЮИ (1851—1931)

— автор «Десятичной классификации» — один из виднейших *библиотечных* деятелей США, пропагандист метрической системы мер и весов, английской орфографии. В нашей литературе о М. Дьюи как человеке известно очень мало. В БСЭ о нем — ни слова.

Л.Б. Хавкина, замечательный библиотековед, написала реферат «Книга о Дьюи» по книге американца Ф. Райдера (1944 г.), однако он до сих пор не опубликован. Кроме того, она надиктовала машинистке некоторые свои впечатления о своих личных встречах с мэтром, но эти воспоминания очень малы по объему.

Известно о Дьюи следующее. Способности к систематическому мышлению у Мелвила проявились, по воспоминаниям его матери, очень рано, уже в 5-летнем возрасте.

В 1887 г. при участии М. Дьюи в библиотеке Колумбийского университета была создана первая библиотечная школа. Считая библиотечную работу самостоятельной профессией, он привлекал в библиотечные школы женщин; в 1892 г., возглавляя публичную библиотеку штата Нью-Йорк в г. Олбени, он опробовал на практике идею передвижной библиотеки, т.к. считал, что библиотекари должны активно привлекать читателей в библиотеки; Дьюи применил для каталогов «библиографический почерк» в подражание Эдисону. Предложил стандарт (7,5 x 12,5) на карточку каталога (эту идею подхватит П. Отле). В России этот стандарт ввело руководимое Л.Б. Хавкиной Русское библиотечное общество, существовавшее в Москве с 1916 по 1921 г.

Но главное «детище» М. Дьюи — *Десятичная классификация Дьюи (ДКД)*, которая была обдумана им уже в 1873 г., когда Мелвил учился в колледже Амхерста и работал в его библиотеке (там была крепостная расстановка). Заботясь о практическом удобстве расстановки литературы на полках и карточек в каталоге (в библиоте-

ках США свободный доступ читателей к полкам), он передал в библиотечный совет колледжа докладную записку о своей классификации. На следующий год классификация Дьюи применялась в библиотеке, а впервые была опубликована в 1876 г. Издание содержало всего 42 страницы, из которых 11 занимала таблица классификации. Остальные приходились на вступительную статью и алфавитно-предметный указатель. В 1885 г. вышло 2-е издание, содержащее 314 страниц. Дьюи приложил к таблице алфавитно-предметный указатель, который стал называться «Относительный указатель» (в 12-м издании число понятий в нем увеличилось до 43 тысяч).

Позднее П. Отле и А. Лафонтен усовершенствовали классификацию Дьюи и создали Универсальную десятичную классификацию — УДК. При жизни автора классификация переиздавалась 12 раз.

ДКД подразделяется на 10 основных классов, которые охватывают весь спектр знаний. Каждый основной класс подразделяется на 10 разделов, они, в свою очередь, — на 10 отделов (не все индексы во всех разделах и отделах заняты). Разделительная точка ставится после каждой 3-й цифры. Например, раздел 500 закреплен за естественными науками и математикой, 530 — за физикой, а 532 — за механикой жидкости.

Применение принципа десятицифровости привело к появлению безгранично растяжимой классификации, в которую легко включались новые понятия. Она хорошо запоминалась и усваивалась. В этом, как пишет Е.И. Шамурин, «большая удача Дьюи, его подлинное открытие». Недостатком же классификации явилось (иногда) механическое применение десятичных обозначений — «индексация превратилась в раба классификации». Несмотря на критику ДКД, ее влияние на дальнейшее развитие систематики было огромным.

Система ДКД — наиболее популярная из библиотечных классификаций в мире. Свыше 135 стран пользуются ею, она переведена на более чем 30 языков. В США ей пользуются в 95% публичных и школьных библиотек; 25% — в колледжах и университетах; в 20% специальных библиотек. ДКД применяется и для других целей, например, как поисковое средство в World Wide Web. В отделе Десятичной классификации библиотеки Конгресса США систематизаторы ежегодно присваивают более 110 тыс. индексов тем документам, которые каталогизируются библиотекой. ДКД существ-

вует в двух версиях: полной и краткой (для библиотек с фондом менее 20 тыс. ед. хранения). Классификация все время дополняется и публикуется в электронной версии Dewey for Windows. В 1998 г. ГПНТБ России выпустило русский перевод 21-го издания ДКД (знание шифра необходимо для поиска в базах данных библиотек США, Канады и др. Кроме того, для экспорта баз данных российских библиотек за рубеж).

В 1876 г. в Филадельфии по инициативе М. Дьюи была созвана конференция библиотекарей. На ней обсуждались перспективы развития библиотечного дела, обсуждался вопрос о специализации библиотек, их стратегия и тактика. Это был поворотный пункт в развитии библиотечного дела. На конференции было утверждено создание Американской библиотечной ассоциации (ALA) — первого в мире профессионального объединения библиотекарей, и М. Дьюи — один из ее основателей, а с 90-х гг. — ее президент. Тогда же с помощью Дьюи начинает выходить «Библиотечный журнал», он становится его редактором; ему принадлежит мысль о стандарте на сокращения слов, стандарте об унификации библиотечного оборудования.

М. Дьюи был сторонником расширения международного библиотечного сотрудничества, кооперации библиотек. Он был убежден, что *библиотекарь должен не только «выдавать книги», но и быть воспитателем.*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Л.Б. Хавкина о встречах с М. Дьюи: /Сост. А.В. Рычков // Библиотековедение и библиография за рубежом. — 1994. — Сб. 137. — С. 85 — 93.
2. Основные Деления ДКД 21, Десятичная классификация Дьюи и относительный указатель: в 4 т. / Пер. с англ. — 21-е изд. — М.: ГПНТБ России, 2000.
3. Амбарцумян З.Н. Мелвилл Дьюи (1851 — 1931) // Библиотековедение и библиография за рубежом. — 1966. — Вып. 18. — С. 35 — 50.
4. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 2. — М., 1959. — С. 180 — 191.
5. Сукиасян Э.Р. Библиотечные каталоги: Методические материалы. — М.: ИПО «Профиздат», 2001.

Евфросиния ПОЛОЦКАЯ (1102—1173)

— дочь полоцкого князя Георгия (мирское имя — Предслава), создательница первых школьных библиотек на Руси. Монахиня, она основала два монастыря (мужской и женский) и две церкви. Замечательная русская просветительница, Евфросиния сама переписывала книги, составляла летописи, переводила с греческого и латинского языков, писала стихи. При монастырях существовала мастерская по переписке книг и библиотека, где собирались, в основном, церковные книги, а также «Изборник Святослава» (1073), Полоцкая летопись, византийские хроники... Там Евфросиния обучала будущих писцов грамоте в течение двух циклов: первые два-три года учили читать, писать и считать, петь молитвы. Во втором цикле обучения изучали церковнославянский, греческий и латинский языки, основы медицины, риторику, природоведение, историю. В библиотеке должны были быть книги и по этой тематике. Обучали будущих писцов также благочестию и «хорошим манерам». Существовали при монастырях и иконописные мастерские. Икона уже тогда считалась книгой о вере, образно выраженной молитвой. В мастерской не только писали иконы, но и обучали этому искусству. В женском монастыре, кроме того, обучали шитью, вышиванию и пению. В конце жизни Евфросиния совершила паломничество в Иерусалим, где и скончалась.

Житие Евфросинии Полоцкой было написано еще в домонгольской Руси. Сейчас мощи ее покоятся в Полоцке, а день ее успения — 23 мая (5 июня) — отмечается как *день библиотекаря* в Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Столяров Ю. Первые древнерусские школьные библиотеки: К 900-летию со дня рождения Евфросинии Полоцкой (1102—1173) // Школьная библиотека. — 2001. — № 8. — Декабрь. — С. 3—5.
2. БСЭ, т. 15. — М., 1955. — С. 433.



Книгописная мастерская

ЖРЕЦЫ

Храмов в Египте было множество — в каждой области свои. При храмах существовал целый штат жрецов: администраторы, более высокого ранга — «служители богов». Некоторые жрецы специализировались только на изучении звездного неба и астрологии, другие — на медицине, третьи — на погребальных обрядах. Жрецы приносили обеты чистоты и воздержания. Ежедневно совершали омовения, брили головы, одевались в тонкое полотно. Профессия жреца часто была семейной — переходила из поколения в поколение. Жреческие школы были кастовыми и религиозными. Обучали там религиозным догмам, чтению, письму, математике (арифметике и началам геометрии), астрологии, началам медицины, но это окуралось тайной для остального населения.

Бог Тот



Жрецы стояли и во главе *храмовых библиотек*. Библиотеки в Египте окружались большим почетом. Над входом в библиотеку могла висеть надпись «Аптека для души» или «Приют мудрости». На двери изображали доброго бога мудрости Тота и богиню Сешат («великую владычицу книг»). Внутри библиотеки должно было быть изображение двух богов: Ху (Слово) и Сиа (Познание). Именно такое убранство было у библиотек около Фив примерно в 1300 г. до н.э. Книги хранились в ящиках, глиняных кувшинах, специальных футлярах. Позже — в нишах стен. На стене храма был начертан «каталог» — перечень рукописей. Древнейший из известных каталогов найден в Эдфу (г. Аполинополис в Верхнем Египте, 18 в. до н.э.) — «Перечень ящиков, содержащих книги в больших свитках из кожи».

Он содержал опись храмовой библиотеки, которая находилась в 34 ящиках.

По содержанию книги были разнообразны: религиозные (гимны богам), медицинские (в том числе — заклинания), астрономические, руководства по управлению храмом, для художников — по настенной живописи, «канон пропорций», литературные (повести, песни, сказки, басни, поучения), труды по математике, медицине, ирригации, астрологии, различные пророчества и т.д.

В Британском музее имеется интересный экспонат — фаянсовый знак — «этикетка» книги из царской библиотеки. На нем — название книги, имена ее владельца и его жены. Может быть, это прообраз нынешнего книжного формуляра?

При библиотеках тогда устраивались школы для обучения письму детей знати. Упражнения они писали на папирусе или на глиняных черепках. Некоторые «книги» древности и дошли до наших времен только благодаря упражнениям школьников.

Создавались при библиотеках и скриптории — там профессиональные писцы переписывали книги из других библиотек. Уже в Древнем царстве составлялись энциклопедии.

Известен так называемый папирус Эберса — громадный медицинский трактат, насчитывающий 900 рецептов против различных болезней, а в конце помещен раздел по косметологии (советы по разглаживанию морщин, удалению родинок, окраске волос и бровей, исправлению косоглазия и т.д.). После медицины на втором месте по развитию в Древнем Египте стояла математика. Геродот писал, что геометрия возникла в Египте, а уже потом — в Греции. Сохранились несколько математических папирусов времен Среднего царства, но это не научные трактаты, а учебники, задачки. Встречаются там и задачи-шутки.

Известен папирус-энциклопедия, который египтологи называют «Московский словарик». Он хранится в Московском музее изобразительных искусств.



Фрагмент папируса Эберса

Сочинитель его – «писец божественных книг дома жизни» Аменемопе, сын Аменемопе. Сохранились разделы: природа, человек (перечислены различные должности и профессии, дана классификация рабов...), его жилище, питание (описаны разные сорта муки, хлеба и мяса, всевозможная выпечка, сладости, напитки), животные. Дан перечень египетских городов, список различных географических названий. Но по своему назначению это все-таки не энциклопедия, а именно словарь-пособие для писцов, облегчающий им подбор терминов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. БСЭ, т. 16. – М., 1955. – С. 214.
2. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом. – М.: Книга, 1982. – С. 11 – 12.
3. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 1. – М.: Изд-во «Книжная Палата», 1955. – С. 10 – 13.



Зенодот ЭФЕССКИЙ (ок. 325 — ок. 260 гг. до н. э.)

— один из первых *библиотекарей* Александрийской библиотеки, знаменитый греческий филолог, основатель текстологического анализа. Под его руководством велась обширная работа по определению подлинных и поддельных произведе-

ний, созданию различных словарей, справочников, энциклопедий. Зенодот тем уже прославил на века свое имя, что изучив поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», разделил каждую на 24 песни (рапсодии). Песни обозначил буквами греческого алфавита (заглавными — «Илиаду», прописными — «Одиссею»). Такое деление принято и по сей день. Критическому разбору он подверг впервые и «Теогонии» Гесиода.

Александрийский Храм муз включал университет, обсерваторию, ботанический сад, зоопарк и обширную библиотеку. Музейон имел форму прямоугольника, со всех сторон его украшали колонны. Училося там, возможно, несколько сотен человек. Александрийская библиотека — крупнейшая библиотека античного мира. Она просуществовала около 200 лет и имела, по разным сведениям, от 400 до 700 тысяч свитков. Активно библиотека пополнялась при правлении первых Птолемеев, на это выделялись казенные деньги. Уполномоченные Птолемея скупали сочинения во многих странах мира. Книги (на папирусе, глиняных табличках, воощеных до-



Эмблема Александрийской библиотеки

щечках) хранились в шкафах. Залы украшали статуи великих писателей и ученых. Главный зал был облицован белым мрамором, там стояли столы, кресла, желающие могли читать, возлежав на ложе. Имелись помещения хранилищ, комната главного хранителя библиотеки, его помощников и переводчиков. Сюда приезжали заниматься выдающиеся ученые того времени: Евклид, Гирон и Архимед, Эратосфен Киренский (библиотекарь Александрийской библиотеки с 235 г. до н.э.) и Аристарх Самосский, Клавдий Птолемей и многие другие.

Из расшифрованных папирусов известно, что царь назначал для руководства библиотекой жреца-администратора, но всю библиотечную работу возглавлял главный библиотекарь (ученый, часто философ, или поэт), которого тоже назначал сам царь.

Под надзором главного библиотекаря одни служители учитывали новые поступления, другие работали, как сейчас говорят, с фондом, третьи — обеспечивали его сохранность, боролись с сыростью. Существовал не только основной фонд, но и филиал — на окраине города, в квартале Серапиум.

Большая часть знаменитой библиотеки погибла в пожаре 47 г. до н.э., при попытке вывезти ее по приказу Юлия Цезаря. Филиал



Современная Александрийская библиотека

библиотеки был уничтожен в 389 г. по приказу христианского патриарха.

В 1984 г. правительство Египта решило возродить Александрийскую библиотеку на прежнем месте. Международный конкурс на лучший архитектурный проект выиграла норвежские специалисты. 23 апреля 2002 г. Александрийская библиотека была торжественно открыта. Здание представляет собой диск восходящего солнца. Фондохранилище находится под землей, а со стороны моря — для защиты от ветра — воздвигли дополнительную стену.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глухов А.Г. Судьбы древних библиотек. — М.: Изд-во «Либерия», 1992. — С. 32 — 40.
2. БСЭ, т. 17. — М., 1955. — С. 49.
3. Детская энциклопедия. Т. 7. — М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1961. — С. 90 — 92.
4. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. — СПб.: Профессия, 2002. — С. 27 — 30, с. 41 (сноска 12).



Удо Георгиевич ИВАСК (1878—1922)

Выдающийся книговед, *библиотековед и библиограф* вырос в семье эстонского агронома. Среднее образование получил в Дерпте (Тарту), высшее — в Московском археологическом институте на археографическом отделении. В юности учился живописи под руководством замечательного художника К.А. Коровина, но еще в студенчестве его потянуло к книге — он стал заниматься исследованиями по истории книги, генеалогией. Диссертацию защитил на тему «Из области купеческих родословий» и получил звание ученого-архивиста. В 1902 г. его избрали в члены Русского библиографического общества при Московском университете. В этом году вышла его книга «О библиотечных знаках, так называемых *ex libris*’ах: по поводу 200-летия их применения в России, 1702 — 1902». Второе — 3-томное издание о русских экслибрисах («Описание русских книжных знаков») выпущено ин фолио на 510 страницах с большим количеством иллюстраций в 1905 — 1918 гг. Иваск не ставил себе цели объять необъятное, а опирался на собрание экслибрисов семи московских коллекционеров (среди которых были Бахрушины, Д. Ульянинский) и свою коллекцию. Там собраны сведения о более чем 6 тысячах знаков. Это издание библиофилы называют шедевром.

Иваск составлял библиографические списки, делал обзоры, писал о книжной графике, печатном искусстве, о палеотипии. Талантливый художник-график, он сам — автор серии экслибрисов. Иваск занимался исследованием инкунабул — при описании дал историко-библиографический текст, указатель литературы и иллюстрации. Он собрал библиографические сведения о 205 газетах и журналах от «Полярной Звезды» до изданий 1917 г. Рукопись называется «Периодическая печать в России 1703 — 1917 г.», в ней собраны сведения об 11 тысячах изданий. У.Г. Иваск исследовал частные библиотеки, один из его трудов (1911 — 1912 гг.) так и называется: «Частные библиотеки в России». Здесь он собрал сведения о 1346 библиотеках, дал

им характеристику и даже биографии владельцев. У.Г. Иваск написал более 20 библиографических очерков о деятелях книги, большое количество статей и рецензий по библиографии и библиотечному делу. В рукописи осталось «Введение в историю русской библиографии», очерк «Владимир Измайлович Межов» и др. С 1902 по 1922 г. У.Г. Иваск написал более 80 работ, которые очень ценятся у специалистов за необыкновенную точность, они до сих пор сохраняют свое научное значение.



*Силуэт У.Г. Иваска работы
К.К. фон Зейдлица (1894)*

Иваск принимал участие в работе многочисленных научных ассоциаций, в организации специального общества любителей книжных знаков, учрежденного в 1917 г., в работе Русского библиофильского общества, Русского библиографического общества при Московском университете. В Первую мировую войну Иваск снабжал госпитали книгами. Кроме того, Иваск — редактор «Книжной летописи», активный докладчик и член Толстовского общества в Москве, член обществ экслибристов в Берлине и Базеле, один из организаторов Российской центральной книжной палаты, Российского Библиографического института, позже — заведующий отделом редких изданий Румянцевского музея. В 1920 г. У.Г. Иваск, член Эстонского библиографического общества и библиотечной комиссии Тартуского университета, уехал в Юрьев (Тарту) и там работал помощником главного библиотекаря университетской библиотеки. В письмах он писал, что занимается организацией и систематизацией фондов после их эвакуации из Воронежа, работают с 9 утра до 8 вечера — разобрать надо около 2 тысяч ящиков. Скоротечная чахотка оборвала жизнь «классика русского книжного знака».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боднарский Б.С. Памяти У.Г. Иваска // Библиографические известия. — М., 1922. — № 1 — 4.
2. Столяров Ю.Н. Трехсотлетие русского печатного экслибриса // Школьная библиотека. — 2002. — № 10. — С.18 — 21.
3. Григорьев Ю.В. Удо Георгиевич Иваск // Книга, исследования, материалы: Сб. 21. — М., 1970. — С. 221 — 230.



Каллимах (310—240 гг. до н.э.)

Выдающийся поэт и ученый оставил после себя более 800 сочинений: исторических, по грамматике, поэзии. Родился около 310 г. до н.э. в Кирене (Северная Африка). Еще в юности переехал в Алевсину — пригород Александрии. Там он служил учителем, писал стихи, встречался с другими поэтами.

При покровительстве Птолемея II Филадельфа Каллимах занял видное положение при дворе, а затем и в *Александрийской библиотеке* (260—240 гг. до н.э.). Трудясь там, он составил знаменитые «Таблицы тех, кто прославился во всех областях знания» («и того, что они написали»). Справочник состоял из 120 томов. Во многих источниках Каллимаха называют «*отцом библиографии*». Сам труд не сохранился, но о нем осталось упоминание у грамматика Афиния Навкратийского в «Ученых-сотрапезниках» и в трудах византийского писателя Свиды.

Труд Каллимаха представлял собой таблицы, в которых в алфавитном и хронологическом порядке были указаны авторы (имя автора; имя его отца; место рождения автора; образование; язык или наречие, на котором написана книга; другие произведения этого писателя). Каллимах указывал объем произведения, приводил начальные слова каждого, давал им названия. Если их не было, пытался установить имя анонимного автора. Каллимах проделал огромную работу, устанавливая авторство книг, их подлинность. Так, он доказал авторство Креофила с острова Самос, проанализировав «Завоевания Эхалии», которое приписывалось Гомеру.

Возможно, каталог Каллимаха был одновременно и *каталогом Александрийской библиотеки*, и *сводным каталогом*, т.к. содержал сведения об отсутствующих в фонде произведениях (Каллимах

указал место их хранения). В Александрийской библиотеке хранилось тогда до 400 тысяч лучших произведений. По другим сведениям, в период между 280—40 гг. до н.э. в ней было уже 532 тысячи 800 свитков, 490 тысяч из которых находились в основном ее фонде, в библиотеке Музейона. Кроме того, Каллимах составил «Указатель авторов драматических произведений», где отмечена дата постановки первого произведения и сведения о том, какие из трудов дошли до его времени.

Ученик Каллимаха — поэт *Аполлоний Родосский*, известный своими филологическими трудами и полемикой со своим учителем, а также с первым главой Александрийской библиотеки Зенодотом, был вторым руководителем Музейона.

Другой библиотекарь, *Аристофан Византийский*, филолог и критик, подготовил к изданию произведения Гесиода, Пиндара и многих других писателей, снабдив их своими комментариями.

Музейоном руководил и другой прославленный филолог-библиотекарь — *Аристарх Самофракийский*, критик, подготовивший с подробными комментариями произведения Гомера.

Современный исследователь R. Vlum, пишет в своей книге Б.Ф. Володин, считает, что Каллимах не был библиотекарем Александрийской библиотеки. Даже если это правда, в истории он навсегда остался *выдающимся библиографом*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глухов А.Г. Судьбы древних библиотек. — М.: Изд-во «Либерея», 1992. — С. 34 — 35.
2. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом: Учебник. — М.: Книга, 1982.— С. 15.
3. Сукиасян Э.Р. Библиотечные каталоги: Методические материалы. — М.: ИПО «Профиздат», 2001. — С. 9.
4. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 1. — М.: Изд-во «Книжная Палата», 1955. — С.16 — 22.
5. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб., 2002. — С. 41, сноски 10.
6. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима: Пер. с польск. — М.: Высш. шк., 1990. — С.159 — 160.



Святой Кирилл (827—869)

Славянский просветитель Кирилл (до 869 г. — Константин Солунский) вместе с братом своим Мефодием создали для западных славян, населявших Моравию и Паннонию (территория современной Венгрии), азбуку и перевели с греческого на славянский язык некоторые богослужебные книги. С помощью учеников Кирилла и Мефодия славянская письменность через Болгарию и Сербию пришла на Киевскую Русь.

Девятый век был веком образования многих славянских государств. Надо было определяться с государственной религией. Тогда на территории Моравии христианство распространяло немецкое католическое духовенство. Действовали и латинские миссионеры из Рима. Моравское же государство искало поддержки у Византии. Послы моравского князя Ростислава (846 — 870) попросили прислать опытного миссионера из Константинополя. В «Паннонских житиях» Кирилла и Мефодия говорится, что послы высказали пожелание вести проповедь христианства на славянском языке (а не на греческом или латинском) примерно такими словами: «Добрый владыко, пошли такого мужа, который мог бы нам сообщить правду о христианстве».

До монашества Кирилл носил имя Константина Философа. Он был младшим сыном (из семерых детей), как пишется в житиях, благоверного и благочестивого военачальника из греческой Солуни (ныне — г. Салоники), где часть населения говорила на славянском языке.

Константин окончил школу св. Софии в Константинополе, где изучал грамматику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку, древнюю поэзию, диалектику и философию (которая тогда делилась на мирские науки и, в частности, эллинскую философию, и христианское богословие). Среди его учителей был знаменитый Фотий. Как пишется в житии со слов их современника — римского библиотекаря Анастасия, — учитель удостоил даровитого и прилежного ученика своей дружбы.

После окончания учебы Константин был назначен патриаршим *хартофилаксом* и *библиотекарем* школы св. Софии, а затем преподавателем философии (отсюда и его прозвище). Кроме славянского языка, он знал греческий, арабский, еврейский и латинский языки.

В 840-х гг. он участвовал в диспутах с иконоборцами, в частности, с отставленным патриархом Иоаннием (Иоанном Грамматиком).

В 850-х — в богословских прениях с мусульманами. Миссия была опасна для жизни. Константин, понимая это, сказал, отправляясь в путь: «Рад я и умереть за веру Христову». Философу было в это время 24 года.

В 860 г. вместе с Мефодием Константин ездил к хазарам. В путь они отправились Черным морем. Прибыв в Херсон, Константин проявил необыкновенные способности к языкам, более глубоко изучил там еврейский язык, вникая в грамматический состав речи, читая подлинный текст Ветхого Завета, учась вести беседу на еврейском. Там же, в Херсоне, говорится в житии, он нашел евангелие и псалтирь, писанные русскими письменами (возможно, готскими), нашел человека, говорящего по-русски, и выучил русский язык. Об удачном путешествии к хазарам братьев свидетельствует крещение тогда до двухсот хазар и освобождение от плена двадцати греческих христиан. Сам каган обещал в грамоте к константинопольскому царю подумать о своем крещении.

В 862 г. блестящий оратор с прекрасной богословской подготовкой был признан подходящей кандидатурой



*Болгарский орден
Кирилла
и Мефодия*



*Икона с изображением Кирилла и
Мефодия в церкви Святого воскресения
в Софии*

для выполнения непростой миссии в Моравии и Паннонии. С ним поехал и его брат Мефодий, который после 10 лет управления одной из славянских областей принял монашество и стал игуменом монастыря Полихрон.

Константин согласился на поездку в Моравию: «Рад иду тамо, аще имуть букви в язык свой», но узнав, что у славян письменности не обнаружено, он до поездки «сложи» письмена. В его азбуке было 38 букв, большинство греческих, но некоторые были созданы специально для обозначения звуков славянской речи, которая была ему с детства знакома. С помощью Мефодия он сделал за несколько месяцев переводы некоторых богослужебных книг с греческого на славянский. Так родился первый славянский литературный язык, многие слова которого существуют в русском, болгарском языках.

В сказании «О письменах черноризца Храбра», написанном в Болгарии в конце IX — начале X века, читаем: «Прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами четеху и гадаху», т.е. с помощью черт — считали, а с помощью рез — гадали. После же крещения славяне стали нуждаться в римских и греческих церковных книгах, письменах. Но как можно написать греческими буквами *бог*, *церковь* или *живот*, спрашивает черноризец, ведь «словенска речь была без устроения», а звуки *ш*, *ц* — вообще отсутствуют в греческом. Далее Храбр вопрошает: кто письмена сотворил или кто книги переложил? И сам отвечает: святой Константин Философ, нарицаемый Кирилл... и брат его Мефодий... во времена Михаила, царя Греческого, и Бориса, князя Болгарского, и Ростислава, князя Моравского, и Коцела, князя Блатенского. «А лето же от создания всего мира 6363», т.е. в 855 г. (здесь расхождение в датах с обстоятельной книгой Мальшевского, созданной на основе житий).

Деятельность Кирилла и Мефодия вызвала недовольство немецкого католицизма. Тогда в богословии имели право на существование лишь три языка: греческий, латинский и еврейский. Только на них можно было проводить богослужение (так называемая теория трехязычия). Братьев обвинили в ереси и вызвали в Рим. Неожиданно папа Адриан II устроил торжественную встречу братьям и разрешил использовать славянские книги в проповедях. Библиотекарь Ватикана Анастасий вел ученые богословские беседы с Кириллом, отзывался о нем как о человеке великом, благочестивом, высоком учителе. Некоторых его учеников посвятили в

сан священника. Около года прожили братья в Риме. Однако Кирилл заболел, принял иночество, прожив в нем всего пятьдесят дней. Умер Кирилл в Риме 14 февраля 869 г.

Оставшись один, Мефодий стал продолжать христианское просвещение славян. Новый папа Иоанн VIII сначала запретил славянское богослужение и вызвал его на суд в Рим. Но победа осталась за Мефодием, который в сане архиепископа вернулся обратно в Моравию. Он перевел на славянский язык Библию, а также сборник церковных и гражданских византийских законов «Номоканон».

Последователи братьев после истязаний были изгнаны из Моравии в 886 г. — через год после смерти Мефодия, а папа римский проклял богослужение на славянском языке.

Византийское влияние в Моравии ослабло, оставшиеся ученики перебрались в Болгарию. Именно там, в годы правления первого болгарского царя Бориса-Михаила (852 — 888 гг.) и, особенно, в годы правления одного из следующих — Симеона (893 — 927 гг.) наступил «золотой век» болгарской литературы и просвещения. Именно тогда труды Кирилла и Мефодия широко пропагандировались и продолжались.

Вопрос, какая азбука — кириллица или глаголица — была изобретена Кириллом, пока окончательно не решен. Дело в том, что славянские рукописи IX века западных и южных славян не найдены, они существуют лишь в списках X века, когда были распространены обе азбуки. Через Болгарию проник на Русь и утвердился алфавит русских рукописей — кириллица.

День памяти св. Кирилла и Мефодия празднуется 11 мая по ст. стилю. В Болгарии существует орден Кирилла и Мефодия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мальшевский И. Святые Кирилл и Мефодий. — М.: Терра — Книжный клуб; Литература, 2001. — 352 с. — (Славяне).
2. Древняя русская литература: хрестоматия. Учеб. пособ. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Сост. Н.И. Прокофьев. — М.: Просвещение, 1980. — С. 6.
3. Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. — М., 1946. — С. 36 — 42.
4. Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. — М.: Сов. энциклопедия, 1979. — С. 110.



Модест Андреевич КОРФ (1800—1876)

— барон, учился вместе с А.С. Пушкиным в лицее, работал под началом М.М. Сперанского. Государственный секретарь с 1834 г. и член Государственного совета с 1843 г. *Директор Публичной библиотеки* в 1849 — 1861 гг. В последующие годы — председатель департамента законов, главноуправляющий II Отделением императорской канцелярии. С 1872 г. — граф, почетный член Академии наук. В 1856 г. Корф возглавил — как историк — комиссию, на которую были возложены обязанности собирания материалов для полной биографии и истории царствования императора Николая I. В результате была выпущена книга о событиях 14 декабря 1825 г. в Петербурге, которая вызвала протест среди оставшихся в живых декабристов. Герцен заклеил ее как позорное явление русской литературы. Мемуарист, он автор «Записки о Пушкине», монографии «Жизнь графа Сперанского».

Модест Андреевич Корф родился в Петербурге. Отец его, курляндский помещик, переселился в столицу за 2—3 года до этого, поступил на службу вице-президентом юстиц-коллегии и женился на русской (впоследствии он сделал хорошую карьеру, стал сенатором). В 1811 г. одиннадцатилетний Модест поступил в Царскосельский лицей, только что основанный по проекту знаменитого М.М. Сперанского. По словам Корфа, у всех тридцати принятых мальчиков были «самые ничтожные предварительные сведения». За время обучения лицеисты изучали науки с азов до философских обзрений. Через 6 лет он был выпущен из Лицея в чине титулярного советника шестым по списку, как он сам писал, «с прегромким аттестатом, в котором только на половину было правды». Служил сначала в министерстве юстиции и в комиссии составления законов.

В 1820 г. Корф составил и напечатал первую книгу по русской стенографии. Сейчас это — библиографическая редкость. Книга называлась «Графодромия, или искусство скорописи, сочинение Астье, переделанное и примененное к русскому языку бароном Модестом Корфом». Посвящена книга Царскосельскому лицей. В.Ф. Одоевский отзывался об этом труде очень хорошо, говоря, что у Астье Корфом взята лишь общая система, большая же ее часть — самостоятельная разработка автора.

С 1825 г. он стал работать под руководством М.М. Сперанского. Эти годы стали его истинной учебой в деле государственной службы. Сперанский умел воодушевлять своих подчиненных работать много и усердно. Корф нередко называл потом Сперанского своим учителем. М.А. Корф дошел до чина действительно статского советника, был награжден орденами св. Владимира III и Станислава II и I степеней, получил звание камергера. В.В. Стасов писал, что «о бароне Корфе сохранилась память как о самом блестящем, после Сперанского, и во всех отношениях выходящем из ряда вон государственном секретаре... К этому надо прибавить неутомимость в работе, энергию деятельности и такое отсутствие бюрократической формалистики в отношении к подчиненным».

Вступив в управление Публичной библиотекой, М.А. Корф произвел ряд преобразований, сделав это учреждение одним из лучших не только в России, но и в Европе. В европейских странах библиотеками тогда пользовались, в основном, ученые и специалисты. При Корфе Публичная библиотека была призвана служить пользе и просвещению всех. И открыта была не 4—5 часов, как в Европе, а с 10 утра до 9 часов вечера. Корф не жалел никаких усилий, чтобы превратить Публичную библиотеку из малоизвестной и малопосещаемой в привлекательную и интересную для многих. «Он наполнил ее залы... блестящими выставками редких, полезных и любопытных предметов и изданий», значение которых объяснялось экскурсоводом в определенные часы. Это были небольшие лекции по ряду интересных вопросов, которые привлекали много народа из разных слоев населения. Правда, позже критик и публицист Д.В. Философов язвительно написал: «Библиотека стала похожа на музей. Люди “всякого звания” благоговейно глазели на корфовские затеи, а иногда с умилением, ходили за самим директором, который не брезговал ролью путеводителя и часами показывал разночинцам в чуйках “Библии на всех языках”... безвкусную и нелепую “комнату Фауста”. Библиотека как *музей* стала при нем действительно общедоступной, но как рабочее учреждение, где главные хозяева — читатели, она и при нем почти не существовала».

Корф учредил звание почетных членов и почетных корреспондентов, которые содействовали пополнению библиотеки редкими книгами. Влиятельный директор нашел достаточные средства для новых приобретений и в России и за границей. До него библиотека пополнялась «из трофеев войны, из монарших даров, из прино-

шений частных лиц или приобретенных от них собраний и из тех современных произведений печати, которые она получает по закону» (обязательный экземпляр). Корф первым стал систематично формировать библиотечный фонд, руководствуясь принципами научности и полноты.

В апреле 1850 г. на основании рекомендаций библиотекарей, принятых на совещаниях, был издан приказ директора о новой структуре библиотеки, правилах организации ее фондов и каталогов. Было создано 17 отделений. В каждом должны были создаваться инвентарный (перечневый), алфавитный и систематический каталоги. Комплектование, каталогизация и сохранность фондов каждого отделения возлагалась на заведующего отделением библиотекаря. Инвентарный каталог служил для проверки фондов и ревизии, для передачи фонда от одного библиотекаря другому. Алфавитный — служил для ответа на вопрос, есть ли данная книга в библиотеке. Систематический каталог предназначался для читателей, чтобы выяснить, какие произведения по данному вопросу существуют в библиотеке.

Главной своей заслугой на этом посту Корф считал создание отдела иностранных книг о России (*Rossica*). Об этом он мечтал еще лицеистом. Корф поставил главные задачи перед библиотекой: 1) собрать все напечатанное в России (с момента начала книгопечатания) на церковнославянском и русском языках; 2) собрать все напечатанное, когда бы то ни было, на всех языках мира, о России; 3) ускорить составление каталогов и предоставить публике все возможные удобства для пользования сокровищами библиотеки. Через 10 лет фонд «Россики» возрос до 29,5 тысячи томов. Главное дело Корфа, по словам В.В. Стасова, — была Публичная библиотека. «Он любил ее со всей страстью, предан был ей беспредельно, и потому в короткое время достиг успехов самых неожиданных и самых великолепных».

Собрания книг, рукописей, целых коллекций приобретались непрерывно. За 12 лет пребывания на посту директора книжный фонд Публичной библиотеки вырос на треть, а число рукописей увеличилось более чем в 1,6 раза. Залы библиотеки были отремонтированы. Количество людей, занимающихся там, стало возрастать тысячами. Ходить в библиотеку стало даже модно. В память о его заслугах тот зал, где собиралась «Россика», стали именовать залом М.А. Корфа, позже в нем поставили его портрет во весь рост.

Следует, однако, сказать, что все практическое руководство библиотекой лежало на плечах помощника директора — В.Ф. Одоевского. Будучи государственным чиновником, М.А. Корф был чрезвычайно занятым человеком, он мог неделями не бывать в библиотеке, и лишь записками отдавал распоряжения своему помощнику. Вся повседневная жизнь библиотеки (как показывают архивные изыскания О.Д. Голубевой), проходила под наблюдением В.Ф. Одоевского. Сам талантливый организатор, Корф окружал себя не менее (а в чем-то и более) талантливыми и инициативными помощниками, внимательно прислушивался к их советам, всячески поощряя их.

Даже уйдя с поста директора библиотеки, М.А. Корф продолжал уделять ей внимание. Так, он участвовал в редактировании каталога Россики, который печатался с 1869 по 1873 г. Кроме того, каждый год он, испрашивая разрешения императора, выделял средства для выплаты дополнительного жалованья сотрудникам библиотеки. Это были деньги, остававшиеся от деятельности возглавляемой им комиссии по сбору материалов о царствовании Николая I. Бывшие сотрудники отвечали Корфу своим уважением и любовью. В день 50-летия его службы, в 1867 г. они преподнесли ему книгу, написанную на 30 языках (европейских, азиатских и африканских), отпечатанную в двух экземплярах. Книга содержала, кроме поздравлений и приветствий, воспоминания бывших сослуживцев. Один экземпляр книги хранится в Публичной библиотеке (ныне — РНБ).

Граф М.А. Корф скончался в возрасте 75 лет, будучи статс-секретарем, членом Государственного совета, кавалером ордена св. Андрея с бриллиантами. В памяти современников сохранился двойной портрет Корфа: «лукавого царедворца», ретрограда и — просвещенного сановника, поддерживающего новый курс Александра II, сторонника освобождения крестьян, участника разработки судебной и земской реформ. Крупный государственный чиновник, в истории он все-таки останется за свой главный труд — деятельность *на благо библиотеки*, а значит, и России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Стасов В.В. Граф Модест Андреевич Корф: Биографический очерк (1800 — 1876) // Собр. соч. Т. 3. — СПб., 1894. — Стб. 1539 — 1556.
2. Стасов В.В. Румянцевский музей: История его перевода из Петербурга в Москву в 1860 — 1861 гг. // Собр. соч. Т. 3. — СПб., 1894. — Стб. 1688 — 1689.

3. Грин Ц.И., Третьяк А.М. Публичная библиотека глазами современников (1795 — 1917): Хрестоматия. — СПб., 1998. — С. 234, 246, 342, 605 — 609.
4. Корф М.А. Записки. — М.: Захаров, 2003. — 720 с. — (Серия «Биографии и мемуары»).
5. Голубева О.Д. В.Ф. Одоевский // Голубева О.Д., Гольдберг А.Л. В.И. Собольщикова; Голубева О.Д. В.Ф. Одоевский. — М.: Книга, 1983. — 232 с.

Кратес МАЛЛОССКИЙ (По некоторым источникам — Кратес Малльский) (II в. до н.э.)

— древнегреческий философ, последователь Аристотеля и хранитель Пергамской библиотеки. Изготовил модель Земли в форме шара (не сохранилась). «Кратес нарисовал на шаре единую сушу, разделив ее на части пересекающимися реками, которые назывались океанами».

Кратес был также грамматик, современник и оппонент Аристарха Самофракийского. Они спорили о происхождении и развитии языка. Александрийская школа занималась поэзией, а Пергамская — ораторской прозой. Именно она оказала влияние на возникновение филологии в Древнем Риме: Кратеса отправили с посольством в Рим (168 г. до н.э.), и он там прославился.

Пергамское царство, расположенное в северо-западной части Малой Азии, в долине реки Каика, просуществовало 150 лет (284 — 133 гг. до н.э.). Первый его правитель — грек Филетер. В столице — г. Пергам — были мощные улицы, с водостоками. В городе действовало 3 гимнасии для юношей разного возраста. В этом рабовладельческом государстве чеканили свою серебряную монету с изображением правителей. По приказу царя Евмена I (197 — 158 гг. до н.э.) в столице была основана библиотека, насчитывающая до 200 тысяч книг. Здание библиотеки стояло в центре города. Пергам был «медицинским научным центром» того времени, и Пергамская библиотека комплектовалась преимущественно медицинской литературой, но уступала Александрийской библиотеке по разнообразию и величине фондов. Книги храни-

лись в 4 мраморных залах, в стенах которого были ниши, отделанные кедром (для предохранения книг от насекомых). Для посетителей было два читальных зала. В центре главного читального зала стояла статуя Афины (которая сейчас хранится в Берлинском Пергамон-музее).

В библиотеке существовала книгописная мастерская — скрипторий, где работали переводчики, переписчики. Отдельные служащие следили за сохранностью книг, которые писали тогда, в основном, на папирусе.

По легенде, египетские цари, боясь соперничества с Пергамом, прекратили вывоз туда папируса. Тогда пергамцы изобрели свой писчий материал — тонко выделанную кожу ягненка, антилоп, газелей — пергамен. По преданию, именно Кратес явился основным новатором и изобретателем нового писчего материала. Способ изготовления был одинаков: шкура животного промывалась, потом подвергалась золению с прибавкой поташа. Затем следовало мездрение и растягивание шкуры на рамах. Очищали шкуру с двух сторон мелом, равномерно и многократно втирая его пемзой. После окончательной очистки — просушивали на воздухе, затем выравнивали поверхность ножом, шлифовали пемзой. Результат иногда был разный: у некоторых мастеров получался действительно тонкий и достаточно прочный писчий материал, у других — толстый и грубый, с дырами и многочисленными «зализами» — местами, на которые не ложились чернила.

Тонкие сорта пергамена у римлян назывались *charta pergamena*. Отсюда, возможно, и русское название пергамена — *харатейные рукописи*.

Кратес из Маллоса считается составителем *каталога* Пергамской библиотеки.



*Статуя Афины,
стоявшая в
Пергамской
библиотеке*



Пергамский акрополь с библиотекой (за колоннадой, окружающей площадь)



Глобус Кратеса

ЛИТЕРАТУРА:

1. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима / Пер. с польск. — М.: Высш. шк., 1990. — С. 159 — 160.
2. Глухов А.Г. Судьбы древних библиотек. — М.: Изд-во «Либерия», 1992.
3. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб., 2002. — С. 30 — 31.
4. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом: Учебник. — М.: Книга, 1982. С. 16.



Иван Андреевич КРЫЛОВ (1769—1844)

Более всего известен как баснописец-классик. Он был чрезвычайно одаренным человеком: хорошим математиком, неплохим художником, прекрасным скрипачом. Обладая великолепным чувством юмора, Крылов буквально сыпал пословицами и поговорками. Первая его книга басен вышла в 1809 г. Поэт К. Батюшков (тоже библиотекарь) сразу же напроорочил ему бессмертие. Настоящая слава пришла к нему после выхода в свет второй книги басен (1811 г.) — его избрали членом Российской академии. Во время Отечественной войны 1812 г. великий баснописец пришел служить в Императорскую публичную библиотеку Санкт-Петербурга (сначала — помощником библиотекаря, а с 1816 г. — *библиотекарем и заведующим Русским отделом*). Работал он там вплоть до 1841 г., при директоре А.Н. Оленине, который очень его уважал и всячески поддерживал. Например, в 1815 г. для издания первого иллюстрированного сборника басен Крылова Оленин привлек к оформлению художника И.А. Иванова — почетного библиотекаря Публичной библиотеки. Гравировка прошла под руководством самого Оленина (11 рисунков в издании — с монограммой «А.О.»).

Должности библиотекарей и их помощников поручались тогда известным в литературе лицам. Рядом с Иваном Андреевичем тогда трудились: переводчик «Илиады» Н.И. Гнедич, знаток славянской филологии А.Х. Востоков, переводчик «Ифигении» и «Федры» (Ж. Расина) М.Е. Лобанов, позже — поэт барон А.А. Дельвиг.

Директор библиотеки поставил перед Крыловым задачу — создать фонд отечественной литературы. Крылов сам занимался комплектованием (часто редчайшими книгами), следил за постоянным поступлением обязательного экземпляра, установил для этого тесные контакты с книгопродавцами. Если в 1812 г. фонд отечественной литературы насчитывал всего лишь 4 русские книги, в 1814 г. — 2,3 тыс. книг, то в 1836 г. — уже 20 тыс. книг, а к концу его службы — около 30 тыс. экземпляров, не считая 10 тыс. дублетных. Иван Андреевич любил библиотечную работу: сам составлял каталоги (в этом ему помогли



Императорская публичная библиотека. 1828 — 1832 гг.

первый в России библиограф В.С. Сопиков и будущий писатель М.Н. Загоскин), шифровал, расставлял книги на полках. В 1814 г. он впервые ввел описание книг под коллективным автором. Так, описания 6 анонимных изданий Московской духовной академии в авторском указателе были объединены под словами «Академия московская», издания Харьковского университета также описаны под названием университета. В этом случае описание под наименованием учреждения значительно облегчало работу и читателям, и библиотекарям. Кроме того, он ввел у себя в отделе упрощенный топографический каталог: все каталожные карточки имели свой номер, который заносился в особую «нумерационную тетрадь». По этому номеру в другой графе библиотекарь находил указание № комнаты, шкафа, полки и № книги на полке (считалось, что шифр для читателя должен быть тайной).

Вел Крылов и многочисленную библиографическую работу, составлял всевозможные списки для читателей, указатели, выполнял библиографические справки. Именно Крылов впервые составил список книг о Санкт-Петербурге, изданных с 1741 по 1826 г. Другая крупная его работа — Указатель по различным отраслям знания, содержащий 3,3 тыс. наименований книг (изданных в 1663 — 1822 гг.). Крылов принял в фонд собрание старопечатных книг Ф. А. Толстого (377 экз.) и 1300 рукописей. В 1815 г. он составил правила пользования книгами в читальном зале. Лишь в 1921

г. была опубликована (а в 1946 г. детально проанализирована) «Записка» И.А. Крылова, где он, отвечая на вопросы директора библиотеки А.Н. Оленина, писал о необходимости лучшей организации каталогов и высказался за их публичность, за необходимую шифровку книг.

Слова Белинского о Крылове — «честь, слава и гордость нашей литературы» — относятся к Крылову-писателю, Крылову-баснописцу, но, думается, по праву можно сказать и «Крылов — честь, слава и гордость русского библиотечного дела».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России: Уч.-метод. пособ. — М.: Изд-во «Либерия», 2000. — С. 60 — 61.
2. Столяров Ю.Н. Ю.В. Григорьев. — М.: Изд-во «Кн. палата», 1989. — С.144 — 150.
3. Голубева О.Д. Хранители мудрости. — М.: Изд-во «Кн. палата», 1988. — 272 с.



Готфрид-Вильгельм фон ЛЕЙБНИЦ (1646—1716)

— гениальный математик и философ, замечательный физик, языковед, логик, богослов, историк и *библиотекарь*. Вклад Лейбница в науку сравним лишь с вкладом и влиянием Аристотеля на античную науку. Во всех своих научных исследованиях Лейбниц разрабатывал идею о единстве знания.

Лейбниц родился в Лейпциге. Его отец был профессором этики в Лейпцигском университете. С детских лет у мальчика обнаружили поразительные способности и интерес к приобретению знаний. Учился он в лучшей по тем временам школе Лейпцига — школе Николаи, где помощником ректора был известный ученый и философ Яков Томазий. В 12 лет Лейбниц открыл способ изучать римских авторов без словаря и без помощи наставника. В 14 лет он изумил своих учителей и товарищей, в один день сочинив триста гекзаметров на латыни. Тогда же он занимался с увлечением логикой и вел записи. Прочитав их в пятидесятилетнем возрасте, он был чрезвычайно доволен собой. В пятнадцатилетнем возрасте Лейбниц поступил в Лейпцигский университет, где официально учился на юридическом факультете, но усердно посещал лекции по математике и философии. Решив пополнить свое математическое образование, Лейбниц отправился в Йену. В 18 лет он получил степень магистра философии, в 20 — степень лиценциата за диссертацию «Об искусстве комбинаторики» и степень доктора за диссертацию «О запутанных казусах».

Лейбница пригласили на службу в Майнц, где он занимается составлением программ правовой и политической реформ Священной Римской империи. Проект показывал выгоды завоевания Египта для Людовика XIV (и постройку Суэцкого канала) с целью

отвлечь его от притязаний на германские земли. Проект не был поддержан, но Лейбниц, который в это же время решал ряд важнейших научных вопросов (суммирование бесконечных рядов, вычисление площади криволинейных фигур и проведение касательной к кривым), пришел к фундаментальным выводам и сумел построить интегральное и дифференциальное исчисления. Тогда же он изобрел свою счетную машину.

В 1667 г. Лейбниц, изучив знаменитое руководство Г. Нодэ «Советы для устройства библиотек», взялся за приведение в порядок *библиотеки* майнцкого дипломата И.Х. Бойнебурга.

В 1676 г. Лейбниц принял предложение герцога Ганноверского Иоганна Фридриха и поступил к нему на службу *библиотекарем*, хотя выполнял и другие обязанности (консультировал его по юридическим, политическим и инженерным вопросам). Лейбниц написал тогда специальный «Трактат о посольском праве немецких князей».

После смерти герцога его брат предложил Лейбницу заняться историей Ганноверского дома (герцогов Брауншвейг-Люнебургских). Генеалогические изыскания предстояло сделать в архивах Баварии и Италии. В течение трех лет Лейбниц ездит по Европе и успешно решает поставленную задачу — в результате герцог Ганноверский получает право голоса на выборах императора. В то же время Лейбниц продолжал свои естественнонаучные исследования, публиковал в первом научном журнале важнейшие статьи (о квадратуре круга, о движении луча света, об основных правилах дифференцирования, о теории познания и другие).

Лейбниц до конца своей жизни оставался библиотекарем и историком герцогов. От описания истории одного рода он хотел перейти к истории Священной Римской империи, а затем и к геологической истории Земли (из этого грандиозного плана он успел написать лишь введение). Восхищенный покровитель повышает Лейбницу жалование, переводит библиотеку в лучшее помещение, родственник герцога Ганноверского Антон Ульрих также назначает Лейбница в 1690 г. своим *библиотекарем*. Ученый реорганизовал его библиотеку в Вольфенбюттеле, приняв там «факультетскую» расстановку книг, т.е. так, как шло преподавание в университетах того времени. Книги расставлялись по четырем направлениям: богословскому, медицинскому, юридическому и философскому. Внутри факультета материал располагался по алфавиту главных

терминов, входящих в заглавия книг. Для удобства пользования библиотекой был составлен алфавитный каталог, открыт читальный зал. Удалось убедить герцога регулярно выделять средства на пополнение фонда. «Пополнение так же необходимо библиотеке, как пища живому организму», — писал Лейбниц.

Ученого увлекла идея создания предметного каталога, и он даже составил два проекта библиотечной классификации.

В 1700 г. Лейбниц организовал в Берлине научное общество и был его пожизненным президентом, получив чин тайного советника. Впоследствии на основе этого общества организовалась Академия наук Германии.

К концу своей жизни к Лейбницу пришло всемирное признание: он — член английской и французской академий, состоит в переписке с лучшими умами Европы: Гюйгенсом, Кларком, Бейлем, Спинозой. Знакомство с Петром I привело к приходу Лейбница на службу русскому царю в качестве тайного советника. Четыре года Лейбниц составлял многочисленные проекты, записки, в которых излагались планы превращения России в развитую европейскую страну. Именно Лейбниц предложил Петру I организовать в Петербурге Академию наук, писал о важности создания библиотек, разъяснял их назначение.

Универсальный гений, чьи интересы простирались на все области человеческого знания, Лейбниц — автор учения о мировой гармонии. Влияние идей этого глубокого мыслителя ощущается и сегодня. Однако тот, кто пытался доказать, что в мире есть известный относительный максимум блага и что наш мир наилучший из возможных миров, умер в одиночестве, всеми забытый.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Исторический лексикон. XVII век [Энциклопедический словарь]. — М.: Знание, 1998. — С. 306 — 315.
2. Филиппов М.М. Этюды прошлого: Избранные очерки, научные работы, художественная проза, литературно-критические статьи. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 69 — 79.
3. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 1. — М.: Изд-во «Книжная Палата», 1955. — С. 144 — 151.



Николай Иванович ЛОБАЧЕВСКИЙ (1792—1856)

— великий русский математик, создатель неевклидовой геометрии, он очень много сделал для процветания своего родного Казанского университета. Лобачевского выдвигали всюду, где нужно было серьезно, ответственно работать. В 1819 г. ему было поручено привести в порядок университетскую библиотеку. С 1825 г. в университете ввели должность *библиотекаря*, и по 1835 г. он исполнял ее, будучи уже ректором. При нем в университете был создан большой физический кабинет, построена обсерватория, библиотека, клиника и отремонтированы другие здания. Н.И. Лобачевский стал инициатором и редактором «Ученых записок Казанского университета». Университет превратился в самостоятельное учебное заведение. Профессора и студенты глубоко уважали Лобачевского. Почти двадцать лет он был выборным ректором Казанского университета. Однако научные его идеи в то время не были поняты ни в университете, ни в других научных кругах.

Н.И. Лобачевский сам занимался комплектованием фонда библиотеки, ввел строгие правила по сохранности книг. Он придумал ставить вместо выданных книг деревянные муляжи-заместители, «с означением, какая книга, кем и когда взята». Посторонние посетители обслуживались в отдельной комнате. Профессорам университета (под поручительство) разрешалось брать книги на дом.

По поручению Н.И. Лобачевского помощник директора библиотеки К.К. Фойгт (1808 — 1873), профессор русской словесности и всеобщей истории литературы, доктор философии, разработал для библиотеки свою классификацию, более удобную, чем рекомендованная тогда для всех классификация Московского университета. План К.К. Фойгта был интересен, но, как считается, воплощение было неудачно. Рукопись его хранится в Казанском университете. С 1835 по 1850 г., после ухода Лобачевского, Фойгт был директором университетской библиотеки.

С годами великий ученый начал терять зрение. Последовала отставка. Лобачевский был назначен помощником попечителя Казанского учебного округа. Последнюю свою работу — «Пангеометрию» — он диктовал.

Имя Н.И. Лобачевского — величайшая гордость русской науки и философской мысли. И библиотекари по праву гордятся, что гениальный математик принадлежал и к их «цеху».

ЛИТЕРАТУРА:

1. БСЭ, т. 25 / Гл. ред. Б.А. Введенский. — М., 1955. — С. 314 — 317.
2. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России. Ч.1: Уч.-метод. пособ. — М.: Изд-во «Либерей», 2000. — С. 61 — 62.
3. Андреев М.К. О Лобачевском как библиотекаре Казанского университета // Природа. — 1949. — № 4. — С. 56 — 58.

М



Максим ГРЕК (ок. 1470—1555)

— известный проповедник, публицист, философ, запечатленный на фресках паперти Благовещенского собора Московского Кремля рядом с Гомером, Платоном, Диогеном, Плутархом, «святогорский мудрец», «премудрый книжник» — несколько лет состоял на службе *библиотекарем* у племянника Пико делла Мирандола, автора «Речи о достоинстве человека». Подлинное его имя — Михаил Триволис.

Родился он в греческом городе Арте в аристократической семье, интересующейся философией, любящей книги. С 1492 г. он продолжил свое образование в городах Италии (Флоренции, Болонье, Падуе, Ферраре, Милане, Венеции), где общался со многими образованными людьми. В последнем городе он познакомился и подружился с известным печатником Альдом Мануцием, чьи издания книг являются подлинными шедеврами. Сохранились шесть писем Триволиса (1498 — 1504), где упоминаются Альд Мануций и его друзья. Во Флоренции учился у просветителя Иоанна *Ласкариса*, для которого переписал греческий сельскохозяйственный трактат X в. «Геопоники». Был знаком с крупнейшим философом Возрождения Марселио Фичино. Слушал речи-проповеди Иеронима Савонаролы, под влиянием их принял постриг в доминиканском монастыре, в котором была образована первая общедоступная библиотека Европы (основу фонда которой положила коллекция книг гуманиста Никколо Никколи). О Савонароле — его деятельности и гибели на костре — он написал книгу «Повесть страшна и достопамятна». В том монастыре юноша усердно изучал труды Фомы Аквинского и Иоанна Дамаскина. Через два года, уйдя из монастыря и приняв постриг на Афоне (в Ватопедском монастыре), он получил имя Максим.

Тринадцать лет изучал он богословие по книгам из коллекций византийских императоров Андроника Палеолога и Иоанна Кан-

дрѣвнѣишѣи ѿ цр҃кѣи г҃орѣи и ѿ днѣи
 г҃орѣи кѣи ѿ ѿмѣнѣи до крѣпѣи до ѿѣ
 дрѣвнѣишѣи на пѣтихъ дрѣвнѣишѣи
 крѣпѣи ѿ цр҃кѣи г҃орѣи
 максимово греческо г҃орѣи г҃орѣи
 дрѣвнѣишѣи ѿ цр҃кѣи г҃орѣи
 хр҃тїанѣхъ греческо г҃орѣи

Соинѣи Максима Грека
 соу си. ѿ ѿмѣнѣи.
 № 3122.

Автограф Максима Грека на первом листе собрания его сочинений

такузена. В марте 1518 г. был призван оттуда «на Русь», где его и прозвали Греком. В келье Чудова монастыря Максим много переводил, исправлял богослужebные книги. Первый перевел «Толковую Псалтырь» (вслух с греческого переводил на латынь, а его помощники — уже по-русски — диктовали писарям). Были переведены Четвероевангелие, «Апостол», сочинения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, литературные произведения (Иосиф Флавий, Менандр и др.). Все эти книги, вероятно, были в библиотеке Василия III, основу которой составили собрания книг Софьи Палеолог, жены Ивана III. Из многочисленных цитат (из Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Лукана, Цицерона и др.) в произведениях Максима Грека можно сделать вывод о богатстве той библиотеки.

В 1525 г. на церковном соборе Максима Грека обвинили в ереси, искажении священных текстов и приговорили к заключению в Иосифо-Волоколамский монастырь. Старца морили голодом, холодом, не разрешали ни читать, ни писать. Через шесть лет — на

другом соборе — после еще более тяжких обвинений, его сослали в Тверской монастырь (глава которого относился к Максиму Греку с большим уважением). Там выдающийся мыслитель не был в изоляции и откликался на все важнейшие события тогдашней жизни, став идейным ее средоточием.

Максим Грек окончил свои дни в Троице-Сергиевой Лавре, где его посетил Иван Грозный, показав тем самым свое уважение к мужеству великого мыслителя. Возможно, они говорили и о необходимости книгопечатания на Руси, ведь перу Максима Грека принадлежит написанное по-русски «Сказание об Альде Мануччи».

Крупнейший писатель XVI в., он одним из первых составил собрание своих сочинений, отредактировал их и отдал на переписку писцам.



ЛИТЕРАТУРА:

1. Глухов А.Г. Мудрые книжники Древней Руси (От Ярослава Мудрого до Ивана Федорова): науч.-худ. очерки. — М.: Экслибрис-Пресс, 1997. — С. 212 — 224.
2. Лазурский В.В. Альд и альдины. — М.: Книга, 1977. — С.24 — 25.



Антонио МАЛЬЯБЕККИ (1633—1714)

Коллекция его книг составила фундамент национальной библиотеки в знаменитой флорентийской галерее Уффици. Маленьким его взял к себе в помощники книгопродавец. Через месяц Антонио уже научился читать, быстро находить на полке нужную книгу. Некий библиотекарь обучил его бесплатно латыни, греческому и древнееврейскому языкам. Память у Мальябекки была феноменальная, его прозвали за это «оракулом ученых». Слава о нем докатилась до великого герцога Тосканского, Козимо III, и его назначили *библиотекарем* его высочества. Все жалованье (800 ливров) он тратил на покупку книг для себя. Быстро освоив вверенную ему библиотеку, Мальябекки стал изучать каталоги других библиотек, вел обширную переписку с коллегами, расспрашивал путешественников о книгах... В результате он знал фонды библиотек других городов лучше, чем те, кто там работал. Он был словно «живой библиотекой», владел скорочтением, которым мало кто владеет и в наши дни. Правда, некоторые с презрением называли его «ученый муж среди библиотекарей, но библиотекарь среди ученых мужей». И если для одних Мальябекки был в то время центром культурной жизни Флоренции, ученым-эрудитом, трудолюбивым библиографом и библиофилом, то для других — поводом для насмешек. Его называли книжным червем, полубезумным отшельником, библиоманом... Высмеивалась его небрежная манера одеваться, его дом, буквально заваленный книгами, его рассеянность, одиночество, вечная нехватка средств...

Он дожил до 81 года и всю свою *личную библиотеку*, состоящую из 30 тысяч томов, завещал Флоренции. Условие было одно — книги всегда будут доступны читателям, а на содержание коллекции он даже оставил небольшую ренту.

С 1862 г. коллекция Мальябекки была объединена с библиотекой герцогов Тосканских. По указу герцога было предписано передавать в библиотеку обязательный экземпляр каждого издания, выпущенного в Тоскане. Сейчас *библиотека* является гордостью галереи Уффици.

ЛИТЕРАТУРА:

Кунин В. Странный флорентиец // Альманах библиофила. Вып. 6. — М.: Книга, 1976. — С. 145 — 154.

Н



Габриэль НОДЭ (1600—1653)

— известный французский книговед и *библиотекарь*, профессор медицины. Его еще студентом медицинского факультета Сорбонны пригласил разобрать книги советник короля Анри де Месма. Нодэ трудился так 2 года (образование он закончил позже в Падуанском университете). Тогда *первый теоретик* и умелый *практик-библиотекарь* написал широко известную в Европе книгу «Советы для устройства библиотек» (1627), где давались рекомендации по формированию фонда. Это был первый труд в истории библиотековедения с изложением требований к составлению каталогов и библиотечной классификации.

В своих «Советах...» он рекомендовал полноту и внимательное отношение к «маленьким книгам, часто не менее ценным, чем большие», оценивать книги «по выгоде и пользе, которые из них можно извлечь»; целесообразную расстановку фонда (форматную и систематическую), выделять новые поступления; не только хранить книги, но и создавать условия для пользования ими («не быть похожим на надоедливую змею, препятствующую тому, чтобы кто-нибудь сорвал яблоки в саду Гесперид»), «каждый должен найти в библиотеке то, что ищет». Писал он и о хранении книг, дабы уберечь их от сырости.

Нодэ считал необходимым в общественных библиотеках двух каталогов: систематического (точно воспроизводящего расположение книг на полке) и алфавитного (авторского, который нужен и читателю и библиотекарю).

Книговед, публицист, профессор медицины, придворный врач Людовика XIII, он некоторое время был *библиотекарем* в первой публичной библиотеке Франции, организованной в 1634 г. кардиналом Джулио Мазарини. Познакомившись со всеми крупнейшими библиотеками Европы, Г. Нодэ скрупулезно и методично формировал фонд вверенной ему библиотеки. Он считал, что в библи-

отеке должны быть труды по всем отраслям знания, в лучших изданиях, в подлинниках или в лучших переводах, с лучшими комментариями. И не только книги «главных древних и новых авторов», но и всех, «внесших в науку что-нибудь новое». Советовал он приобретать и религиозные произведения писателей других вероисповеданий.

Он лично следил за благоустройством библиотеки (стеллажи, полки, мебель сделаны по чертежам Нодэ). Собранный книжный фонд насчитывал 14 400 ед. хранения. Говорили, что Нодэ ездил по всем странам, опустошая книжные магазины. Еженедельно по четвергам книги было поручено выдавать всем, кого это интересовало — любые книги по любым вопросам. Кардинал велел Нодэ также «щедро делиться и своими библиографическими познаниями». Библиотека Мазарини была лучше и больше королевской. Во время 30-летней войны, длящейся до 1648 г., все книжные трофеи шли в библиотеку кардинала Мазарини. В 1648 г., из-за волнения Фронды, Мазарини бежал вместе с королевским двором. В 1649 г.



парижский парламент конфисковал имущество кардинала, а в 1651 г. началась распродажа библиотеки. Г. Нодэ по приглашению королевы Христины уехал в Стокгольм, став во главе Королевской библиотеки Швеции. В 1653 г. Мазарини, вернувшись, позвал назад Г. Нодэ, но тот по дороге скончался. После смерти Мазарини библиотека перешла в собственность королевской семьи.

В литературе Г. Нодэ часто называют *«самый выдающийся библиотекарь всех времен и народов»*.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1.Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом. — М.: Книга, 1982. — С. 42.
2. Глухов А.Г. Судьбы древних библиотек. — М.: Изд-во «Либерия», 1992. — С. 96 — 97.
- 3.Рыбина С. Габриэль Нодэ и кардинал Мазарини: книжник на службе у политика // Библиотека. — 1998. — № 4. — С. 94 — 96.
- 4.Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 1. — М.: Изд-во «Книжная палата», 1955. — С. 151 — 154.



Владимир Федорович ОДОЕВСКИЙ (1804—1869)

Замечательный общественный деятель, литератор, энциклопедист, музыкальный критик, просветитель и гуманист, известный своей благотворительной деятельностью, князь В.Ф. Одоевский необыкновенно много сделал и в *библиотечной* сфере. Он, однако, часто дарил свои идеи другим людям, высказывая их только в служебных записках и письмах. В одном из писем он посетовал: «С летами я замечаю, что сделал в жизни большую глупость: я старался на сем свете кое-что сделать... но забыл искусство рассказывать о том, что я делаю... довольно-таки дел пошло с моей лёгкой руки... Не одно мое сочинение бродит под именем других».

В.Ф. Одоевский (ему было всего 20 лет) — организатор философского кружка «Общество любомудрия», куда входили: Д. Веневитинов (18 лет), И. Киреевский (17 лет), С. Шевырев, М. Погодин, В. Титов и др. Философ С.А. Левицкий назвал князя Одоевского «первым русским шеллигианцем, оставившим более чем заметный след в русской мысли». Он — первый в России философский предшественник славянофильства. Любомудры свою цель видели в просветительстве, в *постепенном культурном преобразовании* общества. Им чужда была революционность декабристов, они стояли за эволюционность. Тем не менее В.Ф. Одоевский был одним из немногих, кто помогал заключенным и ссыльным декабристам. 1825 г. совпал у него с порой возмужания, переосмысления жизненных целей, время романтизма ушло. Одоевский собственноручно сжег в камине архив любомудров: кружок «самозакрылся».

Судьба каждого человека в немалой степени определяется его происхождением, воспитанием, окружением. Судьба Одоевского была определена его аристократической средой, этикетом его кру-

га, навязавшим ему множество обязанностей, должностей, занятий. Одоевский был убежден: все «люди *контрактрованные*; контракт может быть прескверный, пренелепый, но мы его приняли, родясь, женись, вступая в службу и т.д., следовательно, должны исполнять его, что не мешает стараться о его изменении и о том, чтобы впредь таковых контрактов не было». «Контракт» Одоевского был особый: мать его была из небогатых и незнатных дворян¹ (по другим данным — из крепостных)², а отец вел свою родословную от Рюрика. По знатности своей род князей Одоевских — один из главнейших в дворянстве.

Родился В.Ф. Одоевский в Москве, окончил с золотой медалью Московский университетский благородный пансион, основанный поэтом М.М. Херасковым. Это привилегированное учебное заведение было подготовительным факультетом университета, хотя и с высоким уровнем преподавания. В этом заведении Одоевскому привили любовь к знаниям и стремление к самообразованию. Называя лень «славянщиной», он решил, что всякий, кто хочет приносить пользу своему Отечеству, должен служить (и прослужил на государственной службе более 40 лет). В 1826 г., переехав в Санкт-Петербург, он поступил в Комитет иностранной цензуры при Министерстве внутренних дел, женился.

Одоевский и его жена (О.С. Ланская) организовали у себя литературный салон, где сходились все знаменитые писатели и музыканты того времени: Жуковский, Вяземский, Пушкин, Крылов, Глинка — были постоянными посетителями; здесь бывали Лермонтов, Гоголь, играл Ф. Лист... Как доброжелательный ценитель с безукоризненным вкусом — Одоевский привлекал литераторов. Сам замечательный писатель, один из основных деятелей журнала «Московский вестник», соредактор пушкинского «Современника», он способствовал развитию литературы и как юрист — участвовал в создании либерального цензурного устава 1828 г. Первые законы об авторском праве в России — тоже дело Одоевского. Как отличного пианиста и критика — его ценили музыканты. Талант музыкального критика позволил ему создать замечательные повести о Бахе и Бетховене.

Одоевского можно назвать и музыкальным просветителем: он издал «Музыкальную грамоту для не-музыкантов» и «Музыкальную азбуку для народных школ». Заботился о собирании, изуче-

¹ См.: Мещерина Е.Г. С. 6.

² См.: Ступель А. С. 8.

нии, хранении русских песен. Одоевский — один из первых музыкальных теоретиков в России, он участвовал в создании Российского музыкального общества (РМО) и Московской консерватории. В конце жизни проводил у себя на дому лекции по теории русской музыки. Сам композитор — он изобрел орган, названный им «Себастиан» — в честь Баха. Сконструировал фисгармонию с нетемперированным строем (т.е. с отдельными клавишами для диезов и бемолей).

Одоевский помогал бедным людям практически: например, специально приезжал в университет и узнавал, кто из студентов не внес еще плату за обучение — и платил сам, часто инкогнито. Он создал «Общество посещения бедных просителей», которое давало нуждающимся ссуды, организовало Максимилиановскую больницу, содержало квартиры бедных, создавало женские рукодельни, детские приюты. Одоевский был глубоко оскорблен тем, что правительство закрыло его «Общество», усмотрев в нем крамолу и обвинив в «коммунизме». В своих записках он отметил: «Я начинаю убеждаться, что в мире люди делятся в отношении ко мне на два рода: а) на тех, что меня продали и оклеветали и б) на тех, что меня не продали и не оклеветали — *покуда*».

В.Ф. Одоевский — единственный в свое время популяризатор науки для народа: он издавал любимый многими журнал «Сельское чтение», писал общедоступные учебники по разным предметам. «У народа нет книг», — говорил он. И поставил себе целью — дать эти книги (и это в то время, когда большинство дворян имели о народе весьма приблизительное представление).

Небыкновенно одаренный, он был слаб здоровьем, но чрезвычайно работоспособен — трудился по 18 часов в сутки. Обаятельный, с огромными познаниями, с глубокой внутренней культурой, добрый и незлобивый — все это привлекало к нему людей. Одоевский был дружен чуть ли не со всеми известными людьми Санкт-Петербурга. Кроме того, он был искусный кулинар.

Содержание библиотечной деятельности В.Ф. Одоевского наиболее полно раскрыла О.Д. Голубева в своей книге о нём. 25 лет трудился Одоевский в библиотечной сфере, из них 15 — в Императорской публичной библиотеке. Внешним толчком перехода в Публичную библиотеку послужило желание посвящать больше времени благотворительной деятельности, т.к. служба в императорской канцелярии отнимала у него все силы и время. В 1846 г. тогдашний директор Публичной библиотеки Д.П. Бутурлин пред-

ложил Одоевскому должность *помощника директора и заведующего Румянцевским музеем*.

Музей открывался лишь в светлое время суток. Посетителей было мало. Постоянными читателями были В.В. Стасов и Н.Г. Чернышевский.

Библиотека в то время переживала трудные времена: средств выделялось так мало, что новые иностранные книги (а часто и русские) не закупались, множество книг было не расставлено, лежало в пыли на полу. Здание требовало ремонта.

При Бутурлине Одоевский занимался только Румянцевским музеем. Но с приходом М.А. Корфа, который впервые разработал функциональные обязанности помощника директора, нагрузка его увеличилась. «Все практическое руководство Библиотекой при Корфе лежало на Одоевском», — делает вывод О.Д. Голубева, проанализировав многочисленные архивные материалы. Часто Одоевский занимался литературной правкой Отчетов библиотеки, составлял различные бумаги, редактировал статьи, инструкции. Так, Одоевский написал «Правила комиссии для продажи дублетов». На вырученные деньги он хотел создать оборотный капитал. Мечтал о собственной типографии в библиотеке, которая могла бы быть дополнительным источником дохода. Предлагал застраховать библиотеку от всех возможных случайностей. Новатор, он предложил премиальную систему для поощрения усердных библиотекарей. Одоевский много занимался комплектованием библиотеки, изыскивал средства на закупку книг, отдавая приоритет новейшим книгам по физике, химии, математике, геологии, по паровым машинам и железным дорогам.

Одоевский стремился к улучшению обслуживания, составил нормативы доставки книги к читателю. Заботясь о большей сохранности фондов, он считал самой лучшей для Публичной библиотеки *крепостную расстановку*.

Одоевский предложил составить: 1) единый алфавитный каталог на весь фонд библиотеки, 2) выделить все дублеты, 3) проставить валовой номер на книге и на карточке — для того, чтобы узнать общее количество книг в библиотеке. Он предложил вести карточные каталоги (а не книжные), а вместо ревизий в конце года собирать отчеты о проделанной работе.

Одоевский предлагал разные способы сохранения Румянцевской коллекции в полном составе. Вариант перевести музей в Москву для основания там Публичной библиотеки поддержал

Корф, надеясь получить от этого некоторые средства для своего любимого детища — Императорской публичной библиотеки. Весь июль 1861 г. в Москву отсылались ящики с материалами из музея.

В 1861 г. В.Ф. Одоевский покинул Публичную библиотеку, прослужив в ней 15 лет. Корф высоко ценил работоспособного, инициативного Одоевского, его любовь к порядку, точность в работе и с благодарностью писал о нем: «Стоя на высокой ступени по своему образованию и литературным достоинствам, он есть не только самый ревностный, но и самый полезный мне сотрудник во всех новых начинаниях в Библиотеке».

За многочисленные труды Одоевского награждали чинами, званиями; к материальному благополучию он не стремился, и жизнь его была очень скромна. До конца своей жизни он был энергичен и весел, занимался публицистикой.

В ноябре 1861 г. В.Ф. Одоевский получил по своей просьбе назначение сенатором в Москву. В последние годы жизни (он скончался 27 февраля 1869 г.) Одоевский много уделял внимания Московской консерватории, обдумывал тюремную реформу, интересовался стенографией и написал «Руководство к постепенному изучению русской скорописи», но самое серьезное его увлечение последних лет — древнерусское церковное пение. Погребен этот удивительный и выдающийся человек на кладбище Донского монастыря.

После смерти большая часть личной библиотеки Одоевского вошла в состав Румянцевского музея (ныне РГБ) и РНБ, ноты и книги по музыке были переданы в библиотеку Московской консерватории его вдовой (часть их затем оказалась в Музее музыкальной культуры им. Глинки).

Как-то Одоевский дал такое определение, что такое библиотека: «Библиотека — великолепное кладбище человеческих мыслей... На иной могиле люди приходят в беснование; из других исходит свет, днем для глаза нестерпимый; но сколько забытых могил, сколько истин под спудом...». Сначала это определение шокирует, но потом соглашаешься — действительно, есть такие книги, от которых «люди приходят в беснование», как есть и такие, которые не только несут знания людям, но и очищают, облагораживают, а много и забытых книг (иногда несправедливо), может быть, лишь на время. Главное, что есть некая «ниточка», которая связывает между собой поколения. В.Ф. Одоевский считал людей, которые мало читают, дикарями. «В России все есть, а нуж-

ны только три вещи: *наука, наука и наука*», — писал Одоевский. Библиотеку же он считал необходимейшим учреждением для внедрения науки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубева О.Д. В.Ф. Одоевский // Голубева О.Д., Гольдберг А.Л. В.И. Соболевский. В.Ф. Одоевский. — М.: Книга, 1983. — С. 138 — 215.
2. Грин Ц.И., Третьяк А.М. Публичная библиотека глазами современников (1795 — 1917): Хрестоматия. — СПб., 1998. — С. 368 — 378.
3. Сахаров В.И. О жизни и творениях В.Ф. Одоевского: Вступит. статья // Одоевский В.Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Русские ночи; Статьи. / Вступит. статья, сост. и коммент. В.И. Сахарова. — М.: Худож. лит., 1981. — 365 с.
4. Мещерина Е.Г. В.Ф. Одоевский в музыкальной культуре России XIX века. — М.: Изд-во МГУ «Народный учитель», 2001. — 87 с.
5. Ступель А. В.Ф. Одоевский: Популярная монография. — Л.: Музыка, 1985. — 96 с.
6. Краткая Литературная Энциклопедия. Т. 5. — С. 395 — 396.



Алексей Николаевич ОЛЕНИН (1763—1843)

— археолог, историк, художник, знаток древностей, библиотечарь — *директор Императорской публичной библиотеки с 1811 по 1843 г.* Современники о нем говорили: *«Библиотеку он любил до страстности, был*

предан ей всей душой».

Родился он в Москве в дворянской семье, получил хорошее домашнее образование, хотя, по утверждению М.А. Корфа, был незаконнорожденным. Десятилетним Оленин был зачислен в Пажеский корпус, преуспел в науках. И его — единственного — Екате-



Гостиная Олениных. Акварель неизвестного художника. 20-е гг. XIX в.

рина II направила в Германию «для совершенствования знаний в воинских и словесных науках». Там он прилежно занимался в Королевской библиотеке, увлекся античной литературой и искусством, рисовал, гравировал, изучал языки. Тогда же стал составлять словарь «старинных военных речений». Позднее за этот труд его изберут в Российскую академию наук.

С весны 1789 г. началась гражданская служба А.Н. Оленина: в Государственном банке, а затем в Монетном дворе — управляющим.

С 1791 г., женившись, он открывает салон, «где собирались представители настоящей литературы от Карамзина до Пушкина», — писал А.Н. Пыпин. В «Литературных воспоминаниях» С.С. Уварова читаем: «...в гостиной Олениных... почти ежедневно встречалось несколько литераторов и художников русских. Предметы литературы и искусства занимали и оживляли разговоры; совершенная свобода в обхождении, непринужденная откровенность,

добродушный прием хозяев давали этому кругу что-то патриархальное, семейное... Сюда обыкновенно привозились все литературные новости, вновь появившиеся стихотворения, известия о театрах, о книгах, о картинах, — словом, все, что могло питать любопытство людей, более или менее движимых любовью к просвещению». Хозяина-хлебосола — Оленина — по праву называли «ревностным покровителем дарований».

Опубликовав в 1808 г. свой первый археологический труд о Тьмутараканском камне, он заявил о себе как серьезный ученый и был назначен помощником главного директора Императорской библиотеки графа А.С. Строганова. Должность считалась почетной — т.е. не оплачивалась. После смерти Строганова (1811 г.) его должность была упразднена, а к названию *Императорская библиотека* — прибавлено *публичная*. А.Н. Оленина назначили ее директором: «Я нашел сие книгохранилище в таком положении, которое непременно требовало совсем иного устройства как по хозяйственной его части, так и по ученой».

При Александре I он стал статс-секретарем Государственного совета (а затем сменил в 1812 г. разжалованного М.М. Сперанского). В 1817 г. Оленин возглавил Академию художеств. Были у него



Второе здание Публичной библиотеки, построенное по проекту К.И. Росси

и другие, не менее важные обязанности, но дела библиотеки он считал наиважнейшими, т.к. считал, что «общественное книгохранилище — единственный есть способ к успешному распространению народного просвещения».

Реформы он начал с выработки Устава библиотеки, по которому полагалось иметь 7 библиотекарей, 7 помощников, одного хранителя рукописей с помощником и вспомогательных служащих. На должности библиотекарей Оленин пригласил известных ученых, литераторов: И.А. Крылова, А.И. Ермолаева, Н.И. Гнедича, В.С. Сопикова, А.Х. Востокова (О всех этих замечательных людях написано в книге О.Д. Голубевой «Хранители мудрости»).

Оленин считал, что библиотекарь должен иметь *«основательные познания в отечественном и иностранных языках»*, обладать *«нужными библиографическими сведениями, то есть знаком с известнейшими в ученом свете книгами по части наук, словесности и искусств»*, должен знать *«главное содержание всякой книги»*, быть *«живым каталогом своего отделения»*. Он считал библиотечную службу не только полезной для создания отечественной культуры, но и трудной, требующей не только умственных, но и физических усилий. Редкие люди, считал он, способны к ней. Тогда на государственную службу не принимали людей, не имеющих хотя бы первого чина — 14-го класса. Оленин принимал на службу не по чинам, а по «разным познаниям». По предложению Оленина были введены должности *«почетных библиотекарей»*, которые выполняли поручения библиотекарей бесплатно, освобождались от суточных дежурств. Им выдавалось специальное свидетельство. Почетными библиотекарями были Н.И. Греч, К.Н. Батюшков, М.Н. Загоскин, монах Иакинф (Н. Бичурин, ученый-китаевед) и другие известные люди, сделавшие какие-либо услуги библиотеке. Освобождавшиеся места библиотекарей могли быть заняты помощниками библиотекарей, а те, в свою очередь, — почетными библиотекарями.

После постановления 1821 г. совместительство в библиотеке было запрещено, оклады были скудные, и Оленин ходатайствовал об их увеличении, добивался пенсий библиотекарям, помогал с ремонтом в квартирах тем, кто жил в библиотечном доме.

Своей главной задачей А.Н. Оленин считал создание *национальной* библиотеки России, т.е приобретение в полном объеме печатных и рукописных книг на русском языке. При Оленине было создано Русское отделение, которое с 1812 г. возглавлял И.А. Крылов.

Оленин добился для Императорской библиотеки права «требовать точных списков со всех любопытных рукописей, до отечественной истории относящихся, кои хранятся в архивах правительствующего Сената и святейшего Синода, в архивах государственной Коллегии иностранных дел, в Академии наук и в иных ученых обществах и в других местах». В археографическую экспедицию по городам России в 1809 — 1811 гг. были отправлены К.М. Бороздин, А.И. Ермолаев (будущий хранитель Депо манускриптов) и художник И.А. Иванов.

В «Положении о управлении Императорскою Публичною библиотекою», утвержденном Александром I, по предложению Оленина было записано, что библиотеке «даруется право... получать безвозмездно по 2 экземпляра каждой вновь издаваемой книги из всех типографий, в империи состоящих...». За год в библиотеку поступало по обязательному экземпляру до 600 — 700 названий книг. За книжным рынком следили все сотрудники библиотеки, чтобы не пропустить ни одного нового названия. Книги приобретались за деньги лишь после тщательной экспертизы. Для поощрения дарителей Оленин выхлопотал купцам право на вывеске своего магазина писать *Комиссионер Императорской публичной библиотеки* и рисовать ее герб. Кроме того, для усердных дарителей была учреждена *золотая медаль*, которую носили на Аннинской ленте.

Много внимания Оленин уделял комплектованию библиотеки на иностранных языках. Приобретались книги по истории, классической филологии, нумизматике, изобразительному искусству и т.п.

В то же время, экономя средства, Оленин приказал отобрать все дублеты на продажу или обмен. «...Дублетами почитать должно экземпляры одного и того же издания», — писал он в специальном циркуляре.

Оленин как-то сказал, что «Библиотека есть вместилище словесности всех времен и всех народов». А так как монеты и медали — один из исторических источников, имеющий надписи, Оленин с удовольствием приобретал для библиотеки нумизматические коллекции. В библиотеку дарили золотые, серебряные и глиняные вещи, а К.Н. Батюшков подарил даже два мамонтовых клыка — вероятно, путая задачи библиотеки и музея.

К 1820 г. по количеству фондов Публичная библиотека вышла на 4-е место среди крупнейших европейских библиотек (300 тысяч книг и 11 тысяч рукописей).

Оленин заботился и о *сохранности* книг в библиотеке. Вот выдержки из его статьи в газете (1832 г.): «...некоторые беспристрастные соображения о худых следствиях для целости и сбережения печатных... рукописных книг Библиотеки... принудили начальство... постановить некоторые строгие... правила на свободный выпуск из библиотеки печатных книг, и особенно рукописей... начальству... дозволено (одному только директору) брать к себе на дом, под собственноручную его расписку, печатные книги или отпускать оные г. министру просвещения, по письменным его требованиям. Расписка директора хранится в Библиотеке до возвращения им книги... Рукописи... никуда не должны быть выпускаемы». Там же он описывал порядки в библиотеке: она открыта для всех по вторникам, со среды по пятницу — для имеющих билеты, в эти дни можно работать с 10 часов утра до 9 часов вечера. В библиотеке, писал он, светло, тепло, каждому найдется стол, стул, чернила, ящик с ключом, чтобы запирать свою работу...»

Для лучшей сохранности книги переплетались, причем по инструкции, разработанной самим Олениным. В залах запрещался шум, заказывать книги надо было с помощью записок. Читатели должны были пользоваться книгами «со всевозможной бережливостью». В правилах было записано, что *«одна из главных обязанностей библиотекарей состоит в учтивом и ласковом принятии посетителей и в оказании им, без разбора лиц, всех возможных услуг в отыскании сочинений, нужных для их занятий»*.

Боясь частых тогда пожаров, Оленин обращал внимание правительства на этот вопрос. В результате, в 1830 г. все строения и фонд русской книги были застрахованы за счет государственного казначейства. В самой библиотеке следили за исправностью противопожарных средств, запрещено было курить, раздувать самовар, использовать свечи без «фонаря». Подвалы здания под фонды не использовались, поэтому в самое сильное наводнение 7 ноября 1824 г. книги не пострадали.

Первое здание библиотеки, построенное русским архитектором Е.Т. Соколовым (и отделкой которого занимался итальянец Л. Руска), признается «лучшим произведением этого малоизученного мастера и одним из лучших зданий русского классицизма конца XVIII века». По настоянию Оленина, в 1817 г. в библиотеке была введена должность штатного архитектора, на которую назначили М.И. Овсянникова. Он должен был наблюдать за состоянием помещений, следить за ремонтными работами.

Из-за постоянного роста фонда возникла необходимость пристройки к первому зданию библиотеки. Автором генерального плана стал ведущий архитектор Петербурга в 1820-е гг. — К.И. Росси, а главным исполнителем — сменивший Овсянникова, А.Ф. Шедрин, которого можно по праву считать соавтором гениального зодчего. В своем решении они учли не только эстетические, но и функциональные требования: обширные светлые залы и свободные проходы к шкафам. Исследователи признают, что внутренние помещения второго библиотечного здания «составляют один из лучших в мире образцов библиотечных зал... Росси создал образцовый тип здания для помещения в нем библиотеки-музея, библиотеки, предназначенной не только для чтения, но и для обозрения книжных сокровищ, прогулки по Библиотеке, ознакомления с ее богатствами». По приказу Оленина в залах были установлены бюсты знаменитых писателей и поэтов. Фасад был декорирован 18 колоннами лоджии, оба здания были органично соединены в единое целое. Были смонтированы водопровод и канализация, позже — паровое отопление. Но на нижнем этаже нового здания из-за сырости вскоре появилась плесень. И Оленин вынужден был отдать распоряжение «возможно чаще» осматривать книги, протирать их от пыли и плесени, просушивать.



Приютино, имение Олениных под Петербургом, где собирался весь цвет русской культуры

В книге О.Д. Голубевой можно прочитать, что к моменту прихода Оленина в библиотеку «фонд не был разобран, не было ни схемы классификации, ни полного перечня книг, ни каталогов. Книги стояли на полках в 3 — 5 рядов». Придя в библиотеку, Оленин увеличил количество шкафов, чтобы поставить книги в один ряд. Изучив зарубежный опыт и не удовлетворившись ни одной библиографической классификацией, он в 1809 г. создал свою, изложив ее в книге «Опыт нового библиографического порядка для Санкт-Петербургской императорской библиотеки». Это первая русская инструкция по организации каталогов.

Классы в оленинской классификации (науки, искусство и словесность) разделялись на отделения, которые, в свою очередь, — на подразделения. Самое мелкое деление — разряды (их было 363). Книги одного разряда ставились в одном шкафу по языкам (а далее — по алфавиту) и по форматам. Фонд многократно пришлось передвигать. Каталог тех времен только указывал, что книга есть в библиотеке, но по нему невозможно было определить ее местонахождение: шифр на книге не ставился. Оленин проводил многочисленные собрания сотрудников для обсуждения принципов каталогизации, стараясь остановиться на наилучшем варианте. При Оленине был написан 31 том систематического каталога, но работа шла медленно из-за больших партий новых поступлений книг. Кроме того, не было общей концепции построения каталогов, взгляды Оленина часто менялись, и каталогизация приостановилась.

В записках Ф.Ф. Вигеля об А.Н. Оленине сказано: «Он прослужил целый век и приобрел много познаний, правда, весьма поверхностных, но которые в его время и в его кругу заставили видеть в нем ученого и делового человека. Его чрезмерно сокращенная особа была отменно мила; в маленьком живчике можно было найти тонкий ум, веселый нрав и доброе сердце... Сам Александр шутя прозвал его... — тысячеискусником».

Третий директор Публичной библиотеки, сделавший ее действительно процветающим учреждением, М.А. Корф, очень резко отзывался об Оленине и его деятельности. Известны недоброе отношение к нему А.С. Пушкина (после 1827 г.), Н.И. Тургенева, на то у них были свои причины.

И все-таки А.Н. Оленин — первый директор Публичной библиотеки. При нем было достроено первое здание библиотеки, пристроено второе. Он заботился о составе и количестве фондов. За период с 1814 г. (открытие библиотеки для читателей) по 1843 г. фонд

увеличился почти в полтора раза. Оленин сформировал замечательный коллектив сотрудников библиотеки, ввел собрания библиотечкарей. Хорошо его знавшие люди отзываются о нем как об умном, добром, деликатном, щедрым, необыкновенно гостеприимным и скромном человеке. А работавший при нем помощник библиотекаря И.П. Быстров писал: *«Между им и библиотекой образовалась какая-то родственная связь, подобно той, которая существует между двумя глубоко любящими сердцами, связь, которую ничто на свете не могло ослабить — не говорю уже, прервать или уничтожить вовсе».*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубева О.Д. Хранители мудрости. — М.: Изд-во «Кн. Палата», 1988. — С. 6 — 90.
2. Острой О.С. Архитекторы Императорской Публичной библиотеки. — СПб., 2000. — 106 с.
3. Грин Ц.И., Третьяк А.М. Публичная библиотека глазами современников (1795 — 1917): Хрестоматия. — СПб., 1998. — С. 188 — 205.
3. Корф М.А. Записки. — М.: Захаров, 2003. — С. 223 — 227.



Праздничный мундир библиотечкарей из сукна синего цвета, разработанный А.Н. Олениным: воротник и обшлага из синего бархата, вокруг воротника — золотое шитье, изображающее бумажный сверток, а в двух углах воротника — изображение папируса. Пуговицы медные, с гербом Библиотеки



Поль ОТЛЕ (1868—1944)

— автор нескольких сотен работ по проблемам теории и практики *библиографии*, *библиотековедения* и документации. Один из организаторов (совместно А. Лафонте-ном, лауреатом Нобелевской премии мира) Международного библиографического института в Брюсселе (1895), который ныне называется МФД (Международная федерация по информации и документации).

В 1890 г. Поль Отле окончил Брюссельский университет и стал доктором права, но приобретенная судебная практика не увлекла его. Под влиянием философии позитивиста Г. Спенсера, который стремился создать единую систему познания, П. Отле постепенно пришел к убеждению, что всю информацию об универсальной системе знаний может дать библиография. Им овладела идея мирового сотрудничества человечества, идея упорядочения всего мирового сообщества. П. Отле считал, что международные организации должны заниматься «унификацией и кооперацией в отдельных видах человеческой деятельности». В 1892 г. он выступил со статьей «Немного библиографии», призывающей к составлению международной библиографии общественных наук. И 1-я Международная конференция по библиотековедению в 1895 г. (созванная по инициативе Отле и Лафонте-на) выносит постановление о составлении «Всемирного библиографического репертуара» книг всех времен и народов. Для осуществления этого в Брюсселе был учрежден Международный библиографический институт (МБИ). Тогда же были открыты филиалы института в Швейцарии, Франции, Германии, Нидерландах, Польше и др. странах. До 1915 г. издавался Бюллетень МБИ.

Институту поручалось разработать библиографическую классификацию на основе Десятичной классификации Дьюи. Она была создана и широко распространена — Универсальная Десятичная классификация (УДК), которая сыграла огромную роль в развитии мировой теории и практики библиотечно-библиографической классификации. В 1-м издании (1905 — 1907 гг.) — 33 тысячи делений; во 2-м (впервые — УДК), изданном в 1927 —

1933 г. — более 70 тысяч. Сейчас эталон содержит свыше 220 тысяч делений. С 1997 г. Научно-технический центр (НТЦ) «Ректор» (имеющий лицензию на право перевода, издания и распространения УДК в России и СНГ) издает полный перевод эталона таблиц УДК на русском языке. Новые таблицы называются «Универсальная десятичная классификация. Четвертое полное издание».

В УДК проведена строго логичная индексация. Вместо трехзначных индексов Дьюи, с добавлениями 0 или 00, даются: на 1-й ступени деления — однозначные числа, на 2-й — двузначные, на 3-й — трехзначные и т.д. Каждые три цифры слева отделяются точкой от последующих.

Главными отличиями УДК от ДКД являются изменение некоторых основных индексов и формулировок заголовков; разработка сложной системы вспомогательных таблиц-определителей для типовых рубрик. Сейчас ДКД и УДК являются международными классификационными системами, которые используются в разных странах мира (УДК — в 50 государствах, большей частью в Европе и Японии). В России сейчас используется и УДК и ББК (Библиотечно-библиографическая классификация).

Поль Отле называл *библиотекаря* «*Servus Servorum Scientiae*» — «слуга слуг науки» и считал, что «библиотекарь должен обладать серьезным общим и профессиональным образованием», а «понимание научных основ профессии воспитывает и возвышает; оно заставляет выйти из изолированности и “социализирует” ум человека». Выдающийся бельгийский ученый организовал учебу для будущих библиотекарей, сам читал лекции, из записи которых создалось «Руководство для общественных библиотек» (совместно с Л. Вутерсом).

П. Отле — идеолог образования не только политических международных организаций (Лига Наций, 1919 г.), но и интеллектуальных и экономических, которые были образованы уже после его смерти (ЮНЕСКО, ООН). Единая денежная единица, Международный банк, идея Всемирного города тоже в свое время были предложены П. Отле. Кроме того, создание Всемирной сети документации (сейчас эту роль выполняет Интернет) должно обеспечивать, по мысли Отле, доступ к любой информации любому человеку из любой страны. Самым главным для него было создание Документарного союза правительств, над планом которого он работал многие годы.

Одним из принципов созданной им науки о документах Отле считал «унификацию всех работ, связанных с производством, обработкой, рассылкой, хранением документов». По его предложению был введен международный стандарт на формат писчей бумаги, каталожных карточек (каталожная карточка Дьюи), микрофишей, почтовых открыток, на оформление документации. Идея депонирования рукописей (научные работы, представляющие интерес для узкого круга специалистов, сохранять в рукописном виде в специальных бюро и доводить эту информацию до заинтересованных читателей) тоже принадлежит Полю Отле. Стратегическую роль библиотек ученый видел во всемирной регистрации, сборе, систематизации (по УДК) и хранении документов. «Мировое знание» должно было быть собрано в «документарной энциклопедии».

Многие идеи Поля Отле уже реализованы, некоторые, намного опередив свое время, еще ждут своей реализации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Отле П. Труды по библиотековедению. Руководство для общественных библиотек. Организация умственного труда. Руководство к администрированию: Практ. пособие / Вступ. ст. и науч. ред. Ю.Н. Столярова. — М.: Изд-во «Либерея», 2002. — 232 с.
2. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 2. — М., 1959. — С. 210 — 212, 216 — 230, 242.
3. Сукиасян Э.Р. Библиотечные каталоги: Методические материалы. — М.: ИПО «Профиздат», 2001. — 192 с.

П



Антонио ПАНИЦЦИ (1797—1879)

— выдающийся английский *библиотекарь*. В Библиотеке Британского музея он, скрывающийся от преследования карбонарий, появился вначале как читатель, а с 1831 г. — как библиотекарь. К 1837 г. Паницци становится руководителем отделения печатных книг. В 1841 г. он опубликовал «Правила составления

каталога печатных книг Британского музея».

С 1856 г. А. Паницци, талантливый и энергичный, стал *директором библиотеки* (по 1866 г.). Фонд при нем увеличился с 150—200 тыс. ед. до 1 млн единиц хранения. Библиотека Британского музея превратилась в центральную научную библиотеку с универсальным фондом, с которой не могла конкурировать ни одна библиотека мира.

При нем был построен и открыт знаменитый круглый читальный зал и окружающее его основное книгохранилище, которое отделялось от читального зала специальными железными конструкциями. Совершенствовалось библиотечное обслуживание. Для читателей в центре зала находился алфавитный каталог на весь фонд. В читальном зале под ротондой было 450 мест. К подсобному фонду (более 20 тыс. томов) был свободный доступ. Библиотекари читального зала оказывали помощь в поиске книг, следили за правильностью расстановки, которая была систематической.

При Паницци начали составляться новые каталоги, было введено описание под коллективным автором. Именно он сформулировал две главные задачи алфавитного каталога, которые тот и поныне решает: отвечать на вопрос о наличии книг в библиотеке, объединять сочинения одного автора в единый комплекс. Добившись увеличения финансирования библиотеки и повысив зарплату сотрудникам, энергичный руководитель привлекал на работу более квалифицированных библиотекарей. Обязательный экземпляр начал поступать в библиотеку Британского музея не только со всей

страны, но и из всех колониальных владений Великобритании. Был создан отдел восточных книг и рукописей. Комплектование фонда он поручал опытным специалистам, которые посылались в командировки для приобретения книг в разных странах. Благодаря Паницци особенно тщательно подбирались научная и художественная литература России XIX в. (при содействии известного книгопродавца А.Ф. Смирдина), издания Венгрии, Голландии. Паницци ввел обязательную регистрацию новых поступлений.



Знаменитый читальный зал — ротонда — Библиотеки Британского музея

ЛИТЕРАТУРА:

1. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом. — М.: Книга, 1982. — С. 71 — 73.
2. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. — СПб., 2002. — С. 162 — 166.



«Железная библиотека» Библиотеки Британского музея

Р



Николай Александрович РУБАКИН (1862–1946)

— известнейший популяризатор, автор множества книг для народа, *создатель библиотек*, библиографических пособий, рекомендательных каталогов, по праву может считаться виднейшим *библиотекарем*.

Н. Рубакин был не просто трудолюбив, он был трудоголиком. Незадолго до смерти он составил таблицу: прочитано — 250 тыс. книг; создано — 49 больших научных работ; собрано — 230 тыс. книг; составлено и разослано — 15 тыс. программ по самообразованию; опубликовано — более 350 статей в 115 периодических изданиях. Сотни книг отредактировал, тысячи писем написал. В столе нашли два больших неопубликованных романа. И все это — за жизнь длиною в 84 года. Необыкновенно цельный, целеустремленный человек, Рубакин очень любил книги, но не был скаредным библиофилом. В 1880-х гг., только окончив университет, он стал создавать свою библиотеку. И чтобы ее пополнить, брался за любую работу корректора. А собрав около 80 тысяч книг — передал их полностью и безвозмездно «Лиге образования» в Петербурге (длина полок составляла 1 версту 250 сажень и 9 дюймов). Также и в Швейцарии, где он прожил последние 40 лет, собранной им библиотекой (100 тысяч томов) пользовались все слависты мира, вся эмиграция. Около Кларана в Монтре, у Рубакина, возник русский клуб. Требование к читателям у него было только одно: бережное возвращение взятых книг. Свою крупнейшую библиотеку Рубакин завещал России. Сейчас она находится в РГБ, составляя особый фонд — фонд «Рб».

Детство его прошло в Ораниенбауме, где купцов Рубакиных уважали и почитали (его отец был 18 лет городским головой). Двенадцатилетним мальчиком он сочинил свой первый приключенческий роман и пьесу, в 13 — стал издавать рукописный жур-

нал «Стрела», в 16 — напечатал первую свою статью в «Детском чтении» и даже получил гонорар. В университете учился на естественном факультете (вместе с А. Ульяновым). Окончил его с отличием, одновременно посещая все лекции на историко-филологическом и юридическом факультетах. Свою библиотеку он открыл на Большой Подьяческой в Петербурге (в основе которой — 6 тыс. книг из собрания своей матери). Библиотека стала базой для воскресных рабочих школ, которые взрастили первых рабочих-агитаторов, рабочих-марксистов. Для них Рубакин подбирал учебные пособия, нелегальную литературу. Библиотека стала местом явок для нелегалов с ведома Рубакина, который активно в этом участвовал: бегал на сходки, писал прокламации, хотя и не был революционером. Идея его была проста: народу нужны знания, нужны миллионы популярных книг, тысячи всем доступных библиотек. Рубакин и его добровольные помощники провели анкетирование более 4 тысяч человек и в его библиотеке, и в воскресных рабочих школах. Оказалось — большинство книг недоступно, непонятно народу. Выводы были опубликованы в книге «Этюды о русской читающей публике»: интеллигенция оторвана от народа... В 1896 г. его высылают из Петербурга в Рязань. В 1901 г. последовал арест и высылка на 2 года в Крым, в деревушку близ Алушты — под надзор полиции. В первую русскую революцию он пришел эсером. Активно писал листовки, многочисленные брошюры, и, как следствие, ссылка под полицейский надзор в Новгород. В 1907 г. Рубакин, почувствовав отвращение к политике, уехал в Швейцарию и вышел из партии эсеров.

Внимательное изучение читательских интересов привело Н. Рубакина к убеждению в существовании разных читательских типов. Он их исследовал и классифицировал. Рубакин предугадал науку библиопсихологию, которая «есть наука о социальном и психологическом воздействии книги». Его главный труд — руководство для читателя «Среди книг» — содержит 22 тысячи названий. Каждое название снабжено звездочкой, цифрой. В приложенных таблицах читатели могли найти себе книгу, руководствуясь не только темой, но и своей подготовкой.

По книгам Рубакина приобщились к знаниям миллионы людей. На критику в свой адрес, что, мол, знания никогда не приобретаются в популярных книжках, отвечал: популяризатор выращивает не знания, а убеждения. Мерилом ценности научно-попу-

лярного издания Рубакин считал не объемом знаний, а влияние книги на читателя («не учить, а образовывать»).

В своей швейцарской библиотеке он собрал все русские журналы и газеты (с 1860-х гг.), все издания эпохи первой русской революции, коллекцию нелегальной литературы. С 1930 г. Н.А. Рубакин стал получать пенсию от Советского правительства. Кроме того, ему присылали все главные советские периодические газеты и журналы, множество книг. Рубакину дарили свои издания многие выдающиеся ученые и писатели. В его библиотеку передала свою коллекцию дочь Герцена — Наталия Александровна, туда же вошло и собрание Густава Броше, участника Парижской коммуны. Все было тщательно отсортировано, подшито, зарегистрировано. Н.А. Рубакин публиковал реферативный материал о советских книгах в изданиях при Лиге Наций, знакомя зарубежных читателей с советской литературой.

В годы Второй мировой войны Рубакин заботился о советских военнопленных, вел обширную переписку, пытаясь облегчить их участь.

Урна с прахом Н.А. Рубакина захоронена в стене Новодевичьего кладбища в Москве. На надгробье, изображающем книгу, выгравирован любимый его девиз: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Разгон Л. Последний энциклопедист // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. — М.: Сов. писатель, 1987. — С. 159 — 193.
2. Разгон Л. Младший Рубакин // Альманах библиофила. Вып. 11. — М.: Книга, 1981. — С. 47 — 49.
3. Рубакин Н.А. Избранное. В 2 т. — М.: Книга, 1975.



Маргарита Ивановна РУДОМИНО (1900—1990)

— основатель и первый *директор* Всероссийской государственной *библиотеки* иностранной литературы (ВГБИЛ), ныне носящей ее имя.

«Современница века» — так о себе не раз говорила Маргарита Ивановна. Так же называется и статья о ней, написанная В.А. Артисевич. Познакомились они в Наркомпросе и потом всю жизнь сотрудничали, помогали друг другу, дружили. М.И. Рудомино была тогда ученым-специалистом и заведующей отделом научных библиотек. Доброжелательная, уважающая чужое мнение, общительная и контактная, всегда готовая оказать помощь — такой ее запомнила В.А. Артисевич. У нее был, писала она о Рудомино, организаторский талант, государственный подход в решении проблем, необычайная энергия и живой ум.

Оставшись круглой сиротой в пятнадцать лет, закончила школу. Свою библиотечную деятельность начала в библиотеке реального училища в 1918 г. и на Высших курсах иностранных языков в Саратове, которые она до этого окончила. Там изучила английский язык (дополнительно к немецкому и французскому — ими она владела свободно). Позже М.И. Рудомино окончила МГУ (романо-германское отделение).

В 1921 г. М.И. Рудомино получила приглашение от Наркомпроса — создать библиотеку при организуемом Неофилологическом институте в Москве. Однако Неофилологический институт просуществовал лишь с февраля по август 1921 г. Маргарита Ивановна оказалась единственной, как она пишет, наследницей института, а «вернее, владелицей шкафа с сотней книг, гербовой печатью и архивом несостоявшегося учреждения». Осталось также неотреставрированное помещение без отопления, без стекол, почти без света, без лифта, без мебели. Со стен свисали отодранные

обои. Два месяца Рудомино упорно, как на работу, ходила в Наркомпрос и доказывала, что библиотека без института может и должна существовать. Наконец в октябре 1921 г. в списке учреждений Наркомпроса РСФСР появилась строчка «Неофилологическая библиотека», а в скобках — опытно-показательная. Таким образом, это была не просто библиотека, а библиотека, обучающая иностранным языкам. Штат ее вместе с заведующей и уборщицей составлял 5 человек. И, несмотря на то, что деньги в тот год на пополнение фондов не были выделены, сразу же началась работа по сбору книг и формированию коллектива. В эту голодную зиму два-три сотрудника библиотеки отбирали нужное среди сваленных на полу книг в доме князя Гагарина на Новинском бульваре и несли через всю Москву в Денежный переулок, где тогда размещалась библиотека. Основой коллекции по лингвистике и методике преподавания стало собрание собственных книг М.И. Рудомино, доставшихся ей от матери — талантливой преподавательницы иностранных языков. К декабрю 1921 г. фонды насчитывали около 2 тысяч названий. В апреле 1922 г. в нашей стране, где значительная часть населения была неграмотна, библиотека открылась и начала организовывать изучение иностранных языков.

Для приобретения современных иностранных газет и журналов М.И. Рудомино обратилась за помощью к К. Цеткин, которую знала лично. И та стала отдавать библиотеке свою только что прочитанную прессу. К. Цеткин, пишет Рудомино, «всемерно способствовала Библиотеке в расширении учебной и консультативной помощи читателям, выписывала из-за границы и передавала нам учебники, самоучители, различные пособия. Часто отдавала свои грампластинки с фонограммами речей на иностранных языках».

Фонды пополнялись самыми разными способами: беллетристику стала присылать книжная закупочная комиссия в Германии, некоторые библиотеки, в которых иностранные книги не пользовались спросом, отдавали их в Неофилологическую библиотеку.

В первые же годы существования библиотека явилась одним из инициаторов создания Бюро по выписке иностранной литературы из-за рубежа и в начале 1920-х гг. даже оказалась монополистом в этой области. Бюро стало основой акционерного общества В/О «Международная книга».

В 1924 г. помещение библиотеки приглянулось тогдашнему наркому просвещения А.В. Луначарскому для своей квартиры. Библиотеку выселили, но благодаря настойчивости М.И. Рудоми-

но под библиотеку выделили комнаты в здании Исторического музея на Красной площади. От этого библиотека только выиграла: переезд в центр Москвы привлек новых читателей. В Историческом музее библиотека стала инициатором общественного движения «Иностранные языки — в массы» и превратилась в научно-вспомогательный центр. В мае 1924 г. Неофилологическую библиотеку переименовали в Государственную библиотеку иностранной литературы (ГБИЛ).

В конце 1925 г. при библиотеке стали организовываться сначала группы (кружки), а затем курсы по изучению немецкого, английского и французского языков, которые были преобразованы в Высшие курсы иностранных языков (ВКИЯ). Срок обучения был рассчитан на 3 года, т.к. на курсы принимали в основном людей с высшим образованием, свободно понимающих лекции на иностранных языках. Диплом ВКИЯ давал возможность работать потом литературными переводчиками, референтами в государственных учреждениях, устными переводчиками и т.п. В начале 30-х гг. эти курсы при ГБИЛ легли в основу Московского педагогического института иностранных языков им. М. Тореза (ныне — Московский лингвистический институт).

В библиотеке М.И. Рудомино организовывала встречи читателей с известными общественными деятелями, писателями, поэтами, художниками, учеными. Проходило множество выставок. После посещения одной из инспекций в 1929 г., комиссия писала: «По методам работы с читателями Библиотека бесспорно занимает одно из высоких мест среди других научных библиотек г. Москвы... руководитель и персонал Библиотеки проявляют незаурядную инициативу, большую активность и несомненное увлечение порученным им делом, благодаря чему Библиотека представляет из себя организационно хорошо поставленное, живое и интересное учреждение, широко развернувшееся в течение всего нескольких лет».

В соответствии с уставом библиотеки в 1929 г. при ней было организовано Бюро переводчиков (в дальнейшем — Объединение художественного перевода Союза советских писателей). Таким образом, библиотека ВГБИЛ явилась родоначальницей нескольких учреждений.

В конце 20-х гг. при московских заводах АМО, «Каучук», «ГПЗ № 1», «Динамо», Электрозавод, «Серп и молот» и др. были организованы филиалы ГБИЛ, в которых обучали иностранным языкам.

Создавала библиотека (в первую очередь энергией и инициативой Рудомино) отделы иностранной литературы и при областных, краевых и крупных районных библиотеках.

В 1930-е гг. библиотека в очередной раз вынуждена была переехать — в разобранную внутри церковь Козьмы и Дамиана в Столешниковом переулке (что сохранило церковь от сноса), здесь впервые было построено книгохранилище библиотеки. Тогда в библиотеке началась напряженная работа под лозунгом «Иностранные языки в массы». Именно в ГБИЛе изучали иностранные языки сотрудники Наркоминдела, Наркомвнешторга, ВОКСа, многих научно-исследовательских и учебных институтов.

Рудомино писала: «В 1930-е гг. в ГБИЛ начал зарождаться *новый тип библиотеки и библиотекарей*. Он не был заранее предугадан. Его рождала сама жизнь. Основная деятельность старого типа библиотеки и библиотекаря заключалась в том, чтобы приобрести книги, записать их в инвентарь, от руки заполнить карточку в каталоге, поставить книги на полки, а дальше выдать их читателю, предварительно стерев пыль. Вот и все. Творческий подход здесь относился только к приобретению книги, а дальше уже чисто шла техническая работа. Зато библиотекарь должен был обладать спокойным характером, приятной внешностью, чтобы читатель не отвернулся от него. Библиотекарь должен был иметь хороший почерк и некоторый круг знаний. Вот такие требования были к библиотекарю тогда, когда я вышла в библиотечный мир. Конечно, были живы уникальные библиотекари-энциклопедисты, такие, как, например, В.В. Стасов, служивший в Публичной библиотеке в Петербурге и дававший консультации, особенно художникам и музыкантам. Сейчас таких энциклопедистов не осталось. Таким были Е.И. Шамурин, А.И. Калишевский, Н.П. Киселев, мой учитель библиотечному делу в Саратове Е.Н. Добржинский. Это была плеяда прекрасных, настоящих библиотекарей... Но таких библиотекарей были единицы.

В нашей Библиотеке тоже был такой специалист — Николай Иванович Пожарский (1880 — 1959)...».

Библиотека начала издавать реферативный «Библиографический бюллетень иностранной литературы», библиографические и систематические указатели, сводные каталоги, аннотированные карточки на каждую новую статью в журнале. В библиотеке очень популярен был лекторий, на семинарские занятия в котором надо было записываться — была очередь. Таким образом, уже в те годы библиотека

приобрела консультационную, учебную, методическую, научно-исследовательскую функцию. В Уставе ГБИЛ было записано, что Библиотека одновременно проводит консультационную и педагогическую деятельность, что библиотекари одновременно являются *консультантами и преподавателями иностранных языков*. В 1932 г. библиотека стала называться «Государственная центральная библиотека иностранной литературы» — статус ее повысился.

В 1932 — 1940 гг. М.И. Рудомино — член Центрального Бюро секции научных работников ЦК Союза просвещения. В 1934 — 1939 гг. — депутат Свердловского райсовета Москвы.

Во время Великой Отечественной войны, вспоминала Маргарита Ивановна, «Библиотека превратилась в своеобразный штаб пропаганды антифашистской литературы, отвечая на бесконечное количество запросов со всех сторон». В помощь военным была выпущена брошюра для быстрого овладения немецким языком, написанного готическим шрифтом. И, несмотря на военное время, библиотека получала новую языковедческую и методическую литературу. В 1941 г., в эвакуации в Саратове, Рудомино организовала кружки по изучению иностранных языков (при библиотеке СГУ). В 1942 г. она уже вернулась в Москву, в ГБИЛ. В том же году был выпущен библиографический указатель переводов и критической литературы на русском языке, который в последующие годы стал известным справочником «Основные произведения иностранной художественной литературы». В 1943 г. состоялось открытие новых читательских залов в Лопухинском переулке. Перед самым окончанием войны М.И. Рудомино направили в Германию для поиска и возвращения книг, вывезенных фашистами из СССР, для вывоза книг в счет компенсации за потери советских библиотек.

В 1948 г. ГБИЛ преобразовали во Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы (ВГБИЛ) — библиотека стала универсальной. Это дало толчок к новому развитию библиотеки, которая переехала в более просторное здание на ул. Разина. В те годы были заложены основы фонда естественнонаучной литературы. Библиотекой выписывалось до 1,5 тысячи названий периодики по естественным наукам. В 1957 г. был образован Отдел литературы стран зарубежного Востока (4 тыс. ед. хранения на 57 языках). Усилилась методическая и издательская деятельность библиотеки. «После войны ГБИЛ стала печатать до одной тысячи листов в год различных реферативных изданий — это и сводные каталоги, и библиографические, и систематические указатели, ан-

нотированные карточки на каждую новую книгу, на каждую новую статью в журнале», — вспоминала Маргарита Ивановна.

Президент Государственной академии художественных наук (ГАХН) П.С. Коган восхищенно писал М.И. Рудомино: «Есть библиотеки — книгохранилища. Есть библиотеки — советники и друзья. Ваша библиотека принадлежит к последней из этих двух категорий. Все мы — Ваши должники. У Вас находятся не только книги. Здесь целый университет, своего рода Академия... Это — библиотека наших дней, библиотека-просветитель, библиотека-учитель...».

С ноября 1961 г. на Ульяновской улице началась закладка фундамента нового здания библиотеки. «Почти 30 лет, — пишет Рудомино, — (кроме военной поры), с 1930 года я пробивала день за днем, месяц за месяцем, год за годом возможность строительства специального здания для Библиотеки». 31 мая 1967 г. библиотека отпраздновала свое переселение в здание с 8-этажным хранилищем. 4-миллионный фонд был перевезен и расставлен силами 700 сотрудников. Для читателей было оборудовано 9 залов.

«Одной из черт, свойственных Маргарите Ивановне, было ее чувство нового. Она поддерживала все новое, прогрессивное, и это зачастую невзирая на мнение большинства. Ей был совершенно чужд дух конформизма, приспособленчества, бюрократической рутины, за что ее, по-видимому, не любили многие вышестоящие чиновники от библиотечного дела», — это слова литовского книговеда и библиотекаря Л.И. Владимиров, знавшего Рудомино почти сорок лет. И — любил коллектив библиотеки, который она создавала, пестовала. В конце 1940 — начале 1950-х гг. мужественный директор принимала на работу опальных ученых: физиков и генетиков, филологов и историков, которых не брал уже никто. В этом высокопрофессиональном коллективе царил дух интеллигентности, доброжелательности, уважения к читателю.

Библиотека переводила на русский язык периодические издания ЮНЕСКО и Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА). М.И. Рудомино была ответственным редактором русского издания «Бюллетеня ЮНЕСКО для библиотек» с 1957 г. Сотрудники библиотеки и М.И. Рудомино (с 1960 г.) неоднократно участвовали в работе ИФЛА, а 32-й конгресс ИФЛА в 1970 г. вообще проходил в здании ВГБИЛ. С 1970 по 1972 г. Рудомино была первым вице-президентом ИФЛА, а с 1973 г. ее избрали пожизненно почетным вице-президентом. Именно по инициативе Рудомино 1972 г. был объявлен Международным годом книги.

В 1970 г. М.И. Рудомино была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а через два года орден Трудового Красного Знамени дали и библиотеке. Но в 1973 г. организатора и первого директора ВГБИЛ грубо выпроводили на пенсию. Началось перепрофилирование библиотеки: естественнонаучный фонд (400 тысяч томов книг и 375 тысяч номеров журналов) был закрыт. 13 тысяч читателей остались без необходимой литературы, хотя постановление 1948 г. никто не отменял. В исторической справке, выпущенной к 60-летию ВГБИЛ (1982 г.) о ее создательнице нет ни слова.



В перестройку в администрации ВГБИЛ произошли перемены. «Я была в курсе всех дел Библиотеки и видела, что я нужна, что нужны мои советы. В общем, я с головой окунулась в жизнь Библиотеки», — писала тогда Рудомино.

В 1990 г., сразу после смерти создательницы ВГБИЛ, на здании была установлена мемориальная доска в ее честь, а в Центральном вестибюле библиотеки — ее бюст. Распоряжением Совета Министров СССР ВГБИЛ было присуждено имя М.И. Рудомино.

Маргарита Ивановна Рудомино мечтала о Библиотеке как о культурном и просветительском учреждении, соединяющем черты публичной и научной библиотеки. Она писала, что библиотека — «накопитель и хранитель истинной духовности людей... Вот это и есть новый тип библиотеки! Создавалась не просто библиотека, а *библиотечный комбинат*, осуществляющий не только библиотечную деятельность, но и консультационную, учебную, методическую, научно-исследовательскую работу по всей стране. Это то, что сейчас очень интересует весь мир.

Д.С. Лихачев в своем предисловии к книге «ВЕЛИКИЙ БИБЛИОТЕКАРЬ» написал: «Жизнь и судьба М.И. Рудомино — это служение. Она принадлежала к тому поколению русской интеллигенции, для которого высшим смыслом жизни были высокая духовность и ответственность. Уникальный специалист, непревзойденный знаток библиотечного дела, Маргарита Ивановна была признанным в мире авторитетом в этой области. Ее вклад в культуру нашей страны огромен...».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Рудомино М.И. Моя Библиотека / Подготовка текста и комментарии А.В. Рудомино. — М.: Изд-во «Рудомино», 2000.
2. Столяров Ю. Это радость со слезами на глазах. К выходу книги М.И. Рудомино «Моя Библиотека» // Библиотека. — 2001. — № 11. — С. 60 — 61.
3. ВЕЛИКИЙ БИБЛИОТЕКАРЬ: Маргарита Ивановна Рудомино (1900 — 1990). — М.: Изд-во «Рудомино», 1991. — 217 с.
4. Столяров Ю.Н. М.И. Рудомино // Книга: Энциклопедический словарь. — М., 1999.
5. Артисевич В.А. Современница века // Библиотечная легенда: К юбилею директора Зональной научной библиотеки Саратовского университета Веры Александровны Артисевич. — Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 1996. — 256 с.
6. М. Рудомино. Книги моей жизни // Наше наследие. — 1989. — № 6. — С. 1 — 6.



Николай Петрович РУМЯНЦЕВ (1754—1826)

— выдающийся государственный и общественный деятель, министр иностранных дел (1807 — 1814 гг.), председатель Государственного совета (1810 — 1812 гг.), *основатель Румянцевского музея* (а значит, и богатейшей библиотеки мира — нынешней Российской государственной библиотеки), издатель-меценат, собиратель книг и рукописей. Считал просветительство своей главной заботой. Как государственный деятель, он поддерживал всех, кто любил Россию и посвящал себя ее процветанию.

Николай Петрович — достойный продолжатель династии Румянцевых, служащей для блага России на протяжении трех поколений на важных государственных постах. Дед его — Александр Иванович Румянцев, сподвижник Петра I — за заключение мира

со Швецией в 1743 г., выгодного России, был пожалован в графское достоинство.

Отец — смелый и решительный (и даже авантюрного склада) фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский, первый в истории России кавалер ордена Св. Георгия I степени, кавалер орденов Св. Анны, Андрея Первозванного, пожалованного за мирный договор с Турцией в 1774 г.

Н.П. Румянцев получил хорошее домашнее образование. По желанию Екатерины II продолжил обучение за границей — в Лейдене, Италии, Франции. Вместе с братом Сергеем им посчастливилось беседовать с Вольтером.

В 19 лет — он уже камер-юнкер. Один из блестящих дипломатов своего времени, Румянцев пятнадцать лет прослужил послом во Франкфурте-на-Майне. Там он отстаивал честь и достоинство России с такой неистовостью, что Фридрих II прозвал его «дьявол» и «бешеный». За отстаивание интересов славянства в Европе Екатерина II наградила Румянцева орденом Св. Владимира. Это — первая государственная награда графа.



Тогда же Румянцев опекал братьев свергнутого французского короля Людовика XVI. Двое из них стали впоследствии французскими королями (Людовик XVIII и Луи-Филипп). За это Н.П. Румянцев получил орден Св. Александра Невского.

За мирный договор 1809 г. с Францией в г. Фридрихсгаме Н.П. Румянцеву было пожаловано звание Государственного канцлера России — пожизненно, за заслуги перед Отечеством. В истории России он был 8-м канцлером и 1-м председателем Государственного совета.

Румянцев производил прекрасное впечатление своей образованностью, знал французский, английский, немецкий. Сам Наполеон от-

Статуя мира А. Кановы в память трех мирных договоров, заключенных тремя поколениями Румянцевых

звался с восхищением о познаниях Н.П. Румянцева в истории и дипломатии. «За отличную любовь к наукам и ревностное отношение к распространению просвещения» Н.П. Румянцев был выбран Почетным членом Императорской Академии наук, Прусской и Мюнхенской академий наук, был членом многих научных обществ (более двадцати).

Девизом знаменитого деда Николая Петровича были слова «Служение — честь!». Внук тоже следовал этому девизу. Екатерина II называла Румянцева «Святой Николай» — видимо, за его нрав — мирный, спокойный, трудолюбивый и энергичный, которому были чужды светские развлечения.

При Александре I Румянцев занимал различные посты. Известно его высказывание: «Нет такого дела, которого я не мог бы поручить Николаю Петровичу Румянцеву с полным совершенно доверием, потому что оно будет исполнено абсолютно точно».

Будучи министром коммерции, Румянцев уделял много внимания развитию южной торговли в Одессе, вел активную переписку с Дюком Ришелье, эмигрировавшим в Россию и ставшим генерал-губернатором Новороссии. В результате их совместной деятельно-



Мраморная доска с фронтона Румянцевского музея на Английской набережной в Петербурге, перенесенная в Москву

сти Одесса получила важные привилегии по отмене пошлин на ввозимые и вывозимые товары, а в 1808 г. в ней был учрежден 1-й в России Коммерческий суд. Н.П. Румянцев содействовал развитию купечества в России.

Как директор водяных коммуникаций Румянцев возглавил строительство Обводного канала в Санкт-Петербурге, Березинского, Ивановского, Мариинского, Свирского и других каналов, были расчищены фарватеры рек (Буга, Волхова, Дона, Западной Двины, Москвы и др.). Эти мероприятия вызвали увеличение судоходства и укрепление экономики в этих районах страны.

При Румянцеве началось строительство здания Биржи, закончилось строительство водопровода из Мытищ в Москву. Граф возглавлял и комиссию по устройению в России дорог, был министром иностранных дел.

В Великих Луках, на Псковщине, Румянцев на свои деньги построил одну из первых публичных провинциальных библиотек. В Гомеле — построил несколько заводов, фабрик, мост через реку Сож, открыл гимназию. Проявляя веротерпимость, построил не только соборную церковь, но и католический собор с богадельней, помог в возведении синагоги.

После окончания войны России с Наполеоном Румянцев вышел в отставку.

Глубоко любящий Россию, Николай Петрович считал, что в России должно быть великим все: наука, коммерция, народ. На издательские проекты, создание библиотек, учебных заведений Румянцев не тратил ни копейки из государственной казны, а вкладывал свои личные средства. Румянцев поддержал первое кругосветное плавание И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского на кораблях «Нева» и «Надежда», кругосветную морскую экспедицию на корабле «Рюрик» О.Е. Коцебу. За одно это, как считал Крузенштерн, имя Николая Петровича Румянцева войдет во всемирную историю.

Ни разу не воспользовался он своей пенсией — отдавал ее в пользу военных-инвалидов.

Николай I говорил о нем так: «Румянцев — это один из уникальных русских, уму и глубочайшим познаниям которого я поражаюсь».

Граф — инициатор кружка ученых-историков, знатоков древностей, куда входили академик Ф.И. Круг, Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, А.Х. Востоков, П.М. Строев и др. Доб-

рый и терпимый, приветливый — его не только уважали, но и любили друзья — известные ученые.

К изучению славянства Румянцев привлек около 100 человек. Поиски древних рукописей были организованы на всей территории России и за рубежом. Благодаря такой деятельности сохранились и были изданы ценнейшие рукописные документы. На средства Румянцева выпущено около 40 капитальных научных изданий (памятников по истории России и славянских народов). Только в 1813 г. Румянцев передал 25 тысяч рублей Академии наук на издание русских летописей.

Коллекционер-универсал, Румянцев собирал произведения живописи, скульптуры, древние рукописи, славянские старопечатные книги кирилловского шрифта, книги на русском и иностранных языках, газеты, карты. В его коллекции насчитывалось 28 тысяч книг (из них — 104 инкунабулы), 700 рукописей (на них надпись графа — «Бережь как глаза»), более тысячи карт. Им были собраны нумизматическая, археологическая и минералогическая коллекции.

Многие молодые ученые смогли пользоваться его богатым собранием — Румянцев предоставлял свою библиотеку всем исследователям.

Дом, где располагался Румянцевский музей, на Английской набережной, близ Николаевского моста, был куплен Николаем Петровичем в 1802 г. Уже тогда этот дом был не новый. После смерти канцлера в 1826 г. его брат Сергей Петрович подарил дом вместе с коллекциями государству. С 1846 г. директором его стал В.Ф. Одоевский.

По приказу Николая I на фронтоне музея установили надпись «От Государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение».

В 1850 г., по словам В.В. Стасова, Румянцевский музей представлял собой старый барский дом, запущенный и позабытый. Печально глядели трофеи, писал он, некогда привезенные из кругосветных экспедиций, снаряженных на средства графа. В читальной зале, как и в других комнатах, полы скрипели и коробились, было холодно и тоскливо. Зато рукописи, собранные Румянцевым ценою многих усилий и трат и завещанные всему народу, вызывали интерес колоссальный. «Их собрание было... одною из величайших достопримечательностей Петербурга, это было нечто такое, чем наш город мог гордиться наравне с Эрми-

тажем, с Публичной Библиотекой». В.В. Стасов, А.Х. Востоков, Н. Костомаров, А.Н. Пыпин, И.И. Срезневский и др. подписали протест на известие о переводе Румянцевского музея в Москву. Однако денег на его поддержание в Петербурге не выделялось, здания приходили в негодность. Думается, жизнь показала правильность принятого решения, а люди, его принявшие — М.А. Корф, В.Ф. Одоевский и др., — проявили себя как государственно мыслящие.

С 1862 г. Московский публичный музей, созданный на базе коллекций Московского университета, и петербургский Румянцевский музей были объединены и до 1925 г. носили имя Н.П. Румянцева. Размещались музеи в доме Пашкова, а в самом красивом его зале располагалась Библиотека музеев, первая публичная в Москве.

Великий государственный деятель, благородный человек, совершивший в своей жизни много значительных дел, Н.П. Румянцева не был библиотекарем в точном значении этого слова. Созданием замечательного музея, ставшим *основой* крупнейшего книжного и рукописного собрания мира (сейчас — 43 млн единиц хранения) — Российской государственной библиотеки (РГБ), — он увековечил свое имя.



Румянцевский музей в Москве расположился в доме Пашкова

В 1913 г. было создано «Общество друзей Румянцевского музея», которое содействовало притоку пожертвований для пополнения фондов. С 1992 г. в РГБ создано Румянцевское общество друзей библиотеки. В память Н.П. Румянцева — выдающегося человека и гражданина — в РГБ проводятся ежегодные Румянцевские чтения, публикуются статьи, проходят выставки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Толстяков А.П. Румянцев Николай Петрович // Книга: Энциклопедия. — М., 1999. — С. 567.
2. Николай Петрович Румянцев: жизнь и деятельность (1754 — 1826): Библиографический указ. кн., ст. из сборн., журн., газ. на рус. яз.; / Рос. гос. б-ка; сост.: О.Г. Горбачева, В.А. Князятова; ред. Т.Я. Брискман. — М.: Пашков дом, 2001. — 111 с.
3. Стасов В.В. Румянцевский музей // Собр. соч. Т. 3. — СПб., 1894. — Стб. 1687 — 1712.
4. Информационный бюллетень Библиотечной Ассамблеи Евразии. Вып. 12. Н.П. Румянцев и славянская культура / Библ. Ассамблея Евразии, Рос. гос. б-ка. — М., 2000. — 80 с.
5. Коваль Л.М. Дело и имя графа Николая Петровича Румянцева // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. — 2003. — № 1. — С. 25 — 28.



Владимир Васильевич СТАСОВ (1824—1906)

— выдающийся русский искусствовед, музыкальный критик, археолог, почетный академик (с 1900 г.) проработал *библиотекарем* более 50 лет в Императорской публичной библиотеке Петербурга. До этого, окончив в

1842 г. училище Правоведения и проживая в Италии, он служил в качестве секретаря у известного богача и мецената А.Н. Демидова — князя Сан-Донато, изучал богатейшую его коллекцию. В 1854 г. В. Стасов вернулся в Петербург. Горячий приверженец русской музыки, он познакомился и подружился с М.И. Глинкой и его кружком музыкантов. В Публичной библиотеке Стасов стал безвозмездно помогать в описании и систематизации книжного фонда. С 1855 г. его работа стала постоянной — В.И. Соболевский предложил ему заняться систематическим каталогом *Rossica*. Стасов принялся за работу с огромным рвением: вечерами дома возился с грудой карточек, а большую часть дня проводил в библиотеке, изучая фонд. К осени 1856 г. он окончил свою работу, которая получила одобрение в Академии наук.

Стасов писал статьи в газетах и журналах о библиотеке и библиотечных коллекциях (о греческом церковном пении, критическо-историческое описание всех музыкальных автографов библиотеки и др.).

С 1872 г. он фактически заведовал художественным отделом и неоднократно исполнял обязанности директора библиотеки. Этот выдающийся деятель русской культуры горячо любил свою работу: «Я именно урожден быть библиотекарем». В 3-м томе своих сочинений, в 4-й главе «Императорская публичная библиотека», Стасов писал: «Я обязан Библиотеке бесконечно много, добрую часть своего образования я вынес из нее, во множестве работ она мне помогла». Он вел огромную исследовательскую и собиратель-

скую работу, изучал памятники Древней Руси, народов Кавказа, Северного Причерноморья. По просьбе Стасова многие дарили библиотеке свои фотографии, коллекции лубочных картин (князь М.А. Волконский и француз Поль Лакруа), типография Киевской Лавры подарила коллекцию оттисков со всех гравировальных досок XVII и XVIII вв. и т.д. В этом Стасову всячески содействовал тогдашний директор библиотеки — барон М.А. Корф. В результате полувековой деятельности В.В. Стасова в Публичной библиотеке значительно обогатились книжные коллекции, собрание архивов и автографов, в том числе музыкальных.

Стасов добивался, чтобы каждая библиотека была бесплатной. «Библиотека должна делать все возможное для приобщения населения к чтению», — говорил он. Сам он оказывал всевозможную помощь в выборе книг, организовывал выставки, лекции, экскур-



Овальный зал Публичной библиотеки. Литография.

сии — все для привлечения в библиотеку читателя. Будучи лично знаком с такими выдающимися людьми, как А. Бородин, М. Балакирев, М. Мусоргский, И. Репин, Л. Толстой, он всячески помогал им в подборе литературы. «Хороший, знающий библиотекарь — верный помощник всякого серьезного исследователя и просто даже серьезно занимающегося человека», — говорил Стасов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. БСЭ. Т. 40 / Гл. ред. Б.А. Введенский. — М., 1955. — С. 520 — 522.
2. Лебедев А.К. Владимир Васильевич Стасов. — Л.: Художник РСФСР, 1965. — 61 с.
3. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России: Учебник в 2 ч., ч. 1. — М., 2000. — С. 84.
4. Стасов В.В. Императорская публичная библиотека // Собрание сочинений. Т. 3. — СПб., 1894. — Стб. 1505 — 1582.
5. Стасов В.В. Автобиография // Собр. соч. Т. 3. — СПб., 1894. — Стб. 1583 — 1712.
6. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 2. — М., 1959. — С. 168.

Т

Святой ТИМОФЕЙ (III в.)

Мученик святой Тимофей почитается 3 мая вместе с памятью его жены Мавры.

Они только поженились, оба были очень молоды: Тимофею — около 21, а Мавре — 17 лет. Тимофей был церковным чтецом села Перапая (обл. Фиваида) в Египте, переписчиком и хранителем книг, т.е. — *библиотекарем* сельской общины в царствование императора Диоклетиана (284 — 305 гг.). Императорская власть тогда приобрела черты абсолютной монархии, императора стали называть «доминус» — государь, который считался безраздельным властителем. Первые 19 лет своего правления император относился к христианству терпимо. Ближайшие родственники Диоклетиана, некоторые люди из его свиты открыто проповедовали христианство. Однако его зять-язычник Галерий убедил императора издать в 304 — 305 гг. указы, направленные против христиан. Так, был издан указ о сожжении христианских книг. Тимофей спрятал книги перед приездом правителя Арриана, но его схватили, пытали, а затем распяли вместе с женой. Скончались они в муках на десятый день.



Диоклетиан. Античный бюст

По преданию, через несколько лет Арриан сам принял христианство, и по приказу Диоклетиана был утоплен.

Житие святого Тимофея написано на греческом языке в Египте, славянский перевод был опубликован в Четьих Минеях святого Димитрия Ростовского в 1700 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Круминг А.А. Святой Тимофей — библиотекарь-мученик // Румянцевские чтения: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Книга в культуре мира в России (20 — 21 апреля 2000 г.)» — М., 2000. — С. 276 — 277.



Михаил Николаевич ТИХОМИРОВ (1893—1965)

— советский историк, академик (с 1953 г.), крупнейший специалист в источниковедении, историографии, ученый-просветитель, первооткрыватель и публикатор памятников истории и культуры, еще при жизни ставший классиком отечественной исторической науки.

После окончания МГУ в 1917 г. Михаил Николаевич работал в Подмоскowie — г. Дмитрове и его уезде — организовывал музей, *заведовал библиотекой* в Богородске, тогда же (1919 г.) вышла его первая книга — «Псковский мятеж в XVII веке». Позже он трудился в Самаре (в *библиотеке*, музее, архиве, в *библиотечной секции* отдела народного образования, в университете), в Москве — в отделе рукописей Государственного Исторического музея, преподавал на историческом факультете МГУ, а с 1935 г. работал в Академии наук СССР.

Научные интересы его были обширны: археография, палеография, текстология древнерусских письменных памятников, книговедение, география... Он оставил более 300 научных работ, по которым можно судить о широте его научных интересов, поражающих глубиной и мастерством исследования. Тихомиров составил описание рукописного Каргопольского архива, Сводный каталог «Полного собрания русских летописей». Среди его работ — исследования о первопечатнике И. Федорове, А. Рублеве, М. Ломоносове, о библиотеке московских царей, сборник «Русская культура



X — XVIII вв», «Исследование о Русской правде», «Исторические связи России со славянскими странами и Византией», учебники по географии. Исследуя историю русской культуры, Тихомиров пользовался многочисленными источниками: археологическими материалами, летописями, актами, изучал жития, памятники письменности, иконы...

В 1956 г. М.Н. Тихомиров воссоздал Археографическую комиссию Академии наук СССР. Учреждение с таким названием существовало в России до 1929 г. и занималось собиранием и публикацией исторических памятников.

При Тихомирове работа сосредоточилась на описании рукописей, стал составляться «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг» (с XI в. по XVI в.), выпускается «Археографический ежегодник». Много сил он отдавал созданию учебного кино по истории и географии, консультировал серию фильмов «Московский край», даже выступал перед сеансами.

В память о замечательном ученом, создавшем свою школу, с 1968 г. проводятся Тихомировские чтения (в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске). Свою коллекцию рукописей, старопечатных книг и памятников искусства М.Н. Тихомиров завещал Сибирскому отделению АН СССР, а личную библиотеку — университету во Владивостоке, на открытие которого он приезжал. Именем Михаила Николаевича названа одна из улиц в Москве.

Честный и принципиальный ученый, строгий педагог, крупнейший исследователь с мировым именем, оказывается, всю жизнь писал стихи — серьезные и шуточные, делал переводы. В книге «Вторая муза историка» приведены некоторые его стихи. Вот одно из них, датированное 1920 г.

Мое ли имя, надпись гордую,
Поставит у моих ворот
На память, вечную и твердую,
Любимый мой родной народ.

А может быть, порою темною,
При входе в бедный древний храм
Я буду петь с толпой бездомною —
«Подайте, Христа ради, нам!»

Но все равно, пути изведаны,
И путь остался мне один —
К тебе, великий, заповеданный,
О, город, древний властелин.

На могиле ученого на Новодевичьем кладбище поставлен памятник — серый гранитный камень с контурами средневекового города.

ЛИТЕРАТУРА:

1. БСЭ. Т. 42. — М., 1955. — С. 499.
2. Вторая муза историка: Неизученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе; Ин-т всеобщей истории. — М.: Наука, 2003. — С. 103 — 125.
3. Шмидт С.О. Михаил Николаевич Тихомиров (1893 — 1965) // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Том 1. Отечественная история. — М. — Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2001. — С. 247 — 258.
4. Чистякова Е.В. М.Н. Тихомиров и изучение всемирной истории // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Том 1. Отечественная история. — М. — Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2001. — С. 258 — 271.



Вукол Михайлович УНДОЛЬСКИЙ (1816—1864)

— библиофил, археограф, *библиограф*. Собрал *библиотеку*, которую завещал Румянцевскому музею для «заложения Публичной библиотеки в Москве». Она явилась основой, на которой возник Отдел рукописей и славянских рукописных книг. Ученый, проживший так мало, сделал множество открытий: нашел и опубликовал «Задонщину», рукописи двух забытых болгарских писателей — Климента Охридского и Константина Преславского. Он — первый историк библиографии, первые шаги палеографии как науки тоже связаны с его именем. Ундольский составил «Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491 г. по 1854 г.» — полный и компетентный справочник и в наше время.

Вукол Михайлович родился в селе Ундол Владимирской области в семье пономаря местной церкви. В три года мать его уже учила азбуке, а отец — петь по нотам. В семинарии, по тогдашнему обычаю, ему дали фамилию по названию родного села — Ундольский. Мальчик любил читать, хорошо учился и поступил в академию Троице-Сергиевой Лавры. По окончании ее он некоторое время помогал в *библиотеке* Лавры, ожидая назначения, позже его пригласили работать в Московский главный архив. Начал печататься у М.П. Погодина. («Неизвестное сочинение Стефана Яворского», 1842 г.) В 1846 г. был напечатан его труд «Библиографические разыскания. Очерк библиографических трудов России». В истории библиографии России — это первый подобный опыт. В 1845 г. он — действительный член Общества истории и древностей российских, с 1847 г. — *библиотекарь* Общества (должность общественная, но почетная). Им Ундольский был до своей кончины. В эти годы он публикует библиографические памятники «Оглавления книг, кто их сложил» и «Опись книгам, поступившим в 1675 г.

в Патриаршую ризную казну, составленная справщиком монахом Евфимием»; «Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А.И. Кастерина» (часть тиража была выпущена в миниатюрном формате). После перехода в Московский архив Министерства юстиции, Ундольский (не профессиональный музыкант, а библиофил), одним из первых заговоривший о забытом древнерусском пении, создает подробное описание рукописей Синодальной библиотеки, готовит к печати труд епископа Дамаскина (Семенова-Руднева, 1737 — 1795) «Библиотека Российская, имеющая сведения о всех книгах в России с начала типографий на свет вышедших», но эту работу он завершить не успел. В архиве В.М. Ундольского находится и «Агиологон, или Указатель житий и творений святых греко-российской церкви, похвальных им слов, известных и неизвестных сочинителей греческих и русских»; библиографический словарь русских писателей, переводчиков и ученых и другие работы.

Самым главным трудом Ундольского, которым он занимался всю жизнь, стала ретроспективная библиография славянских книг на кириллице. Его «Очерк славяно-русской библиографии» вышел уже после смерти — в 1871 г., при доработке А.Е. Викторова, основателя отдела рукописей Румянцевского музея. Каталог содержит сведения о 4705 книгах XV — первой пол. XIX в. До сих пор он остается самым полным и авторитетным библиографическим указателем кириллической печати.

Сейчас часть личной библиотеки Ундольского (1,5 тысячи рукописных славянских и древнерусских и около 900 старопечатных книг) находится в Российской государственной библиотеке, часть печатных книг рассеяна по частным коллекциям. «Я хотел собирать памятники говорящие, — писал Ундольский, — если книга представляет новый факт для развития истории просвещения России или вообще в славянском мире». И если книги не было ни в одном из известных ему книгохранилищ, Ундольский не жалел ни времени, ни денег, ни сил на ее приобретение. В его коллекции есть «Библейские книги», которые предположительно составлены в конце XV в. И. Черным — представителем новгородско-московской ереси; переписка троцкого игумена Артемия, по ходатайству которого Максим Грек был вызван из ссылки и окончил свои дни в Троице-Сергиевой Лавре (кстати, по некоторым сведениям, Артемий также был инициатором печатания книг на Руси). Кроме того, в собрании Ундольского — хронографы, летописи, истори-

ческие сочинения, «Святцы с Пасхалий» (ксилография XVII в.), Аннинская Библия, издания И. Федорова, экземпляр Острожской Библии (1581 г.) с 18 листами, напечатанными мелким шрифтом. В.М. Ундольский — первый коллекционер миниатюрных книжных изданий.

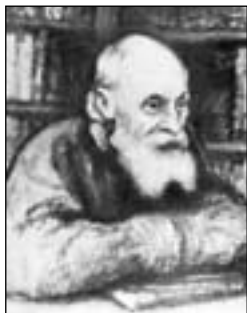
Ученый выполнял многочисленные библиографические справки, вел научную переписку с историками С.М. Соловьевым и К.Д. Кавелиным, археологом П.М. Строевым.

В.М. Ундольский был удостоен Демидовской премии за «Исследование о церковно-славянских хронографах. О временнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи». Необыкновенно цельная личность, библиотекарь, библиофил и, главное, библиограф, В.М. Ундольский сохранил целый пласт древнерусских памятников, образцов допетровской «беллетристики», в то время уже исчезающих.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Немировский Е.Л. Вукол Михайлович Ундольский (1816 — 1864) // Книжное дело. — 1995. — № 4. — С. 73 — 77.
2. Зленко Г.Д. Когда и где родился В.М. Ундольский // Библиография. — 1995. — № 1. — С. 69 — 70.
3. Шикман А. Подвижник науки // Библиотекарь. — 1984. — № 10. — С. 53 — 54.
4. Шикман А. Вукол Михайлович Ундольский // Советская библиография. — 1984. — № 3. — С. 51 — 60.

Ф



Николай Федорович ФЕДОРОВ (1828—1903)

— сложный и противоречивый мыслитель-утопист, дружить с которым почитали за честь Ф.М. Достоевский, А.А. Фет, В.С. Соловьев, В.Я. Брюсов, А.М. Горький... Л.Н. Толстой о нем сказал: «Я горжусь, что живу в

одно время с таким человеком». Н.Ф. Федоров четверть века (с 1874 по 1898 г.) прослужил «дежурным чиновником при читальном зале *Московского Публичного и Румянцевского Музеев*».

Скромный коллежский ассессор Федоров обладал феноменальной памятью, мог рассказать о любой книге библиотеки. На работу он приходил за 1,5 — 2 часа раньше положенного времени, подбирал заказанные книги, часто добавляя по собственному усмотрению те, которые читатель и не просил, т.к. и не подозревал об их существовании. Если нужной книги не оказывалось в библиотеке, то рекомендовал, где ее можно найти. Любому посетителю он мог дать справку по интересующему его вопросу, подсказать нужную литературу. Работа тогда заканчивалась в 3 часа дня. Но еще час-два он оставался с некоторыми своими знакомыми и читателями, беседуя на самые разные темы. «...Многие ученые ему обязаны за его указания, и скромная библиотека Румянцевского музея долгие годы была какою-то лабораторией мысли, служила умственным центром Москвы, куда тянулись люди, имена которых широко прославлены», — писал в своей статье публицист Ю. Бартенева¹.

Н.Ф. Федоров руководил самообразованием К.Э. Циолковского еще в Чертковской библиотеке, до его службы в Румянцевском музее: Константин Эдуардович вспоминал: «Он давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федо-

¹ Написал статью «Памяти Н.Ф. Федорова» // Русский архив. — 1904. — № 1. Сын П.И. Бартенева, редактора «Русского архива».

ров, друг Толстого, изумительный философ и скромник. Федоров раздавал все свое крохотное жалованье беднякам. Теперь я понимаю, что и меня он хотел сделать своим пенсионером».

Его аскетизм поражал многих. Л. Толстой записал в своем дневнике 1881 г.: «Николай Федорович — святой... Каморка. Нет жалованья. Нет белья, нет постели». Скромность Федорова шла от его убеждений, он не любил шумихи вокруг своего имени. Однако культурная Москва знала его так хорошо, что фамилию можно было не упоминать: все некрологи в 1903 г. вышли с заголовками «Умер Николай Федорович...», «Памяти Николая Федоровича...».

Незаконнорожденный сын князя П.И. Гагарина и некоей дворянской девицы Елизаветы, он в 1849 г. окончил Тамбовскую гимназию, учился в Ришельевском лицее в Одессе, но своим энциклопедическим знаниям в самых разных областях жизни, науки и искусства, знанием основных европейских и некоторых восточных языков Федоров обязан самому себе.

Он первым составил систематический каталог книг Румянцевского музея, предложил наладить международный книгообмен. А.А. Гинкен в своей статье «*Идеальный библиотекарь*» назвал Федорова «героем и подвижником в области книговедения». Книгу он понимал как восстановление прошлого и воссоединение его с настоящим и будущим. А библиотеку понимал как средоточие знания, поэтому все «библиотеки должны быть не только хранилищами книг, не должны служить для забавы, для легкого чтения, они должны быть центрами исследования, которое обязательно для всякого разумного существа». О библиографии он высказывался так: «Это сухая, презираемая наука, и тем не менее ведущая в с е х к участию в самом труде знания, а не бесплодному лишь знакомству с его верхушками». Библиотечную карточку Федоров предлагал писать автору книги и превратить ее в сжатое изложение содержания. Материал карточки должен был быть пожароустойчив и не подвержен тлению. Собрание личных библиотек Федоров признавал только в том случае, если библиотеку предполагалось затем передать в общественное хранилище. Всем владельцам частных библиотек он предлагал объединить свои картотеки и поместить в общедоступном месте. При необходимости любой желающий мог бы заказать книгу в специально оборудованный для этого читальный зал. Так Федоровым предполагалось объединить все библиотеки мира.

Замечательному московскому библиотекарю было поручено составлять списки литературы для закупки Румянцевским музеем

книг за границей. Как вспоминали его друзья, этими списками пользовались и научные библиотеки других стран — так они были точны в определении самого нужного из вновь вышедшего.

Федоров считал: раз церковь поминает, прославляет своих тружеников, то и библиотекари должны помнить авторов книг, поминая, изучая книги тех, кто умер в этот день. Он предлагал организовать работу библиотеки *календарным порядком*, ввести еще один отдел — *выставочный*. Именно в нем должны быть представлены в этот день книги умершего автора, его бюст, библиография его работ и т.д. Он предлагал библиографам составить *каталоги в календарном порядке*, по дням кончины писателей, выпускать словари, включающие всех писавших, в газетах печатать «прославления умершим писателям, приглашения к их изучению». А изучать — по Федорову — «не корить и не хвалить, а восстанавливать жизнь». *Нравственный смысл библиотеки* философ понимал так: «Библиотека была и должна быть не просто собранием книг, а памятником, сооруженным предкам, в котором книги суть души писателей, а бюсты — их тела... Если хранилище сравнить с могилою, то чтение, или точнее исследование, будет выводом из могилы, а выставка как бы воскресением».

В последние тридцать лет своей жизни Николай Федорович неоднократно принимался за изложение своих взглядов и идей по разным вопросам. Результатом этого стали три тома «Философии общего дела». Философ С.А. Левицкий писал о Федорове, что тот



скептически относился к теоретической философии и хотел знать «единое на потребу» — понять главный, потерянный ныне смысл жизни и найти путь к деятельному осуществлению этого смысла. Потерянным смыслом жизни Федоров считал восстанов-

*Н.Ф. Федоров,
В.С. Соловьев
и Л.Н. Толстой. Рисунок
Л.О. Пастернака.*

ление братства на земле. И не только по отношению к живым, но и к мертвым. Поэтому главная его идея — всеобщее физическое воскрешение наших предков. Философия, писал Федоров, не должна быть только знанием того, что есть, но должна быть знанием и того, что будет — «проектом всеобщего дела». Он был как против субъективности (приводящей к равнодушию человека к истине), так и против объективности (которая ведет к отвлеченной истине, равнодушной к судьбам человека). И предложил «проективность» — целеустремленность к будущему в интересах всего человечества. По мысли Федорова, сама природа ищет в человеке не только своего исследователя, но и «хозяина», т.к. природу из-за своего несовершенства еще «нельзя в строгом смысле даже признать произведением Бога, ибо в ней предназначения Творца частью еще не выполнены, частью даже искажены». И Федоров ставит перед человечеством грандиозную задачу: спасение Земли и всей Вселенной. Братские отношения Федоров понимал не только по отношению к живущим, но и к умершим: «Тот недостоин жизни и свободы, кто не возвратил жизнь тем, от коих ее получил». Каким методом он предлагал это осуществить — не ясно.

Как бы ни оценивали сейчас его учение, думается, очень верны слова летчика-космонавта В. Севастьянова о Федорове: *гениальный учитель добра и гуманизма.*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федоров Н.Ф. Сочинения / Общ. ред.: А.А. Гулыга; Вступ. статья, примеч. и сост. С.Г. Семеновой. — М.: Мысль, 1982. — 711 с.
2. Борисов В. «Идеальный» библиотекарь // Альманах библиофила. Вып. 6. — М.: Книга, 1979. — С. 201 — 206.
3. Юрченко И. «Загадочный старик»: Легенды и факты об одном из подвижников русской культуры // Советская Россия. — 1982. — 6 июня.
4. Левицкий С.А. Н.Ф. Федоров // Очерки по истории русской философии. — В 2 т. — М.: Канон, 1996. — Т. 2. — С. 172 — 175.
5. Семенова С. Николай Федоров: творчество жизни. — М.: Советский писатель, 1980.

Х



Любовь Борисовна ХАВКИНА (1871—1949)

Все, кто приходит работать в библиотеку, сталкиваются с «*Таблицами*» Хавкиной. А так как шифр на библиотечном документе — все-голова, сразу понимают, что Хавкина в библиотековедении — тоже «все-голова»! Действительно, с ее именем связаны основные этапы в отечественном *библиотековедении* — организация первого в России Национального отдела библиотековедения (Харьков, 1903); первый в России проект библиотечного образования (1904); создание первых университетских пособий о проблемах библиотечного дела в России и за рубежом («Библиотеки, их организация и техника», 1904; «Руководство для небольших библиотек», 1911); создание Библиотечных курсов в Москве в 1913 г., при Народном университете А.Л. Шанявского (их окончит более 1000 человек); создание и руководство первым в СССР научно-исследовательским кабинетом библиотековедения (1920 — 1928 гг.). Л.Б. Хавкина — автор научно-популярных работ, статей, рассказов, она — переводчик художественной литературы с 6 языков. В списке ее трудов — более 500 книг и статей. За работу «Сводные каталоги» ей присвоили звание доктора педагогических наук. Двадцать лет она проработала в Харьковской общественной библиотеке — от рядового *библиотекаря* до научного сотрудника. Затем окончила филологический факультет Берлинского университета. Изучала библиотечное дело в Германии, Франции, США, Великобритании и других странах. В России ее частенько обвиняли в аполитичности, в переоценке зарубежного опыта (в США, например, писала она, нет давления на читателя, там библиотеки беспартийны), на ней до смерти было клеймо «буржуазный библиотекарь». Но чем больше узнаешь про нее, тем ее образ становится все симпатичнее. В своей работе «Книга и библиотека» (1918 г.) Хавкина пишет: «Библиотека должна закладывать фундамент об-

щечеловеческой культуры. Поэтому влияние государственной политики умалчивает ее задачу, суживает ее работу, придает ее деятельности тенденциозный и односторонний характер».

В 1900 г. Л.Б. Хавкина посетила павильон США на Всемирной выставке в Париже, познакомилась там с деятельностью Американской библиотечной ассоциации, одним из основателей которой был М. Дьюи. С тех пор она стала активной сторонницей идей Дьюи. В 1902 г. при Харьковской общественной библиотеке ею был организован первый в России нотно-музыкальный отдел, в 1903 г. — первый отдел библиотековедения и библиотечный музей. Хавкина требовала научного подхода к решению теории и практики библиотечного дела. По ее инициативе была создана первая русская государственная инструкция по описанию произведений печати и организации алфавитного каталога. Позже на ее основе составлялись печатные карточки для научных библиотек (к их изданию приступили в 1927 г.), а затем были разработаны «Единые правила описания произведений печати». Л.Б. Хавкина много сил отдала делу подготовки библиотечных кадров (к этому ее подтолкнул опыт М. Дьюи по организации библиотечного образования в США), много сделала для признания библиотечной профессии как самостоятельной области деятельности, для образования Русского библиотечного общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Григорьев Ю.В. Л.Б. Хавкина. — М.: Книга, 1973.
2. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России. Ч. 1: Уч.-метод. пособие. — М.: Изд-во «Либерия», 2000. — С. 144 — 145.
3. Л.Б. Хавкина о встречах с М. Дьюи: / Сост. А.В. Рычков // Библиотековедение и библиография за рубежом. — 1994. — Сб. 137. — С. 85 — 93.

Ц



Иван Владимирович ЦВЕТАЕВ (1847—1913)

— европейской известности филолог, археолог, основатель и первый директор Музея изящных искусств (ныне — Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), *директор Румянцевского музея* в 1901 —

1910 гг. Отец А.И. и М.И. Цветаевых.

Сын бедного священника села Талицы Шуйского уезда Владимирской губернии, изучавший за лучиной латынь и греческий, Иван Владимирович окончил Петербургский университет (1870 г.) и историко-филологический факультет Московского университета (1872 г.). От Киевского университета двадцатипятилетний филолог был в командировке в Риме. Возможно, там у него зародилась мечта создать музей скульптуры на родине, в России — чтобы все учащиеся своими глазами могли взглянуть на мировые шедевры. В тридцать лет он — профессор Московского университета, в сорок — почетный член Болонского университета.

С 1882 г. И.В. Цветаев служил в Румянцевском музее — заведующим граверным отделением, хранителем отделения изящных искусств и классических древностей. Там он составил большой каталог гравюр, издал каталоги некоторых коллекций музея. По его инициативе был начат сбор частных пожертвований на приобретение музейных коллекций и строительство зданий музея.

В 1910 г. тогдашний министр народного просвещения (и сослуживец Цветаева по Московскому университету) А.Н. Шварц передал на него обвинение в служебном нерадении в уголовный суд Правительствующего Сената. Обвинение было связано с кражей в Гравюрном отделении Румянцевского музея. Вора быстро отыскали, Цветаев нашел у того почти все украденные гравюры, обвиненного в халатности хранителя суд оправдал. Но ревизии в Румянцевском музее следовали одна за другой. Некомпетентные ре-

визоры представили начальству не соответствующие действительности доклады. Например, указывалось, что в гравюрном отделении учет не налажен и нет даже каталога. Недостовверными были их отчеты и по Нумизматическому кабинету, о гипсовых слепках и др. Министр удалил И.В. Цветаева от должности.

Однако обвинительные документы не убедили Правительствующий Сенат. Министру предложили провести дополнительную ревизию Музея. Снятие тайного советника Цветаева с должности и назначение над ним судебного следствия не было поддержано, что видно из Постановления Сената от 17 декабря 1909 г. и его Указа от 15 марта 1910 г.

Но министр не сдавался — послал третий рапорт в Сенат о профессиональной непригодности И.В. Цветаева к должности директора Музея и вновь предложил его уволить. Сенат из-за отсутствия доказательств опять ответил отказом.

В свою очередь, обвиняемый написал и предоставил в Сенат для своей защиты книгу «Московский Публичный и Румянцевский Музеи. Спорные вопросы. Опыт самозащиты И. Цветаева, быв. директора сих Музеев» (М.; Дрезден, 1910). Дело Цветаева, наконец, было прекращено.

А в 1913 г. он был избран почетным членом Румянцевского музея. Но тогда он, человек с неукротимой энергией и творческим умом, уже занимался другим своим любимым детищем — Музеем изящных искусств, который носил имя Александра III.

Вот рассказ Марины Цветаевой о происхождении музея: «Звонили колокола по скончавшемуся императору Александру III, и в то же время отходила одна московская старушка. И, слушая колокола, сказала: "Хочу, чтобы оставшееся после меня состояние пошло на богоугодное заведение памяти почившего государя". Состояние было небольшое: всего только двадцать тысяч. С этих-то двадцати старушкиных тысяч и начался музей». С огромным трудом Иван Владимирович получил в центре Москвы земельный участок и привлек частные средства на строительство. Крупный хрустализаводчик Ю.С. Нечаев-Мальцев стал главным жертвователем музея — его физическим создателем, как пишет М. Цветаева, ее отец — духовным. Архитектором музея стал Роман Иванович Клейн (1858 — 1924 гг.), чей проект выиграл конкурс. Нечаев-Мальцев на музей дал три миллиона, Николай II — триста тысяч. «Музей Александра III есть четырнадцатилетний бессребренный труд моего отца и три мальцевских, таких же бессребренных миллиона», — это слова Марины Цветаевой, на глазах которой возводился музей.

Действительный член Петербургской Академии художеств, профессор Московского, Варшавского и Киевского университетов, Цветаев — известный автор трудов по античной филологии, изучению италийских языков, искусству и культуре древних народов. Десять лет он отдал Румянцевскому музею, но имя его навсегда связано все-таки с Музеем изящных искусств (именно так он назывался до 1932 г.).

Музей находился в ведении Московского университета. Его собрание составляли слепки со скульптурных произведений классических эпох, фрагментов архитектурных сооружений. Кроме того, к моменту открытия имелась коллекция древнеегипетских памятников, приобретенная у знаменитого египтолога В.С. Голенищева, и небольшое собрание итальянской живописи. В 1924 г. в Музей изящных искусств было передано собрание западноевропейской живописи из Румянцевского музея (более 500 картин), небольшая, но очень ценная коллекция Д.А. Хомякова, рисунки, гравюры, монеты, медали и литература по искусству. Таким образом, Московский Публичный и Румянцевский музеи и Музей изящных искусств «породнились» не только общим директором — И.В. Цветаевым, но и частью фондов.

В день открытия музея (1912 г.) некая поклонница-итальянка преподнесла Цветаеву лавровый венок со словами: «От лица моей родины... Здесь не умеют чтить великих людей... Иван Владимирович, вы сделали великое дело!».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коваль Л. Господин директор // Библиотека. — 1992. — № 7. — С. 25.
2. Цветаева М. Музей Александра III // Господин мой — время. — М.: Вагриус, 2003. — С. 94 — 101.
3. Цветаева М. Лавровый венок: Памяти проф. И.В. Цветаева // Господин мой — время. — М.: Вагриус, 2003. — С. 102 — 107.
4. Леонов В.П. Судьба библиотеки в России: Роман-исследование. — СПб., 2000. — С. 238 — 242.
5. БСЭ. Т. 28. — Стб. 1320.
6. Сотрудники Российской государственной библиотеки: Библиографический словарь = Московский публичный и Румянцевский музеи: 1862 — 1917. — М.: Пашков Дом, 2003. — С. 169 — 173.
7. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина: Альбом / Вступ. ст. дир. муз. И.А. Антоновой. — М., 1981.

Харитон Андреевич ЧЕБОТАРЕВ (1746—1815)

— первый избранный ректор Московского университета, оканчивается, тоже был *библиотекарем*. До этого были назначаемые директора, но — тоже *библиотекари*-профессора: А.А. Тейльс (1757 — 1761), И.Т. Рейхель (1761 — 1778).

Х.А. Чеботарев окончил философский факультет этого университета и с 1766 г., будучи на последнем курсе, начал помогать в библиотеке — стал хранителем фондов. После окончания учебы его оставили преподавать, но работу в библиотеке он не бросал: в 1775 — 1778 гг. — Чеботарев уже суббиблиотекарь, в 1778 — 1808 гг. — библиотекарь и заведующий (имея звание ординарного профессора). Ко времени его избрания ректором имел 37 лет стажа библиотечной работы и оставался библиотекарем еще три года после ухода с поста ректора. В библиотеке Чеботарев не просто выдавал книги, но старался и руководить чтением студентов. Так, он написал работу «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению» (1779 г.) — советы для учащихся. Там он рекомендовал подбирать книги по определенной теме, последовательно их прочитывать по степени трудности (начиная с краткого обзора наук, постепенно повторяя до тех пор, пока не узнаешь «всего расположения той науки, в которой упражняться намерен»). Сторонник воспитания планового чтения, он советовал, как прочитывать отдельную книгу (читать оглавление, предисловие, делать выписки, анализировать прочитанное, сравнивать с другими источниками).

Х.А. Чеботарев написал первый учебник с элементами *библиографии* — перевел «Введение в историю» И. Фрейера (1769 г.). Там он изменил авторское название на «Краткая всеобщая история» и, поскольку в учебнике не было раздела о русской истории, дополнил его «Кратким российским летописцем» М.В. Ломоносова и собственным предисловием, где выразил свои взгляды на преподавание истории. Предисловие содержало критический библио-

графический обзор существующих пособий по истории, трудов, на которые в учебнике есть ссылки. В конце книги Чеботарев поместил предметный указатель. Написал он и учебник по географии.

Х.А. Чеботарев — инициатор преподавания в гимназиях истории и географии России. Он редактировал газету «Московские ведомости», основал «Общество истории и древностей российских» и был первым его председателем. Кроме того, в 1787 г. вышла его книга «История и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами». Чеботарев — первый секретарь первого из научных обществ, возникших при университете, — «Вольного российского собрания»; первый заслуженный профессор Московского университета.

Выполняя многочисленные поручения Екатерины II, он в конце концов получил от нее предложение стать ее библиотекарем, но отказался. По своим политическим взглядам он был сторонником самодержавия и православия, и — как многие в то время — масон.



Здание у Воскресных ворот, в котором находилась университетская библиотека в XVIII в. Вид с Красной площади. Акварельный рисунок 1781 г.

Современники отмечали такие его качества, как честность, простоту и добродушие. На эпитафии его написано: «Ум его и жизнь принадлежат современникам и потомкам».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Григорьев Ю.В. Харитон Андреевич Чеботарев (1746 — 1815) // Ю.В. Григорьев и развитие советского библиотековедения: Сб. науч. тр. — Вып. 78. — М.: МГИК, 1987. — С. 75 — 78.
2. Вулисанова Г. «Ум его и жизнь принадлежит потомкам» // Библиотека. — 1999. — № 7. — С. 65 — 67.
3. Вулисанова Г. Первый московский ректор: ученый и библиограф // Мир библиографии. — 1998. — № 6. — С. 62 — 65.
4. Пенчко Н.А. Библиотека Московского университета с основания до 1812 года. — М., 1969.

Ш

Иоганн-Даниил ШУМАХЕР (1690—1761)

Его можно назвать *первым профессиональным отечественным библиотекарем по должности*. До этого было «звание библиотекарь» — очень почетное, дававшееся по особому распоряжению. Владевший таким званием признавался как грамотный, приобретенный к искусству собирания книг и их хранения, человек. А книги тогда были дороги. Кроме того, библиотечной работой в те времена занимались (по совместительству) церковнослужители.

Немец Шумахер был родом из Эльзаса, который в то время принадлежал Франции. Окончил философский факультет Страсбургского университета. В 1714 г. его пригласили на службу в Россию, где он был вначале секретарем Медицинской канцелярии, под началом у Р. Арескина, одного из сподвижников Петра I. В это же время на основе коллекции книг, собранных в Летнем дворце в Санкт-Петербурге, было решено создать библиотеку, а затем вокруг нее — и Академию наук.

Создавать библиотеку в конечном итоге поручили И.-Д. Шумахеру. Книги привозились отовсюду — из Германии, Польши, Финляндии, из завоеванных в ходе Северной войны провинций. Десять лет собиралась библиотека. Расторопного, деятельного Шумахера Петр I отправил за границу. Одним из его поручений было — познакомиться с устройством библиотек в разных странах и купить нужные для России книги. В 1724 г. была открыта Академия наук, и Шумахер был назначен в ней библиотекарем. Он был, по сути дела, вторым лицом после Президента академии. Непосредственно под началом у Шумахера были унтербиблиотекарь, т.е. помощник при библиотекаре, переводчики с немецкого на русский и с русского на немецкий. Од-



нако при отъезде президента все обязанности исполнял И.-Д. Шумахер, будучи, к тому же, начальником академической канцелярии.

В обязанности Шумахера как библиотекаря входило «книги, в прошлом году купленные, переплести, а какие ныне по академии потребны имеют быть, покупать надлежит». И с этими обязанностями Шумахер справлялся хорошо. По сути дела, им была создана библиотека нового типа: она была публичной, имела достаточно полный фонд из научных книг универсального содержания, систематическую расстановку, подробный каталог. Под руководством Шумахера в 1741 — 1742 г. каталог Академической библиотеки был издан в 4 частях. Кроме того, из-за границы он привез десятки каталогов различных библиотек (Римского кесаря, Берлинской, Оксфордской, Кембриджской и др.). Современники-европейцы высоко оценивали и содержание библиотеки, и порядки в ней. Хороший организатор, Шумахер придавал большое значение и интерьеру библиотеки, удобству работы. Одним из приемов пополнения фонда он считал обмен дублетных книг. Изучал различные способы расстановки книг, придя к выводу, что в Академии наук надлежит использовать формальный способ, «дабы красота, которая в публичной библиотеке требуется, не утратилась». К работе в библиотеке Шумахер привлекал умных и талантливых людей (А.И. Богданов, И.Ф. Брем). Именно благодаря знакомству с В.Н. Татищевым последний передал некоторые свои книги в фонд библиотеки. Однако в должности начальника академической канцелярии Шумахер действительно проявил себя самовластным бюрократом. В 1742 г. его отстранили от должности и даже посадили под домашний арест, но потом все-таки вернули в Академию. В 1745 г. Шумахеру предъявили претензии как к библиотекарю. С 1757 г. М.В. Ломоносов, которого включили в состав канцелярии, вел безуспешную борьбу с Шумахером, но лишь в 1759 г. тот «отошел от дел».

Думается, что характеристику И.-Д. Шумахеру как *библиотекаря* надо пересмотреть и признать, наконец, что он прекрасно справлялся со своими обязанностями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Столяров Ю.Н. Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер. (К 300-летию со дня рождения) [1990] // Столяров Ю.Н. Избранное. 1960 — 2000 годы / Рос. гос. б-ка. — М.: Пашков дом, 2001. — С. 473 — 491.
2. Леонов В.П. Судьба библиотеки в России: Роман-исследование. — СПб., 2000. — С. 125 — 221.

Э



ЭРАТОСФЕН (275—195 гг. до н.э.)

Эратосфен из Кирен, ученик Каллимаха (создателя «Таблиц тех, кто прославился во всех областях знания, и того, что они написали, в 120 книгах») сорок лет *руководил Александрийской*

библиотекой. В 235 г. до н.э. Эратосфен возглавил библиотеку, сменив на этом посту поэта Аполлония Родосского.

Стремясь быть полезным читателям библиотеки, которые интересовались географией, Эратосфен изучил эту науку настолько, что стал знаменитым географом и написал труд «Землеописание». Там он впервые вычислил протяженность экватора, ввел термин «география», составил карту мира. По совету своего учителя и философа Лисания, Эратосфен двадцатилетним юношей отправился учиться из Кирен в Афины. Двадцать лет он изучал философию, литературу, естествознание, писал трактаты, много путешествовал. Эратосфен использовал в своих трудах многочисленные записки путешественников, много цитировал из книг, хранящихся в фонде. В тех книгах было упоминание об огромном острове Британия, об Индии... В Александрийской библиотеке



*Эратосфен
проводит наблюдения для
определения размеров Земли*

было и большое собрание географических карт. Эратосфен их изучил, учел ошибки и составил первую карту мира с учетом шарообразной формы Земли.

Эратосфен был и замечательным историком. Он составил календарь, который известен как «юлианский» — в честь Юлия Цезаря. Занимаясь хронологией, он предложил собственную датировку Троянской войны (1184 г. до н.э.). Эратосфен был еще и астрономом, и математиком, и поэтом, и филологом.

С годами он потерял зрение — и всех должностей его лишили. Вероятно, впав в депрессию, Эратосфен отказался от пищи. Так трагически закончилась жизнь гениального ученого и замечательного библиотекаря.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глухов А.Г. Судьбы древних библиотек. — М.: Изд-во «Либерия», 1992. — С. 35 — 36.
2. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом: Учебник. М.: Книга, 1982. — С.15.

Ю

Давид Юм (1711—1776)



— замечательный мыслитель, философ (субъективный идеалист и агностик, один из представителей позитивизма и прагматизма), психолог, историк и экономист, тоже был *библиотекарем*.

Юм вырос в семье небогатого помещика из Шотландии. Отец его рано умер, и Давида вместе с двумя сестрами воспитывала умная, добрая и проникательная мать. В 12 лет мальчик поступил в греческий класс Эдинбургского университета и через три года его окончил. Юм был очень целеустремленным человеком, много читал, размышляя над образами добродетели, собранными в произведениях Цицерона, Сенеки, Плутарха. Старался укрепить свой дух размышлениями о смерти, о бедности, о бесчестии... Уже в 16 лет в письмах он высказывал мысли, которые позже претворились в его книги. Интерес у него всегда был один — философия, усовершенствование его литературных способностей. К красоте природы, искусству он был равнодушен. Свою знаменитую работу — «Трактат о человеческой природе» он написал в возрасте от 21 до 26 лет. В течение года Юм был воспитателем богатого юного маркиза, слабого умственно и физически, но жалованья ему не заплатили. Он подал в суд, не из-за мизерного жалованья, а из чувства законности и справедливости. Ему необходимо было отстоять свои права. Процесс длился с 1747 по 1761 г. — Юм его выиграл. Прослужив около двух лет секретарем и юрисконсультom у генерала Сен-Клер, Юм путешествует с ним (в Канаду, Голландию, в Тироль, по Рейну, в Италию), пишет «Философские опыты о человеческом уме» («Исследования о человеческом уме»). Смерть матери прервала его поездки. В Эдинбурге и в Глазго его «провалили» на должность профессора (как атеиста и скептика).

В 1752 г. Общество Эдинбургских адвокатов избрало Юма своим *библиотекарем* (в фонде библиотеки было 30 тыс. томов). Избрало громадным большинством. Звание было охотно Юмом принято, но недоброжелатели злословили, обвиняя его в корысти. Юм опроверг это обвинение, пожертвовав все свое жалованье в пользу слепорожденного поэта Блеклока. Став библиотекарем, Юм начал писать свою «Историю Великобритании», над которой работал 11 лет.

Цель Юма, которую он всегда ставил перед собой — это искоренение предубеждений, предвзятых мнений, суеверий — всего того, чем омрачается здравый смысл и тормозится развитие мысли.

В 1757 г. он написал письмо декану Общества Эдинбургских адвокатов. Суть письма сводилась к тому, что должность библиотекаря не настолько соответствует его привычкам и вкусам, чтобы он мог оставаться на ней; притом она доставила ему если не врагов, то противников в обществе адвокатов.

Сердечный и высоконравственный человек, он имел замечательных друзей. Со школьных лет он дружил с Адамом Смитом. Добродушный, рассудительный, честный — таким его видели окружающие. Так, на его построенном доме вначале безымянной еще улицы, некая барышня начертала: ул. Св. Давида. В автобиографии Юм написал: «Почти вся жизнь прошла в научных трудах и занятиях».

ЛИТЕРАТУРА:

1. БСЭ. Т. 49. — М., 1955. — С. 391 — 393.
2. Сабинина М.В. Давид Юм. Его жизнь и философская деятельность.
3. Биографический очерк. — СПб., 1893 // Дэвид Юм. Кант. Гегель. Шопенгауэр.
4. Огюст Конт. — СПб.: «ЛИО Редактор» и др., 1998. — С. 7 — 68.

Я



Ярослав МУДРЫЙ (ок. 978—1054)

Киевский князь, сын Владимира Красное Солнышко, или Владимира Святого, родился около 978 г. с врожденной хромотой. Его мать, полоцкая княжна Рогнеда, с четырех лет приставила к нему учителей (греческих, болгарских, варяжских и даже латинских). Мальчик стал много времени проводить с

книгами, полюбил читать.

Встав во главе государства, Ярослав продолжал дело отца: страна развивалась, строилась, расширялась торговля, создавались школы. Русские имели тогда почти такие же законы, что и Запад («Русская Правда» напоминала скандинавское законодательство). Древняя Русь встала вровень со всеми цивилизованными государствами. Столица тогдашней Руси — Киев — достигла наивысшей степени расцвета, Ярослав хотел сделать из него соперника Константинополю: со своим Софийским собором и Золотыми воротами. В Киеве был построен роскошный храм Софии, где принимались иностранные послы, там же велось летописание и хранилась первая *библиотека*.

В «Повести временных лет», в главе, начинающейся словами «В год 6545 (1037)» читаем: «Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил же и церковь святой Софии, ..., и любил Ярослав церковные уставы... и книги любил, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество...» Далее летописец рассуждает о пользе книг, пользе чтения. А потом пишет: «Ярослав же... любил *книги* и, много их написав, *положил в церкви святой Софии*, которую создал сам». Некоторые исследователи считают именно эти слова свидетельством того, что Ярослав Мудрый организовал на Руси первую *государственную библиотеку*. В ней писцы не только копировали и переводили с

разных языков, но и составляли так называемые «изборники» — из разных зарубежных книг переписывали отрывки; писали и собственные, оригинальные сочинения (публицистические и литературные). Книгописная мастерская должна была быть не маленькой, над книгой трудились не только переписчики и переводчики, но и переплетчики, редакторы, художники, ювелиры, мастера по выделке пергамента.

Из книг, переписанных в то время, сохранилась кирилловская часть Реймского евангелия. Его привезла во Францию в 1049 г. Анна, дочь Ярослава Мудрого, вышедшая замуж за Генриха I. Никаких описей, каталогов или же просто списка книг, хранившихся в библиотеке, до сих пор не найдено. Судить о составе фонда можно только косвенно по двум Изборникам, которые составил диакон Иоанн для сына Ярослава Мудрого, черниговского князя. У Л.В. Черепнина можно прочесть, что «Изборник Святослава» 1073 г. первоначально был переведен с греческого по повелению болгарского царя Симеона, имя которого было соскоблено, и вписано имя русского князя Святослава. «Изборник» 1076 г. — это русское подражание первому Изборнику, состоит из рассуждений на моральные темы и создано специально для рядовых мирян.

В библиотеке должны были быть евангельские и апостольские источники: поучения, пророческие беседы, жития святых, а также хроники, исторические повести, некоторые славянские сочи-



Книгописная мастерская Ярослава Мудрого. Миниатюра из Радзивилловской летописи.

нения, например, «Слово некоего калугера (монаха) о четьи книг», сборники изречений, философские и юридические трактаты, естественнонаучные сочинения. Считается, что именно в библиотеке Ярослава Мудрого были разработаны основы сборника законов «Русская правда», «Церковный устав», было продолжено составление летописных сводов, а также был создан первый русский «Хронограф по великому изложению» (т.е. по всемирной истории), составленный по византийским хроникам Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, которое он читал в торжественной обстановке перед Ярославом Мудрым и его семьей, несомненно тоже имелось в библиотеке. Кроме того, предположительно о репертуаре библиотеки можно судить и по перечню «истинных» и «ложных» книг. Вероятнее всего, что все 90 запрещенных тогда книг действительно имели хождение на Руси во второй пол. XI века, а «истинные» — входили в фонд библиотеки Ярослава Мудрого.

Что стало в дальнейшем с библиотекой — неизвестно, но нет и никаких свидетельств ее уничтожения.



К сожалению, ни одной книги из киевского Софийского собора пока не обнаружено. Поэтому правомерно и другое мнение, например М.И. Слуховского, который подвергал сомнению не только объем и состав книжной коллекции Ярослава Мудрого, но и сомневался, можно ли употреблять слово «библиотека» по отношению к тому собра-

*Княжеская семья.
Святослав Ярославич
с книгой в руках.
Изборник Святослава*

нию книг. Но как определить, сколько нужно книг, чтобы назвать их *библиотекой*? Десять (для богослужения надо — минимум семь)? Двадцать? Пятьдесят? Сто? И сколько книжников необходимо усадить за работу?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глухов А.Г. Мудрые книжники Древней Руси: От Ярослава Мудрого до Ивана Федорова. — М.: Экслибрис-Пресс, 1997. — С. 5 — 19.
2. Глухов А.Г. Судьбы древних библиотек. — М.: Изд-во «Либерия», 1992. — С.119 — 129.
3. Пламенное слово: Проза и поэзия Древней Руси / Сост.: В.В. Кусков, С.С. Жемайтис. — М.: Моск. рабочий, 1978. — С. 87 — 88.
4. Древняя русская литература: Хрестоматия / Сост. Н.И. Прокофьев. — М.: Просвещение, 1980. — С. 6 — 7.
5. Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. — М., 1947.
6. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. I. — М.: Изд-во «Книжная Палата», 1955. — С. 275 — 277.
7. Слуховский М.И. Библиотечное дело в России до XVIII века: Из истории книжного просвещения. — М.: Книга, 1968. — С. 47 — 53.

ПОЧЕМУ ПУШКИН НЕ СТАЛ БИБЛИОТЕКАРЕМ?

Итак, дорогие читатели, вы закрыли последнюю страницу этой книги и убедились, как много в библиотечной профессии удивительных личностей, каждая со своей неповторимой судьбой.

Но важно знать, что не каждому из тех, кто мог бы быть библиотекарем, судьба предоставила такую возможность. Поведаем в заключении об одной из таких личностей.

Меня давно занимал вопрос, почему Пушкин не занимал почетнейшей в его время должности библиотекаря в Императорской публичной библиотеке, несмотря на все располагающие к тому данные. Я начал интересоваться подробностями его биографии и нечаянно установил, что с этой Библиотекой, а точнее с ее руководителем, а еще точнее — с его дочерью была связана глубочайшая жизненная драма поэта — может быть самая глубокая из всех свалившихся на его голову напастей. Она-то и полностью исключила возможность его библиотечарской карьеры, оставив глубокую личную обиду за допущенную к нему несправедливость, что косвенно отразилось на всех его отношениях с Императорской публичной библиотекой. На вопрос *«Почему Пушкин не стал библиотекарем?»* отвечаю сразу: Шерше ля фам.

А теперь прошу вашего внимания к разъяснению подробностей. Дальнейший текст представляет перепечатку моей статьи «Пушкин, любовь и... библиотека», опубликованной к пушкинскому юбилею журналом «Библиотекосведение» (1999. — №3. — С. 4–22).

Ю.Н. Столяров

Ю.Н. Столяров

ПУШКИН, ЛЮБОВЬ И... БИБЛИОТЕКА

В связи с пушкинским юбилеем библиотеки самыми разными способами освещали самые различные стороны яркой и трагической жизни поэта, самые разнообразные оттенки его гениального творчества. Вихрь пушкинианы захватил и меня. Мне захотелось коснуться вопроса, который непосредственно связан с библиотечным делом, — вопроса о взаимоотношениях А.С. Пушкина с Императорской публичной библиотекой. Вопрос этот: почему начиная с 1829 г. Пушкин не доставлял туда свои книги, хотя это предписывалось строгими правилами об обязательном экземпляре?

ЗАВЯЗКА

Согласно утвержденному Александром I Положению об управлении Императорской публичной библиотекой (1810), ей даровалось право получать по два экземпляра каждой вновь издаваемой книги из всех типографий, в империи состоящих. С 1828 г. их количество, по Цензурному уставу, было сокращено до одного.

Пушкин, исправно посылавший дотоле в библиотеку по два экземпляра, теперь вдруг правилом пренебрегает. Не странно ли?

За исполнением Положения тщательно наблюдали сотрудники библиотеки Крылов, Сопиков, Загоскин. При необходимости они напоминали нарушителям о предписании царя невзирая на лица: герою Отечественной войны М.Б. Барклаю де Толли — генерал-фельдмаршалу и князю, президенту Вольного экономического общества А.А. Нартову и т.п. Не был исключением и Пушкин. И.А. Крылов докладывал директору библиотеки А.Н. Оленину: от А.С. Пушкина не получены «Полтава», 1829 г. издания, «Евгений Онегин», глава 7 (1830 г.), «Бахчисарайский фонтан» (1830 г.). Автору направлялись вежливо-официальные напоминания типа: «По приказанию господина директора Императорской Публичной библиотеки канцелярия оной на основании дарованного права Библиотеки и самого устава о цензуре просит его высокоблагородие Александра Сергеевича Пушкина печатанные им книги его сочинения 1) Евгений Онегин 2) Полтава и 3) Историю о Пугачевском бунте доставить ныне в Библиотеку и впредь какие будут издаваться сочинения доставлять. 22 марта 1835 г.».

Эта просьба, как и предыдущие и последующие, была адресатом проигнорирована. В 1836 году помощник И.А. Крылова И.П. Быстров жаловался: «Пушкин не доставил Истории Пугачевского бунта. К нему писано было не однажды, но ответа не получено».

В чем дело?

Начинаю выстраивать версии.

Может быть, Пушкин, в творческих эмпириях витавший, не придавал значения прозаическому порядку? Да и что ему цензурный устав, если его личным цензором был сам император?

Отпадает эта версия. До времени Пушкин был вполне послушен и свой долг соблюдал. Первая глава «Евгения Онегина» (написана в 1823 г.) кончается такой строфой (выделено полужирным курсивом здесь и далее — мной):

Я думал уж о форме плана
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел все это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.
Цензуре долг свой заплачу
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам:
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

Мало того, Пушкин был прекрасно осведомлен о том, кто персонально в Императорской библиотеке отвечает за полноту обязательного экземпляра: в «Воображаемом разговоре с Александром I» (написан в 1824–1825 гг.) поэт советует царю прочесть «Руслана и Людмилу», «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Онегина», который печатается: буду иметь честь отправить два экз. в библиотеку Вашего величества к Ив. Андр. Крылову».

Поэт вообще с должным уважением относился к библиотеке, тонко чувствовал аромат этого слова. В «Повести из римской жизни», где действие происходит в 65 году н.э., чтобы подчеркнуть почтенный возраст персонажа, Пушкин вкладывает в его уста устаревшее к XIX в. произношение слова «библиотека»: «Старый упра-

витель повел его в «вивлиотеку», где осмотрели мы несколько свитков...». Главный же герой, человек более молодой, называет ее по-современному: «Солнце клонилось к западу; я пошел к Петронии. Я нашел его в библиотеке». К слову, ударение в этом слове тогда еще было на «о»: в «Евгении Онегине» читаем:

Но вы, разрозненные томы
Из библиотеки чертей...

Может быть, отказ Пушкина предоставлять свои книги библиотеке объясняется скупостью автора? Такая версия имеет хождение в литературе: «Пушкин не хотел тратить свои деньги на покупку книг для библиотеки. Косвенным доказательством этого может служить его письмо писателю Н.И. Хмельницкому, организовавшему библиотеку в Смоленске и просившему поэта прислать свои книги. 6 марта 1831 года Пушкин писал: «Я бы за честь себе поставил препроводить сочинения мои в Смоленскую библиотеку, но вследствие условий, заключенных мною с Петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книг не позволяет мне и думать о покупке».

Отметим, что возлагать на автора бремя покупки собственных книг и их пересылки желающим, хотя бы это была и библиотека, неэтично. В сложившейся же ситуации Пушкина тем более легко понять: ну нет у него в данный момент свободных экземпляров и почему он должен сам за ними куда-то ехать, покупать и посылать? Тем более что запрос Н.И. Хмельницкого совпал со свадебными хлопотами Пушкина и с действительной его финансовой озабоченностью в целях для него в тот момент куда более важных. В конце концов, Н.И. Хмельницкий мог быть утешен тем, что увековечил свое имя и имя своей библиотеки уже самим фактом получения собственноручного письма Пушкина.

И последнее: одно дело невесть откуда взявшаяся библиотека и совсем иное Императорская публичная, куда Пушкин обязан был сдавать свои книги, прекрасно об этом знал и до 1829 г. считал выполнение этой обязанности для себя честью.

Остается последнее предположение: не пробежала ли между Пушкиным и библиотекой черная кошка? Если это так, то к кому персонально может относиться неприязнь Пушкина? Выяснить это логично с вопроса: были ли какие-нибудь связи у Пушкина с директором и другими сотрудниками библиотеки, и если были, то какие именно?

На пути к ответу на последний вопрос исследователя ожидает богатейшая информация.

Выясняется, что А.С. Пушкин еще с юного возраста прекрасно знал семью директора библиотеки А.Н. Оленина, был принят в ней «как свой человек и, по семейным преданиям, часто беседовал с А.Н. Олениным об искусстве» (по словам пушкиноведа П.В. Анненкова). Салон Оленина Пушкин посещал с 1817 года по апрель 1820-го — до ссылки на юг. Под влиянием оленинского кружка у него возник интерес «к преданьям старины глубокой», первым результатом которого было появление «Руслана и Людмилы», а затем и многих других произведений. Для издания «Руслана и Людмилы» Оленин, среди многих талантов обладавший и художническим даром, нарисовал виньетку, которую Пушкин оценил так: «сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности».

В салоне Оленина Пушкин познакомился с другими сотрудниками библиотеки, и в дальнейшем его связывали с ними тесные дружеские и практически ничем не омраченные отношения. Библиотекарь Н.И. Гнедич на правах «дружеского попечения» был первым издателем «Руслана и Людмилы», тираж «Кавказского пленника» складывался в его квартире, т.е. в Императорской публичной библиотеке (для ее сотрудников А.Н. Оленин построил «библиотечный дом»). С другой стороны, А.С. Пушкин посвящал Гнедичу свои стихи, его перевод «Илиады. Гомера назвал «великим подвигом» и опубликовал на него в «Литературной газете» рецензию (1830 г.).

Пушкинские стихи адресованы также К.Н. Батюшкову, А.И. Дельвигу, другим собратьям по перу и одновременно сотрудникам Императорской публичной библиотеки.

Пушкин был первым, кто записал рассказ библиотекаря Ивана Андреевича Крылова о его юных годах, и это свидетельство тем дороже, что баснописец не оставил по себе ни одной автобиографической строки, умудрился практически никому ничего о себе не рассказать и даже не «вымарать, что заблагорассудится» из своей биографии, написанной П.П. Каменским. Сослуживцу-библиотекарю и литератору М.Е. Лобанову Крылов по этому поводу отписал: «Прочел, ни поправлять, ни вымарывать ни времени, ни охоты нет». Как же он доверял Пушкину, если с ним одним поделился фактами своей биографии!

У Крылова поэт был за день или два до своей дуэли, Иван Андреевич присутствовал при последних мгновениях жизни Пушкина и собственноручно закрыл ему глаза.

Библиотекарю, писателю, музыковеду князю В.Ф. Одоевскому принадлежит крылатая фраза «Солнце русской поэзии закатилось», а так можно сказать лишь испытывая глубочайшее почтение к поэту.

Библиотекарь, а также филолог, поэт и будущий академик А.Х. Востоков среди прочих подал свой голос за избрание Пушкина в члены Российской академии...

Естественно, что по возвращении в Петербург из ссылки в 1828 г. Пушкин снова посещает дом Олениных и вновь принимается там весьма радушно. Летом семья Олениных выезжала на дачу в Приютино, что в 16 верстах от Санкт-Петербурга, на зиму возвращалась в город, и Пушкин везде постоянный и желанный гость.

Оленин считал литературные труды составной частью работы в руководимой им библиотеке и в представлениях своих сотрудников к повышению по должности, награждению и т.п. особо отмечал: «за усердную службу и за немаловажные труды в пользу русской словесности». Работа в библиотеке считалась очень почетной. Так, может быть, Пушкин был обижен на Оленина за то, что столь престижное место не было предложено ему?

Но возможно, что оно и не могло быть ему предложено в силу недостаточной знатности происхождения? Все же одно дело прямой потомок Рюриковичей князь В.Ф. Одоевский и совсем иное — «просто русский мещанин», как сам себя аттестовал Александр Сергеевич.

Это предположение легко опровергнуть: в Библиотеке работали мелкопоместный дворянин из Малороссии Н.И. Гнедич, который, к тому же, как он писал, от колыбели остался в печальном мире сиротой; И.А. Крылов — тоже сирота с десяти лет и сын бедняка-офицера, сбежавший в Петербург из Твери с должности канцеляриста и выбившийся в люди самостоятельно; В.С. Сопиков, В.Г. Анастасевич и некоторые другие сотрудники не были даже дворянами.

Может быть, в библиотеке ко времени второго появления Пушкина в Петербурге уже не было вакансий?

Однако, например, литератор И.П. Быстров впервые познакомился с И.А. Крыловым в марте 1829 г., а уже в мае в качестве библиографа составлял указатель к русским периодическим изданиям. Так что при желании место и должность для Пушкина могли бы быть найдены, тем более что в этот период он был не у дел.

К сожалению, не располагаю на этот счет никакими сведениями. Было бы любопытно знать, заходил ли об этом разговор между Пушкиным и Олениным и каково было отношение Пушкина к возможности стать библиотекарем. Этот сюжет еще ожидает своего исследователя.

Но даже если такой вопрос стоял и решился для Пушкина отрицательно, есть основания полагать, что была куда более важная причина размолвки между Пушкиным и Олениным.

...Итак, она звалась Анет — на принятый в той среде французский манер. Это была Анна Алексеевна Оленина, младшая дочь директора библиотеки. В истории отношений ее и поэта и следует искать причину резко изменившегося в конце 1829 г. отношения Пушкина к Олениным, а из-за них — и к Императорской публичной библиотеке.

Как писала в дневнике сама А.А. Оленина (о себе в третьем лице), «Анета знала его, когда была еще ребенком. С тех пор она пылко восхищалась его увлекательной поэзией».

Вернувшийся с юга в Петербург Пушкин увидел в Анне двадцатилетнюю девушку, живую и обаятельную, блиставшую умом, вкусом и образованием. И страстно в нее влюбился. Через несколько месяцев предложил руку и сердце. Но брак не состоялся.

ВЕРСИИ

Есть несколько объяснений на этот счет.

Согласно одному из них, предложение Пушкина отклонила мать Анет Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая, — двоюродная тетка Анны Петровны Полторацкой, которая известна как Анна Петровна Керн.

Наиболее распространена версия, в соответствии с которой Пушкин получил отказ от А.Н. Оленина: «Для того чтобы завоевать «милости государя», которые ставились им превыше всего, Оленин старался служить ему верой и правдой. И, естественно, Оленин не мог допустить, чтобы Пушкин, за которым был установлен Государственным советом (28 июня 1828 г.) «секретный надзор», стал его зятем. С точки зрения Оленина, дать согласие на сватовство Пушкина значило скомпрометировать себя в глазах царя»; «Преуспевающий сановник, принадлежащий к высшим кругам петербургского общества, тонкий царедворец, А.Н. Оленин не считал неблагонадежного поэта подходящей партией для своей дочери» и т.д.

Звучит убедительно, особенно если учесть, что А.Н. Оленин, кроме прочего, был государственным секретарем, т.е. особой, приближенной к императору.

Но множество свидетельств современников протестует против этой версии. Исключительная литературная терпимость Оленина позволяла его салону быть открытым домом для членов царской семьи, высших сановников, будущих декабристов и одновременно для крепостного художника. Между прочим, среди людей, причастных к тайным обществам, был сын Алексея Николаевича — Алексей Алексеевич Оленин. И хотя Оленин действительно осуждал участников восстания, это нимало не отразилось на его либеральном отношении к участникам салона. В 1832 г., уже после разрыва Пушкина с Анной Олениной, А.Н. Оленин, будучи Президентом Российской академии, дал согласие на избрание Пушкина членом этой академии. Оленин и Пушкин встретились, на похоронах их общего любимца — Н.И. Гнедича (1833 г.), Пушкин участвовал в пожертвованиях на памятник Гнедичу и имел за это письменную благодарность от А.Н. Оленина. Контакты между ними, — правда, уже куда более прохладные, — продолжались и впоследствии. После смерти Пушкина его бюст был установлен Олениным в библиотеке. Иными словами, со стороны Оленина неприязнь к Пушкину отсутствовала, опасение быть скомпрометированным в глазах царя — тоже.

Не подтверждается также версия, по которой брак Анет и Пушкина расстроил портретист и ровесник Пушкина Карл Павлович Брюллов. По его словам, Анет «бросала мне такие взгляды, что я чуть-чуть не женился». Однако художник заболел «и более месяца пролежал в постели, но зато оставил ее свободной и от болезни, и от любви».

На поверку эта версия оказывается курьезом или мистификацией: Брюллов с 1823 по 1835 год был в Италии.

Еще одно объяснение состоит в том, что Пушкин сам отказался от брака правда, по неизвестным причинам. В доказательство приводятся его нелицеприятные строки о семействе Олениных в черновике к 8-й главе «Евгения Онегина» и воспоминания художника М.И. Железнова: «Пушкин посватался и не был отвергнут. Старик Оленин созвал к себе на обед своих родных и приятелей, чтобы за шампанским объявить им о помолвке своей дочери за Пушкина. Гости явились на зов, но жених не явился. Оленин долго ждал Пушкина и наконец предложил гостям сесть за стол без него.

Александр Сергеевич приехал после обеда, довольно поздно. Оленин взял его под руку и отправился с ним в кабинет для объяснений, окончившихся тем, что Анна Алексеевна осталась без жениха».

К первому аргументу (черновик 8-й главы «Онегина») вернемся позже, а второй заслуживает анализа здесь. Действительно, тот факт, что Оленин устроил званый обед, свидетельствует: Пушкин не был отвергнут ни родителями Анет, ни ею самой. Что же случилось в последний момент? «Жених не явился», а где же была невеста? Не происходило ли между ними в этот последний момент решительное объяснение, в ходе которого *Пушкин был отвергнут своей избранницей*? Ведь если бы от женитьбы отказался он сам, зачем бы ему было приходиться «после обеда, довольно поздно»? Можно представить, какой у него был вид, если Оленин «взял его под руку» и повел в кабинет для объяснений. Можно предположить, что Пушкин пришел для того, чтобы ухватиться за последнюю соломинку — убедить отца приказать дочери выйти за него замуж. Отец же на это не пошел, что оскорбило Пушкина в его лучших чувствах еще больше.

Психологически такое развитие событий и их финал представляются наиболее естественными. Дело остается за тем, чтобы это доказать. Самыми убедительными были бы свидетельства первоисточников. К ним и обратимся.

КУЛЬМИНАЦИЯ

Лучший свидетель — сам Пушкин. Точнее, его лирика той поры. Попробуем прочесть его стихотворения под углом зрения развития взаимоотношений с Анет, памятуя, конечно, что стихи — это не следственные показания, но и имея также в виду, что в стихах личность выявляет свою душу куда тоньше и глубже, чем в документальных свидетельствах.

Пушкин появился в Петербурге с настроением хуже некуда. Он и вообще-то не любил этот город, который приносил ему больше неприятностей, чем отрады.

В день своего рождения (26 мая 1828 г.) поэт осмысливает свою жизнь в следующих выражениях:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал?
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

По приезду в Петербург в Пушкине происходит душевный перелом, вызванный вспыхнувшим чувством к Анет. В мае 1828 г. семья Олениных, Пушкин, Грибоедов и Вяземский совершили прогулку на пароходе (тогда это только-только входило в моду) из Санкт-Петербурга в Кронштадт. В этот день произошел эпизод, о котором Анет записала в дневнике: «Анна Алексеевна ошиблась, говоря Пушкину *ты*, и на другое воскресенье он привез эти стихи»:

Ты и Вы

Пустое Вы сердечным ты
Она, обмолвись, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы,
И говорю ей: как вы милы,
И мыслю: как тебя люблю!

Среди прочих салон Оленина посещал в ту пору англичанин Дау, поставивший целью создать карандашные портреты выдающихся лиц Петербурга. В их числе был и Пушкин. Обращаясь к художнику, поэт пишет:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.
Рисуй Олениной черты:
В жару сердечных вдохновений
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

За легкой самоиронией здесь проглядывает и то, что тревожит Пушкина: свой почти тридцатилетний возраст он уже ощущает как бремя, а «арапский профиль» — как несчастливое наследие.

Тем не менее все развивается благополучно. Пушкин в последующих стихах обращается к предмету своей любви на «ты».

Волнением жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердцем алчу отдохнуть,
И близ тебя мой друг бесценный...

Однажды Пушкин появился у Олениных в тот момент, когда Анет получает урок пения у М.И. Глинки — разучивает грузинские напевы, привезенные А.С. Грибоедовым. Пушкин не остался пассивным слушателем:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный...

Оленина показала это стихотворение М.И. Глинке, и тот написал известный романс. Пушкин использовал любой повод, чтобы воспеть свою любовь. В честь А.О. Смирновой-Россет П.А. Вяземский написал стихотворение «Черные очи», которые сравнивал со звездами:

Южные звезды, черные очи!
Неба чужого огни!
Вас ли встречают взоры мои
На небе хладном бледной полночи?

Пушкин был с нею тоже знаком довольно коротко, но стихи Вяземского парировал своими:

Ее глаза

Она [Смирнова-Россет]
мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,

Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей,
Но сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество,
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Пушкин, как видим, уже считает Оленину «своей». В одном из черновиков он представил себе, как будет выглядеть ее имя после свадьбы, написав по-французски: Анет Пушк'ин. Эта надпись густо зачеркнута, — думаю, после разрыва отношений между ними.

Оптимизм поэта оказался преждевременным. Он начинает обостренно чувствовать тревогу по этому поводу. Вот два свидетельства: «Приметы» и «Предчувствие».

Приметы

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.
Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.
Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

Обратим внимание на отчужденное «к вам»: дистанция между поэтом и тем, к кому он ехал, резко увеличилась. А ехал он «прочь» — уже даже не «от вас»: дистанция увеличилась еще больше. Судя же по примете, эта дистанция грозит стать бесконечной...

Предчувствие

Снова тучи надо мною
Собралися в вышине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.
Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Тема предчувствия, на мой слух, кончается словами: «Я спешу в последний раз». Далее развивается новый сюжет: лирический герой смирился со своей участью; все, чего он просит, — хотя бы трогательное, душевное прощание («взор свой нежный подыми иль опусти», не будь только бесчувственной, равнодушной). Предчувствие — еще не реальность. Поэт не оставляет надежды достучаться до сердца возлюбленной. Если до нее не доходят прозаические речи, он готов бросить на чашу весов последнюю возможность — использовать свой поэтический дар:

Увы, язык любви болтливой,
Язык неполный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы

Честолюбивый Аполлон.
Ей милы мерные напевы,
Ей сладок рифмы гордый звон.
Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.

И вот здесь тоже поднятая тема исчерпывается. Далее следует обращение к своему поэтическому дару, имеющее сверхзадачу: разжалобить адресата, посетовать на несчастливую судьбу, — а что еще остается делать бедному влюбленному:

Благословен же будь отныне,
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоненье,
Иль лицемерную хулу,
Иль клевету, иль заточенье,
И редко хладную хвалу.

У поэта, как видим, нет претензий к любимой, нет слов осуждения — винить в несложившейся взаимности некого. Ему остается только сравнивать свой удел с более удачливыми счастливыми:

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
По ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову ревниво,
Признанья слушает твои.

Какие признанья, признанья в чем? По ком «любовью млеешь явно», т.е. не скрывая ее от того, кто слушает эти признанья? Но даже «сгорая пламенем любви», поэт отмечает независимость — «своенравность» собеседницы, характеризует ее мечту как «тоскливую» — убийственная характеристика!

РАЗВЯЗКА

Момент окончательного выяснения отношений Пушкина с Анет нашел отражение в принадлежащих ему сатирических изображениях Олениной (в альбоме Е.Н. Ушаковой, декабрь 1828 — январь 1829 г.) и строках приписываемых ей восклицаний: «Прочь! прочь отойди! — Какой беспокойный! — Прочь! прочь! — Отвяжись, — руки недостойный». О содержании разговора между Пушкиным и А.Н. Олениным можно судить по писавшейся в это время поэме «Тазит», где герой:

...не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К ее отцу, его отводит
И говорит: «Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскуя
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден, но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг,
Послушный, преданный и нежный,
Твоим свенам кунак надежный,
А ей — приверженный супруг».

В черновиках присутствует и ответ отца:

«Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст любимое дитя!
Ты мой рассудок иссушаешь
Иль празднословия, иль шутя.
Ступай, оставь меня в покое».
Глубоко в сердце молодое
Тяжелый врезался укор,
Тазит сокрылся — с этих пор
Ни с кем не вел он разговора
И никогда на деву гор
Не возводил несчастный взора.

Рисунки профилей Анет и Алексея Николаевича Олениных на полях черновика «Тазита» подсказывают, кем и какими обстоятельствами навеяны эти строки.

Отношения выяснены, надеяться больше не на что. Оснований для отказа Пушкин не признает. «Пламень любви» гасится в нем пламенем ревности и оскорбленности в лучших чувствах, и этот порыв он выплескивает на страницы черновика 8-й главы «Евгения Онегина». Думаю, здесь и коренится причина непредставления своих произведений в публичную библиотеку. Автор так и не смог переступить через свое уязвленное самолюбие:

Annet Olenine тут была
Уж так [жеманна], так мала!
Так бестолкова, так писклива,
Что вся была в отца и мать.

Оленину в другом черновике досталось еще больше:

Тут был отец ее пролаз,
Нулек на ножках...

и т.п. Эти строки и были приняты некоторыми пушкиноведами как свидетельство того, будто Пушкин сам отказался от брака с Анет Олениной.

Их несправедливость так и бросается в глаза: ну кто бы упрекал Анет в малом росте, только не Пушкин, и сам весьма малорослый. «Бестолковость» — это, по-видимому, ее нежелание внять уговорам и доводам Пушкина.

Остыв, он и сам понял несправедливость своей минутной вспышки, и эти строки были им решительно вычеркнуты.

Но обида, в особенности на главу семьи А.Н. Оленина, осталась. И перенеслась на библиотеку. Своему упорству (упрямству) Пушкин остался верен и в последующем, а значит нанесенная ему рана не заживала, несмотря на то, что внешне все выглядело благополучно: появилась жена-красавица Наталья Гончарова, образовалась семья, родились дети...

Анне же Алексеевне он все простил. Его чувство к ней осталось по-прежнему трепетным и нежным.

Окончив «Полтаву», он пишет посвящение, адресованное, по свидетельству А.Н. Олениной, ей (1849 г.):

Тебе — но голос музы томной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной

Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?
Узнай по крайней мере звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Легко представить, какие слухи и кривотолки будоражили высший свет после скандального званого обеда. Пушкина они больно ранят, но еще больнее ему оттого, что они задевают честь возлюбленной, а он не в силах ей помочь:

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права;
Один, среди толпы холодной
Твои страданья я <...>
Не пей мучительной отравы,
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

Пушкин все еще рассчитывает остаться хотя бы другом. Но на его долю не остается и этого. И он прощается со своей любовью бессмертными стихами:

Я вас любил; любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Шедевр не комментируют.

Позднее, в 1833 году, Пушкин сделал под этим стихотворением приписку «давно прошедшее» (по-французски). Любовь к тому времени, возможно, была вытеснена, но ощущение несправедливости сохранилось — отношение к Императорской публичной библиотеке тому свидетельство.

Когда стало окончательно ясно, что эта любовь безответная и безнадежная, свет Пушкину стал не мил, и он был готов умчаться из постылого Петербурга куда глаза глядят:

К подножию ль стены великого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец...

Но от себя не убежишь, и Пушкин прекрасно это понимает:

... Поедем... но, друзья,
Скажите, в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

В октябре 1828 г. Пушкин покидает Петербург, оставляя о нем такое впечатление:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

А.А. Оленина записывала в дневнике, что ее нога «действительно очень мала, и почти никто из ее подруг не мог надеть ее туфель. Пушкин заметил это преимущество, и его жадные глаза следили по блестящему паркету за ножками молодой Олениной».

Как известно, Пушкин очертя голову поехал не в Китай и не в Италию, а на Кавказ, где шли бои.

Но мысли об Олениной действительно тревожат Пушкина и вдали от Петербурга:

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко, печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою.
Тобой, тобой одной... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Новая любовь — это уже чувство к Наталье Гончаровой.

К новому 1830 г. А.С. Пушкин задумал разослать знакомым свои визитные карточки. В составленном с этой целью списке была и фамилия Олениных, но по размышлении здоровом Пушкин ее вычеркнул:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.
Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.
Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

На самом деле это в его сердце продолжала жить память...

Рискну высказать догадку: «Евгений Онегин» закончен 25 сентября 1830 г. — столь внезапно, едва ли не на полуслове, под влиянием замужества Олениной (которая с 1830 г. стала носить фамилию Андро). В романе Пушкин — Оленина была поставлена последняя точка. В феврале 1831 г. состоялась свадьба и самого Пушкина, причем со своей будущей женой он был знаком с того же столь памятного для него 1828 года.

В первой главе «Евгения Онегина» автор намеревался написать «поэму песен в двадцать пять», а окончил ее всего лишь восьмой главой. Поначалу он «даль свободного романа... еще не ясно различал», но затем установка рассудочной Татьяны: «Я другому отдана; я буду век ему верна» (Анет Оленина вышла замуж в 1830 г.!) — мгновенно высветила суть коллизии и сделала продолжение романа излишним. К тому же это было и слишком мучительно — снова, «в минуту злую для него», погружаться сердцем «в бурю ощущений». У него нет сил описывать и ту, «с которой образован Татьяны милый идеал». «О много, много рок отъял!» — вот и все, на что хватило поэта. Судьба замужней Татьяны уже его не интересует.

Говоря все это, я отдаю отчет в полном внешнем различии сюжета «Онегина» и описываемой сердечной драмы Пушкина. А все же внутренняя душевная их перекличка чувствуется — по крайней мере мною.

Вот, кажется, и решена поставленная задача. И можно ставить точку.

Однако пока что перед нами, так сказать, лишь косвенные свидетельства. А вдруг в этом анализе есть натяжки, домыслы? Как это проверить?

Такая возможность имеется. Есть ведь и другой участник этой драмы. Это Анет. А она вела дневник, в том числе и в 1828—1829 гг. Хотела, по собственному признанию, уничтожить его, когда выйдет замуж, но потом решила оставить в назидание дочерям: чтобы они понимали ход ее мыслей, понимание супружеского долга. Дневник оказался в Варшаве, потом в Париже. В 1936 г. он был там издан, но ограниченным нумерованным тиражом. Знакомиться с ним мне долгое время не доводилось. Когда же это представилось возможным (сейчас оригинал хранится в Пушкинском доме), выяснилось, что все так и было, как я себе представлял по психологическому анализу пушкинских стихотворений.

Итак, *audiatur et altera pars*: пусть будет выслушана и другая сторона.

Анет отдавала Пушкину должное, признавая, что Бог даровал Пушкину «Гений единственный», называла его самым интересным человеком своего времени. Внимание знаменитого поэта ей, конечно, льстило. Ее привлекали живость, находчивость, остроумие, темперамент, отзывчивость Пушкина.

Но одно дело — Пушкин как литературный гений, и совсем другое — Пушкин-муж, Пушкин-отец ее будущих детей. Здесь Оленина проявляет осторожное благоразумие, не по летам холодную рассудочность. Окруженная толпой поклонников, она имела возможность сравнивать и выбирать. Пушкин не был ей симпатичен:

«Бог ...не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевала тот ум, который был виден в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль («Зачем твой дивный карандаш рисует мой арапский профиль» — помните?) ...не украшал лица его, да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава и неограниченное самолюбие»... и т.д. Ну можно ли выходить замуж за столь отталкивающую личность?

И.А. Крылов, самый близкий друг всей семьи Олениных, как-то попенял Анне за то, что она «пренебрегала хорошими партиями, думая выйти за генерала». Оленина возражала, но вместе с тем выразила уверенность в том, что Крылов не пожелал бы ей выйти замуж «за Краевского или за Пушкина». Она доверяет дневнику следующий ответ Крылова: «Боже избави, — сказал он, — но я желал бы, чтобы вы вышли за Киселева, и, ежели хотите знать, он сам того желает. Но он и сестра говорят, что нечего ему соваться, когда Пушкин того же желает».

Так что ее отказ Пушкину, и отказ твердый, категорический, был предрешен изначально, приметы и предчувствия, как видим, его не обманывали. Мало того, Оленина была уверена, что ее отказ встретит в обществе понимание и одобрение.

А вот ее рассуждения, достойные повзрослевшей Татьяны Лариной. 7 июля 1828 г. (в разгар пушкинской любви к ней) она размышляет, как будет реагировать, если получит предложение от брата своей тетушки Варвары Дмитриевны Полторацкой: «Думаю, что выйду за него. Буду ли я счастлива? Бог весть! Но сомневаюсь. Перейдя пределы отцовского дома, я оставляю большую часть счастья за собою [позади]. Муж, будь он ангел, не заменит мне все то, что я оставляю. Буду ли я любить своего мужа? Да, потому что перед престолом Божиим я поклянусь любить его и повиноваться ему. По страсти ли я выйду? Нет! Потому что 29 марта я сердце

свое схоронила... и навеки. Никогда уже не будет во мне девственной любви, и ежели выйду замуж, то будет любовь супружественная» — и т.д.

Так что Пушкину изначально надеяться было не на что. Но характерно, что сначала Оленина пережила такую же пылкую и безответную любовь к князю А.Я. Лобанову-Ростовскому, что и юная Татьяна Ларина к Евгению Онегину, — так что сюжет Пушкин избрал типичнейший!

Через десять дней Оленина укрепляется в своем миропонимании: «Я хотела было, ежели бы вышла замуж, сжечь мой журнал. Но теперь думаю, что не сделаю того. Пусть все мысли мои в нем сохранятся, пусть мои дети, особливо мои дочери, узнают, что страсти не ведут к счастью, а что путь истинного благополучия есть путь благоразумия». И далее: «...Я сама вижу, что мне пора замуж: я много стою родителям. Пора, пора мне со двора. Хотя это будет ужасно! Оставив дом, где была счастлива, я войду в ужасное достоинство жены! ...Как часто придется мне вздыхать из-за того, кто перед престолом Всевышнего получил мою клятву повиновения в любви; как часто, увлекаемый пылкими страстями молодости, будет он забывать свои обязанности, как часто будет любить других, а не меня! Но я? Преступлю ли законы долга, будучи пренебрегаема мужем? Никогда! Жизнь не вечна, и хоть она будет несносна, я знаю, что после нее есть другой мир — мир блаженства. Для этого мира и ради долга перенесу все несчастья жизни до самой смерти, которая спасет меня от горя» (17 июля 1828 г.).

Остается установить, далек ли был от истины Пушкин, выдавая свою героиню Татьяну Ларину замуж за генерала.

...Избранником Анны Алексеевны Олениной стал граф, полковник лейб-гвардии гусарского полка. Современники сообщают: «Хотя он имел весьма доброе сердце, но тяжелый нрав, вспыльчивый, обидчивый, не терпевший возражений». Ну что же, Анет получила то, на что шла.

Да, Анна Алексеевна намного превосходила Александра Сергеевича в благоразумии, но настолько же отставала от него в сердечности и душевной чуткости, ранимости, страстности. Как говорится. Бог ей судья. Она вышла замуж по расчету и, кажется, была довольна жизнью. На долю поэта, как и положено, остались страдания. Но и бессмертная слава его стихов, воплотивших его любовь...

ЭПИЛОГ

Пушкинский долг библиотеке в меру сил вернули его прямые потомки. Особенно преуспел в этом старший сын — Александр Александрович (1833—1914), боевой генерал, который имел «все русские ордена до ордена Александра Невского с бриллиантовыми украшениями включительно и многие иностранные». Он передал в Румянцевский музей бесценные рукописи Пушкина, причем упросил младшую сестру — Наталью Александровну — расстаться с самым дорогим, что у нее было: перепиской отца и матери.

Румянцевский музей, таким образом, кумулировал в своем фонде самое полное рукописное и опубликованное собрание произведений Пушкина (издания его сочинений начали поступать туда в качестве обязательного экземпляра с 1862 г., дары рукописей — с 1870-х гг.).

К 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина по решению Совнаркома СССР все эти бесценные сокровища были переданы в Пушкинский дом, образовав самую ценную часть его древлехранилища.

Григорий Александрович Пушкин (1835—1905) в 1899 г., к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина, продал Михайловское государство «для устройства в нем дома престарелых литераторов и библиотеки-читальни имени А.С. Пушкина». Жаль ему было уезжать оттуда: он «много плакал и убивался, а как пришло время садиться в карету, стал на колени, перекрестился до земли дедовской усадьбе, рощам и саду и сказал: «Прощайте, милые мои, навсегда».

В том же 1899 г. Московская городская управа решила увековечить 100-летие со дня рождения Пушкина сооружением народной аудитории с читальнею при ней. По предложению городского головы князя В.М. Голицына для заведования этим учреждением была избрана старшая дочь А.С. Пушкина — фрейлина Мария Александровна, в замужестве Гартунг (1832—1919). К описываемому моменту она была вдовой, так как генерал Леонид Николаевич Гартунг в 1877 г., будучи ложно обвинен в присвоении казенных денег, согласно офицерскому и дворянскому кодексу чести, не дожидаясь итогов расследования, застрелился. Сейчас московская библиотека имени А.С.Пушкина находится в прежнем здании — возле метро «Бауманская».

Таким образом, к библиотекам оказались причастны все четверо детей А.С. Пушкина. А внук его — Григорий Александрович Пушкин (1868—1940), и с 1923 г. получавший персональную пен-

сию за деда, тот просто был сотрудником библиотеки — Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (с 1936 по 1940г.)!

Дел же самых разных, осуществленных библиотекарями в честь А.С. Пушкина, счесть невозможно. Одним из первых и наиболее значительны было торжественное заседание Общества любителей русской словесности памяти А.С. Пушкина в Колонном зале Благородного собрания (Москва, 1899 г.). Вел заседание председатель этого общества библиотекарь Московского публичного и Румянцевского музеев Н. Стороженко. Директор этих музеев М. Веневиных опубликовал тогда же статью о московском доме своих предков, где А.С. Пушкин впервые ознакомил «мыслящую Москву» с «Борисом Годуновым».

Пусть же и эти наброски войдут в копилку библиотечной пушкинианы.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

**«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧКА
ШКОЛЬНОГО БИБЛИОТЕКАРЯ»**

Серия 1

Вып. 1.

**ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ — БИБЛИОТЕКАРИ:
от А до Я**

Составитель:

Елена Игоревна ПОЛТАВСКАЯ

Формат 84x108¹/₃₂. Усл.печ. л. 8,40.

Тираж экз. Заказ

Издательство «Школьная библиотека»
109012 г. Москва, М. Черкасский пер., 1/3, комн. 437.
Тел/факс: 270-60-20

Отпечатано в ОГУП «Областная типография “Печатный двор”»
432049 г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27